

Slavery: Theory and Practice

Issued since 2016.

E-ISSN 2500-3755
2023. 8(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Peretyatko Artyom – Cherkas Global University, Washington, USA (Editor in Chief)

Molchanova Violetta – Cherkas Global University, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Akhalmosulishvili Teimuraz – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Bellagamba Alice – Università degli Studi di Milano-Bicoccadisabled, Milan, Italy

Declich Francesca – Università degli Studi di Urbino Carlo Bodisabled, Urbino, Italy

Garunova Nina – Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Goncharenko Anatoliy – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Kazarov Sarkis – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Klychnikov Yuri – Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Makhortykh Sergei – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Zacek Natalie – University of Manchester, Manchester, UK

Smigel Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1, Washington, District of Columbia 20036

Release date 16.12.23

Website: <https://stp.cherkasgu.press>
E-mail: dudarev51@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global University

Order № 8.

Slavery: Theory and Practice

2023

Is. **1**

CONTENTS

Articles

On the Issue of International Aspects of the Prohibition of the Slave Trade and Slavery in the 19 th century M. Šmigel'	3
To the Issue of the Evolution of Questionnaires of Prisoners and Slaves from Circassia who Fled to Russia in 1810–1857 (using the example of “Circassian Slave Narratives”) S.N. Nikitin	24
A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov A.Yu. Peretyatko	36
Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences F.J. Tadjieva	53
Conceptualization and Juridicalization of Contemporary Forms of Slavery and Practices Similar to it in the System of International Human Rights Guarantees A.E. Lebid	63
Modern Slavery: The Concept and Evolving Challenges for International Law V.M. Zavhorodnia	75

Letters to the Editorial Office

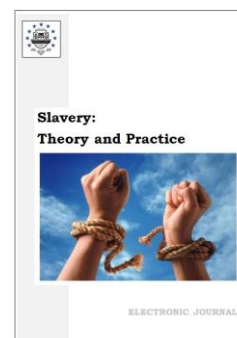
About the Results of the 4th International Competition “Slavery in the Past and Present” A.A. Cherkasov	87
---	----

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2023. 8(1): 3-23

DOI: 10.13187/slave.2023.1.3
<https://stp.cherkasgu.press>

Articles

On the Issue of International Aspects of the Prohibition of the Slave Trade and Slavery in the 19th century

Michal Šmigel^{a,*}

^a Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovak Republic

Abstract

The study focuses on the international aspects of the struggle against human enslavement, i.e. on the prohibition of the slave trade and the abolition of slavery in the transatlantic space in the context of the tangled events of the 19th century. The main attention is paid to the influence of abolitionist and missionary communities on public opinion. Other important issues analysed in the study are an international cooperation against the slave trade, economic changes in the transatlantic space, and the international politics of the period.

The material basis used for the analysis of chosen topics consists of historical documents, collections of documents, as well as scholarly studies and monographs. General scientific methods, as well as specific research methods inherent to the historical discipline, were used in the research tasks. The struggle against slavery in the transatlantic space was analysed by author in the context of causal (cause-and-effect) relations between the world (naval) powers of the time – Great Britain, the United States, France, the Russian Empire. The partial events and conflicts were also analysed, as well as their influence on other countries and regions of the world.

Finally, the author highlighted the main stages of the development of international cooperation aimed at combating the slave trade and slavery in the 19th century. The author concludes that although the driving force behind the struggle against slavery were humane motives, their realization on an international scale took place under the influence of economic factors and the needs of the “new imperialism” in the second half of the 19th century.

Keywords: Slavery, Slave trade, Abolitionist movement, Transatlantic Slave trade, Imperialism.

1. Введение

Рабство существовало с доисторических времен. Его практиковали в различных цивилизациях во всех периодах истории. Рабство и принудительный труд были, в различной степени, частью экономики многих стран на протяжении веков.

«Хозяйственное использование» рабов возникло с распадом родового быта, с появлением земельного неравенства и территориального сообщества, с захватом земли родовыми и племенными элитами. Оно преодолело разные этапы развития, менялась форма, массовость и экономические модели рабовладения. Тем не менее неизменным

* Corresponding author

E-mail addresses: michal.smigel@umb.sk (M. Šmigel)

остался сам смысл – потребность в рабочей силе и прибыль, вытекающая из нее, а также возможность владения другим человеком.

Экономические системы самых ранних государственных образований, таких как Древний Египет и города-государства Месопотамии, были напрямую основаны на владении рабами и использовании их труда. Рабство играло важную роль в Древней Греции и Риме (было даже возведено в степень государственного учреждения). С возведением христианства в государственную религию в рабстве произошли некоторые смягчения. Часть первоначальных римских рабов была превращена в так называемые колонии свободных поселенцев, земледельцев (Ингрэм, 1896: 126-127). У славянских и германских племен покоренные и военнопленные составляли особый класс, члены которого в течение средних веков также превратились в крепостных. У восточных народов рабство изначально имело более мягкий характер. Важно отметить, что согласно законам ислама обращать свободного мусульманина в рабство было запрещено. Это, однако, не касалось захваченных в плен во время войн немусульман. Такое положение и стало исходной точкой для налаживания предприятий по торговле невольниками обоих полов, поступавших на рынки Передней Азии (Мухамеджанов).

В средневековой Европе рабство постепенно заменили другие формы использования рабочей силы. Это произошло в результате всестороннего перерождения общества и экономических отношений (увеличение населения и снижение затрат на рабочую силу). Создался новый институт крепостничества, породив новое состояние несвободных – прикрепленных к земле и поставленных под власть землевладельца крестьян. Однако с XIV века крепостное право в Европе начинает отступать (сначала в Западной Европе, а затем, спустя несколько столетий, – в Восточной Европе).

Рабство, которое в старой Европе находилось в процессе исчезновения, было восстановлено в течение XVI века в Новом Свете. На колонизированных европейцами территориях повсеместно в широких масштабах разворачивалось сельскохозяйственное (плантационное) производство, требующее большого количества работников. Во многих местах, в особенности в Америке, работников было просто негде взять. Местное индейское население не удалось превратить в рабочую силу, а волна переселенцев из Европы была недостаточной. Одновременно в ходе освоения европейцами Африки обнаружилась возможность достаточно легко получить практически неограниченное количество работников. Европейцы захватывали и обращали в рабство коренных африканцев. С начала XVI века начались массовая работорговля и ввоз в Новый Свет миллионов африканских рабов (Smigel, Cherkasov, 2016: 1183-1184). Прибыльную Трансатлантическую работорговлю сначала монополизировали Испания и Португалия. Постепенно ее переняли Нидерланды, Франция, Великобритания и, наконец, вновь Испания и Португалия (см.: Таблицу 1). На африканском побережье также закрепились шведы, датчане и бранденбуржцы. В это время понятие раба как рабочего орудия и предмета торговли усилилось, но, с другой стороны, исчезло значение раба как военнопленного (Pagden, 1995: 169).

Работорговля не ограничивалась западным побережьем Африки (в частности, вдоль побережья Гвинейского залива). Другой областью было побережье Индийского океана. Одним из его центров был остров Мозамбик. Однако рабы из восточной Африки вывозились прежде всего на Ближний Восток и на остров Занзибар. Здесь господствовали ближневосточные властители, активно действовали португальские и французские работорговцы (Высокова и др., 2010: 26). Рабство в мусульманских странах Передней Азии в то время динамично развивалось. Рабский труд и работорговля стали важной частью экстенсивной экономики многих азиатских держав, включая Оттоманскую Порту. Основными источниками поступления невольников в Оттоманскую империю были: Африка (Вадай, Борну, Багирми, Судан-Хартум, бассейн Нила, Эфиопия, Занзибар), побережья Красного моря и Персидского залива, Хиджаз и Кавказ (Источники работорговли...).

Параллельно с массовой работорговлей и увеличением числа порабощенных людей росла критика рабства. Уже в XVI веке раздавались голоса людей, не одобрявших порабощение чернокожих африканцев. Находясь под влиянием идей гуманизма, образованные люди понимали, что рабство по своей сути аморально. В критике рабства они часто использовали христианскую этику и главную заповедь веры – любовь к ближнему.

Например, против рабства выступал Мишель де Монтень (1533–1592) – известный французский писатель и философ эпохи Возрождения.

2. Материалы и методы

Материалами для анализа и написания статьи послужили исторические документы и сборники, а также научные статьи и исследования. Методологическую основу статьи составили принципы объективности и историзма, критического отношения к источникам и вынесения суждений в результате анализа совокупности фактов в контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы, а также специальные методы, свойственные исторической дисциплине. Метод исторического сравнения активно использовался для выявления и характеристики исследуемых явлений. Борьба с рабством на трансатлантическом пространстве рассматривалась в контексте каузальных (причинно-следственных) связей, основанных на событиях в тогдашних мировых (морских) державах – Великобритании, США, Франции, Российской империи.

3. Обсуждение

Согласно международной «Конвенции о рабстве», принятой в 1926 г. Лигой Наций, под рабством следует понимать «состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них». Иными словами, раб является чьей-то собственностью (господина, рабовладельца, хозяина или государства), человек удерживается в состоянии рабства. Под работоторговлей подразумеваются все действия, связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство; все действия, связанные с приобретением раба с целью его продажи или обмена; все действия по продаже или обмену лица, приобретенного с этой целью, и вообще всякое действие по торговле или перевозке рабов ([Конвенция о рабстве, 1926](#); [Лебединец, 2016: 187](#)).

Работоторговля существовала в Африке и до прихода европейцев. Но именно с великими географическими открытиями она приняла гигантские масштабы. Образовался торговый «золотой треугольник» (Golden Triangle), который приносил всем участникам огромные прибыли. Торговля людьми успешно процветала более 300 лет. Историю Трансатлантической работоторговли принято делить на три периода.

Первый период – начало XVI века – середина XVII века – характеризовался началом и нарастанием с каждым годом вывоза рабов в Новый Свет, причем почти исключительно с побережья Западной Африки. Главными районами вывоза рабов из Африки были Золотой Берег, Конго и Ангола. Основными потребителями живого товара являлись колонии Испании. По мере обретения Голландией, Францией, Англией и другими странами колоний в Новом Свете и создания в них плантационного рабства начала появляться конкурентная борьба за контроль над невольничьими рынками.

Второй период – середина XVII века – 1807/1808 гг. – период так называемой свободной работоторговли, когда десятки торговых компаний занимались продажей людей на широкой основе. Торговля рабами возрастала, и ее организация совершенствовалась. Этот период характеризовался развитием аболиционизма. Кроме того, начало промышленного переворота поставило на повестку вопрос нового сырья (например, масел, необходимых для смазки в машинном производстве, бытового освещения, парфюмерии). Начал налаживаться прямой товарообмен с Африканским континентом.

Третий период – 1807/1808 год – 1890 год – период широкого развития контрабандной торговли африканцами, завершившийся решением Брюссельской конференции 1890 года по борьбе с работоторговлей. В значительной степени колониальные захваты «Нового империализма» последней трети XIX века – начала XX века шли под флагом борьбы с работоторговлей. Закончился относительно мирный период развития Венской системы международных отношений, а Великие державы вступили в борьбу за «раздел мира» ([Высокова и др., 2010: 25-26, 93](#)).

По современным оценкам, работоторговцы вывезли из Африки на американские плантации около 12-15 млн человек (по разным данным). Со всего континента работоторговцы забирали самых здоровых и продуктивных людей. Менее сильных, менее трудоспособных, непродуктивных, старых и больных оставляли в заброшенных африканских деревнях.

Обескровливая «Мать-Африку», работорговля способствовала экономическому процветанию стран Европы и Америки.

Таблица 1. Современные оценки Трансатлантической работорговли в период 1501–1870 гг. (основные страны, участвовавшие в работорговле) ([Trans-Atlantic Slave Trade](#))

Период / государство	Испания / Уругвай	Португалия / Бразилия	Великобритания	Нидерланды	USA	Франция	Дания/Балтия	Итого
1501–1600	119 962	15 4191	1 922	1 365	0	66	0	277 506
1601–1700	146 270	1 011 192	428 262	219 931	4 151	38 435	27 391	1 875 632
1701–1800	10 654	2 213 003	2 545 297	330 014	189 304	113 9013	67 334	6 494 619
1801–1870	784 639	2 469 879	283 959	3 026	111 871	203 890	16 316	3 873 580
Итого	1 061 525	5 848 265	3 259 440	554 336	305 326	1 381 404	111 041	12 521 337

Согласно доступным данным Организации Объединенных Наций, население Африки с 1650 по 1850 гг. держалось на одном уровне и составляло 100 млн человек – беспрецедентный случай в истории, когда население целого континента в течение двух веков не прирастало, вопреки традиционно высокой рождаемости. Косвенные демографические потери африканского континента в результате работорговли оцениваются в 150 млн человек.

4. Результаты

Требование всеобщей аболиции (абсолютного запрета рабства) возникло в Старом Свете после 1750 года. Видные европейские интеллектуалы заявили, что рабство противоречит человеческому достоинству и «естественным правам» человека (любого человека, без различия), а человеческие существа не могут быть предметом торговли. По словам Дэвида Б. Дэвиса, «широко распространенное движение против рабства было исторической вехой в развитии современной европейской морали» ([Davis, 1966: 7](#)).

Несомненно, требование отмены рабства как такового тесно связано с развитием промышленного капитализма, который в своей классической форме проявился в Европе после Великой Французской революции. В это время изменились и приоритеты европейских предпринимателей, и само предпринимательство, которое три столетия приносило возрастающие прибыли. Оно внезапно перестало быть выгодным в условиях «капитализма свободной конкуренции» и массового спроса в свободной рабочей силе ([Křížová, 2013: 190–192](#)).

С начала XIX века в разных странах мира начинается процесс запрета торговли рабами и впоследствии отмены рабства как такового. Однако это был длительный процесс, развивавшийся сложно. Его победа рождалась постепенно, на протяжении XIX – начала XX веков.

Аболиционизм, борьба с работорговлей и рабством в Британской империи

Громкая критика рабства зазвучала в Великобритании в период формирующейся доктрины либерализма. Адам Смит (1723–1790), шотландский экономист, философ, один из основоположников экономического либерализма, осуждал подневольный труд с экономической и нравственной точек зрения. В своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) он утверждал, что труд рабов недостаточно эффективен (из-за отсутствия личной мотивации), что работа свободного крестьянина будет более продуктивной, когда он сам будет заинтересован в том, чтобы его сельскохозяйственная деятельность приносила как можно больше прибыли (см.: [Salter, 1996](#); [Weingast, 2021](#)).

Критика рабства была связана с радикализацией общества и всплеском социальной активности в Британии во второй половине XVIII века, а также со следствием глубоких сдвигов в социально-политической сфере рубежа XVII-XVIII века (конституционная монархия, свобода вероисповедания, отмена цензуры, подтверждение гражданских прав

англичан, упрочение в повседневной жизни британцев митингов, собраний и прессы, петиционные движения). Вторая половина XVIII и начало следующего столетия явились важным этапом становления национального, гражданского и правового самосознания в Великобритании. Во взаимоотношениях британских институтов власти и общества происходили своего рода встречные движения как результат формирования новых каналов социальной и политической связи между ними (Айзенштат, 2009: 129-130, 163).

Более ярое выступление против рабства в Великобритании произошло лишь во второй половине XVII века с распространением радикальных протестантских общин, таких как квакеры. Уже в 1860–1870-х годах среди квакеров и духовенства Англиканской церкви начало распространяться убеждение, что работорговля бесчеловечна и противоречит не только моральному закону, но и христианскому учению. Квакеры мигрировали из Англии, где до 1689 года были преследуемой религиозной группой, в североамериканские колонии, где существовала более высокая религиозная толерантность. Уильям Пенн (1644–1718), получивший от короля Карла II Стюарта большую территорию в Америке, превратил ее в так называемую «собственническую колонию» – Пенсильванию (1681) и впоследствии объявил рабство вне закона. В 1775 году Энтони Бенезе (1713–1784), французский религиозный эмигрант-кальвинист, основал первое в США (да и во всем мире) аболиционистское «Общество спасения свободных негров, незаконно удерживаемых в рабстве» (Society for the Relief of Free Negroes Unlawfully Held in Bondage). Большинство его членов были квакерами (Kunec, 2020a: 39-40). Бенезе сформулировал доктрину аболиционизма, суть которой базировалась на ряде социально-экономических и гуманитарных положений.

Во второй половине XVIII века квакерские антирабовладельческие настроения были особенно сильны в Англии, где под их влиянием появились первые сознательные борцы за отмену рабства и восстановление свободы для рабов (называли их аболиционистами). В мае 1787 года было создано первое аболиционистское общество в Великобритании – «Общество за отмену работорговли» (Society for Effecting the Abolition of the Slave Trade). Среди его основателей были девять квакеров и три члена Англиканской церкви. Члены организации собирали отчеты о количестве невольничьих кораблей, свидетельства о бесчеловечном обращении с рабами и писали петиции членам парламента с требованием принять антирабские законы. К наиболее активным аболиционистам, таким как Грэнвилл Шарп, Томас и Джон Кларксон, Ханна Мор, Чарльз Миддлтон и др., присоединился еще один ярый аболиционист, политик и филантроп Вильям Вилберфорс (1759–1833), который отстаивал цели Общества в британском парламенте. Только в 1789 году В. Вилберфорс внес в Палату общин британского парламента 12 законопроектов против работорговли. Хотя эти предложения поддержали такие авторитеты, как премьер-министр Уильям Питт-младший, Чарльз Фокс (лидер оппозиционных вигов) и мыслитель Эдмунд Берк, они так и не были законодательно оформлены. Также не прошло в парламенте его предложение об отмене работорговли в 1791 году. Этот перспективный курс действий был пресечен участием Великобритании в войне против революционной Франции (Kunec, 2020a: 39-44).

Критиками британского колониального порядка были также миссионерские сообщества. В течение XVIII века в Великобритании возникает несколько десятков миссионерских обществ, что в немалой степени было связано с усилением могущества Великобритании на морях. Сферой их активности становятся Карибские острова, Сьерра-Леоне, Мыс Доброй Надежды, Индия и острова Тихого океана. Первоначально колониальные власти относились настороженно к миссионерам. Однако постепенно работа миссионерских организаций привела к поддержке их деятельности со стороны церкви, государства и общественного мнения в Великобритании. Миссионеры, хоть зачастую и ассоциировались с государством, все же были самостоятельны и независимы в своей деятельности. В большинстве своем были образованными и высоконравственными людьми, энтузиастами и подвижниками христианской веры, исповедующими принцип равенства людей независимо от расы и происхождения (напр. Г. Венн, позже – Р. Моффат, Д. Ливингстон и др.). В частности, миссионеры привлекли внимание к проблеме рабства на плантациях Вест-Индии (островах Карибского бассейна) и позднее, в 1787–1791 годах, совместно с лондонскими аболиционистами создали в Сьерра-Леоне новую колонию (в 1808 г. перешли под власть Британской короны) – фактически христианскую общину, состоящую из перевезенных

освобожденных рабов и аборигенов (Высокова и др., 2010: 111-112, 114). Аналогичная колония была основана американскими аболиционистами в Либерии в 1820-х годах.

Критика рабства получила в Великобритании широкую общественную поддержку. При возникновении организованного аболиционизма в Англии и США, а затем во Франции, никто не стремился немедленно освобождать рабов, но искались пути, как превратить их в свободных рабочих. Афера с кораблем "Зонг" (1781) всколыхнула общественное мнение Великобритании и склонила его в пользу отмены работорговли. После первого Вильберфорцевого предложения о запрете работорговли, представленного в Палате общин британского парламента (1789), и изолированного запрета в Дании в 1792 году, наконец, настал поворотный момент во время войны Великобритании против наполеоновской Франции (Geaiss, 1999: 325), то есть когда к гуманным намерениям добавился экономический аспект – стремление ослабить французскую конкуренцию в производстве сахара.

Великобритания в феврале 1807 года приняла закон, запрещающий работорговлю в Британской империи. Он вступил в силу с 1 января 1808 г. (это касалось только колоний в Вест-Индии, в самой Индии рабство сохранялось, поскольку было частью местной культуры, африканские рабы сюда не завозились). Помимо запрета британской работорговли, закон предусматривал конфискацию всех судов, занимавшихся торговлей людьми, штраф в размере 100 фунтов стерлингов за каждого захваченного раба, а также щедрые вознаграждения для морских офицеров, участвовавших в захвате невольничьих судов. Этот акт громко отпраздновали как победу гуманизма и экономической рациональности. В целом, однако, считалось, что запрет приведет к увеличению цены на рабов и заставит рабовладельцев улучшить условия их жизни, поспособствует естественной репродукции и поиску новых источников трудовых ресурсов среди бедных колонистов-иммигрантов (Křížová, 2013: 202, 206).

На самом деле это произошло не сразу. Отсутствие пополнения работников повлекло нехватку рабочих сил (смертность рабов была высока, естественная репродукция не удовлетворяла экономические потребности). Выход из кризисной ситуации рабовладельцы нашли в усилении эксплуатации. В связи с этим запрет работорговли (в краткосрочной перспективе) привел к резкому ухудшению положения рабов. Это, в свою очередь, вызвало сопротивление, доходившее порой до восстаний (Айзенштат, 2009: 198). В то же время возникло и антиаболиционистское движение как в Великобритании, так и в США. Важно отметить, что «покупка даже одного раба в Америке XVIII – XIX вв. считалась серьезным вложением капитала и рассматривалась не только, как приобретение средства производства, но и в качестве инвестиции наравне с вложением в акции или государственные облигации» (Shiukashvili, 2017: 58).

Несмотря на британский пример, спрос на рабов в Новом Свете увеличивался. Об этом свидетельствует тот факт, что торговля людьми была одинаково активной после 1807 года, как и перед ним. Она кульминировала параллельно с периодом пика плантационной продукции сахарного тростника в 1740–1830-х годах, а затем продукции хлопка, который стал главной сельскохозяйственной культурой Юга США (Ferro, 2007: 222). В 1830-х годах из Африки все еще вывозили около 70 тыс. рабов в год, в 1840-х годах – около 60 тыс. в год (Trans-Atlantic Slave Trade).

Однако британский вариант пересек Атлантику и нашел свое продолжение. Движение аболиционистов набирало силу и разрасталось. Томас Джефферсон (владелец более чем 600 рабов), который и благодаря голосам южных штатов был избран в 1801 году президентом США, подписал в том же 1807 году закон, запрещающий ввоз новых рабов в Соединенные Штаты от 1808 года. Тем не менее присоединение США к запрету работорговли было довольно формальным и неэффективным актом, поскольку незаконный ввоз рабов по экономическим причинам продолжался, и вторым важнейшим рынком рабов в государстве, после Нового Орлеана, стал Вашингтон (до 1850 г.). Только в 1824 году Конгресс США объявил работорговлю эквивалентной пиратству, она должна была наказываться казнью (Geaiss, 1999: 325). Впрочем, до 1842 года американское крейсирование у побережья осуществлялось нерегулярно, а порой и вовсе не выполнялось.

В США ясно подтвердилось, что естественный прирост был в конечном счете дешевле, чем покупка новых рабов. В то время как в 1770 году в США было около 400 тыс. рабов, в 1800 году эта цифра увеличилась до 1 млн (20 % от общей численности населения в США,

которое составляло 5 млн), а затем до 4 млн в 1860 году (15 % от общей численности населения – 30 млн). То есть менее чем за столетие число рабов в Соединенных Штатах увеличилось в десять раз. На Юге, где находились все рабы, их общая доля в численности населения составила 40% (в 1800 г. – 1 млн рабов и 1,5 млн белых; в 1860 г. – 4 млн рабов и 6 млн белых) (Piketty, 2015: 178-179). Запрет внешней работорговли способствовал развитию внутренней торговли рабами в США.

Расширение объемов выращивания хлопка на Юге США и постоянная ненасытная потребность в рабочей силе (вследствие трудоемкости ручного процесса сбора) повлияли на растущий спрос на рабов. Запрет на их ввоз отразился влиянием на подъем цены на тех невольников, которые уже находились в стране. Естественно, рыночная цена рабов резко варьировалась в зависимости от конкретного хозяйственного периода, специфических характеристик рабов и от того, насколько их оценивали сами хозяева. Первоклассный раб-мужчина (в молодом возрасте) стоил в 1790-х годах от 300 до 400 долларов США. До кризиса в 1837 году, когда цены достигли максимума, он стоил 1000-1300 долларов, а во время бума в 1850-х годах его цена снова выросла – до 1500-2000 долларов (Tindall, Shi, 2000: 280-281). При этом свободный сельскохозяйственный работник зарабатывал в США в 1860 году в среднем около 200 долларов в год (Piketty, 2015: 183).

Отмена работорговли в Британских колониях не только не была равнозначна отмене рабства, но со временем стало ясно, что Великобритания (действуя в одиночку), несмотря на свою морскую и экономическую мощь, не сможет положить конец этой торговле людьми.

Завершение наполеоновских войн в Европе вывело проблему рабства на международный уровень. Парижский мирный договор (1815) между участниками седьмой антифранцузской коалиции впервые декларировал необходимость совместной и консолидированной борьбы с работорговлей. Борьбу против нее Великобритания попыталась вывести на более широкую платформу Венского конгресса (1814–1815). Но достигнуть общего согласия и выработать юридический текст, запрещающий работорговлю на море, европейскому сообществу не удалось. Представители держав, собравшись на дипломатическом конгрессе в Вене, приняли в 1815 году лишь декларацию о том, что работорговля противоречит основам человечества и должна быть постепенно отменена (в общем, однако, не признавала рабство преступлением). Заявленные намерения были лишь декларационными, не подкрепленными никакими практическими мерами (Лебединец, 2016: 187). Вопрос о прекращении работорговли обсуждался и на других международных конференциях – Ахейском (1818), Веронском конгрессе (1822) и т.д. Но все эти международные форумы занимались только проблемами отмены работорговли. Важно подчеркнуть, что среди стран, которые вели переговоры о работорговле, была и Россия, не вовлеченная в работорговлю, но применявшая свое международное воздействие для борьбы с ней.

Тем не менее проблема рабства как такового сохранялась, правовой статус поработенных оставался прежним. Именно аболиционизм, возрожденный в середине 1820-х годов, стал одним из самых крупных движений в Великобритании как по своему размаху, так и по числу и составу участников. Уже весной 1823 года создается новая аболиционистическая организация – «Общество содействия смягчению и постепенной отмене рабства в британских владениях» (Anti-Slavery Society). В деятельности Общества большую роль сыграли квакеры, как и прежде, зачастую финансировавшие мероприятия аболиционистов, а также ветераны движения. Ими руководили новые лидеры – Томас Бакстон (после смерти У. Вилберфорса возглавил в 1824 г. аболиционистов в парламенте), С. Герни, Д. Стеси и др. В своей деятельности общество использовало опыт прежних аболиционистских организаций, который заключался в сборе сведений о положении рабов, воздействии на общественное мнение, выступлениях в парламенте. Существенно возрос размах агитации (платные лекторы, разъезжавшие по всей стране, многочисленные митинги, вовлечение новых сторонников). Была задействована пресса, происходил сбор подписей под петициями. Только в Палату лордов британского парламента между 1826 и 1832 гг. поступило более 3,5 тыс. петиций с требованиями отмены рабовладения. В движении преобладали гуманистические идеи (Айзенштат, 2009: 198-199, 201).

Массовое восстание рабов в британских владениях (в 1808 г. вспыхнуло восстание в британской Гвиане, в 1816 г. – на Барбадосе, в 1823 г. – вновь в британской Гвиане (восстало

12 тыс. рабов), в 1824 и 1831 гг. – на Ямайке) ускорило отмену рабства в «Pax Britannica». В мае 1832 года парламент учредил комитет для изучения положения рабов. Его отчет был опубликован в августе, а обнародованные сведения вызвали подъем борьбы. Споры велись в основном о путях освобождения рабов, о размерах компенсации, которую власти намеревались выплатить плантатором. При этом возросло не только число петиций, но и количество подписей под ними. Только в 1833 году их было подано в 2,5 больше, чем всех петиций с требованием проведения парламентской реформы в 1831 году. О массовости движения свидетельствует обращение женщин Англии со 187 тыс. подписей. Правительственный проект был разработан к маю 1833 года. Обсуждение плана, а затем и принятие законопроекта проходило при ожесточенном сопротивлении его противников (Айзенштат, 2009: 264-267).

Наконец рабство в Британской империи было навсегда отменено в августе 1833 г. «Акт об отмене рабства» (Slavery Abolition Act) был компромиссом между требованиями аболиционистов и рабовладельцев (с одной стороны, рабы не освобождались сразу, а отдавались в ученики своим бывшим владельцам на определенный период, а, с другой стороны, этим владельцам выплачивалась компенсация за потерю своих рабов). Кроме того, закон не отменял рабство повсеместно в Империи. Фактически он распространялся только на четыре области: Вест-Индию, Маврикий, Канаду (где местное законодательство уже обеспечило фактическое исчезновение рабства) и мыс Доброй Надежды. В других частях империи, в частности в Британской Индии и на Цейлоне, рабство продолжало существовать (van Niekerk, 2004a: 3-4). Именно поэтому впоследствии, к 1838 году, были приняты законы о внесении поправок.

Как подчеркнул М. П. Айзенштат, «в победе аболиционистов достаточно трудно выделить какой-то один главный фактор успеха. Речь может идти скорее о совокупности ряда причин. Среди них относительное уменьшение значения вест-индийских владений для английской экономики, реформаторский дух 1833 года, деятельность «Антирабского общества» и его лидеров, мощное движение, охватившее всю страну, сопротивление самих рабов» (Айзенштат, 2009: 267).

Однако за пределами Британии и ее колоний работорговля процветала и дальше. Британское законодательство, отменяющее работорговлю и рабство, оказалось недостаточным, чтобы пресечь не только работорговлю в целом, но и даже Трансатлантическую торговлю. Торговать рабами продолжали испанские и португальские купцы, а также бразильские и американские подданные, равно как и британцы под чужими флагами. Пока рабство оставалось легальным и поддерживалось правительствами других стран и их колоний, рынок нелегальных грузов расширялся, а прибыль от торговли росла как никогда ранее (van Niekerk, 2004a: 6). Если в 1801-1825 годах доля рабов, перевозимых испанскими и португальскими судами, составляла 70% (1,32 млн) от общего объема трансатлантической работорговли (1,877 млн чел.), то в 1826-1850 годах она выросла до 96% (1,7 млн чел.) от общего числа вывезенных африканских рабов (1,771 млн чел.) (Trans-Atlantic Slave Trade).

В 1839 году квакер Джозеф Стердж (1793–1859) основал «Общество против рабства в Британии и в мире» (British and Foreign Anti-Slavery Society; также Anti-Slavery International), амбициозной целью которого было запрещение рабства во всем мире (Kunec, 2020a: 44). Общество организовало первую международную конференцию, посвященную проблеме международной отмены рабства. Конференция (известна как Всемирный конвент против рабства) состоялась в июне 1840 года в Лондоне. Другие конференции проводились в 1843 году в Брюсселе и 1849 году в Париже. Все это оказывало огромное давление на лондонское правительство и другие страны, заставляя их решать проблему рабства на международном уровне (см.: Heartfield, 2017).

После Венского конгресса Великобритания взяла курс на систематическое дипломатическое воздействие на европейские морские державы с целью принять законодательство, запрещающее торговлю людьми. При этом Великобритания обратилась к созданию сети двусторонних договоров по пресечению морской работорговли. Такие соглашения в 1817–1818 годах были заключены с Испанией, Португалией (благодаря денежной компенсации – более миллиона фунтов стерлингов) и Нидерландами. Португальцы при этом сохранили за собой право легально продолжать (южнее экватора) торговлю рабами,

вывозимыми в Бразилию. В конечном итоге сеть двусторонних договоров состояла из тридцати одного соглашения с различными государствами. Договоры предусматривали взаимные проверки и досмотр военным кораблем одной подписавшей соглашение державы морских судов другой страны-участницы соглашения при наличии подозрения в причастности к работорговле; создание совместных юридических комиссий (трибуналов) с правом вершить суд над захваченными работорговцами. К примеру, в 1819–1846 годах смешанные комиссии во Фритауне (Сьерра-Леоне) рассмотрели дела 528 судов (англо-португальская – 155, англо-испанская – 241, англо-голландская – 21 и англо-бразильская – 111). Из 528 судов 521 было осуждено, освобожденных было 64,6 тыс. рабов. Всего за 52 года существования смешанных комиссий было осуждено более 620 невольничьих судов и освобождено более 80 тыс. рабов (van Niekerk, 2004b: 199-200). В итоге к середине 1860-х годов Великобритания на двусторонней основе добилась того, чего не смогла обеспечить в многостороннем порядке законное пресечение Трансатлантической работорговли.

Отмена рабства во Французской империи

После 1685 года статус рабов во Французских колониях, условия их освобождения и права свободных рабов были подробно определены в так называемом «Черном кодексе» (Code noir), который был создан министром Жаном-Батистом Кольбером. Кодекс был постепенно принят во всех французских колониях, но никогда строго не соблюдался. Королевское правительство не проявляло особого интереса к тому, что происходило в колониях (Kunec, 2020b: 56-57).

В период экономического подъема колоний (вторая половина XVIII века) во Франции все громче звучали голоса, критикующие рабовладельческий строй. Особое неприятие он вызывал у интеллектуалов, находившихся под влиянием идей Просвещения. Маркиз де Монтескье (в работе «О духе законов») выступил против работорговли и самого института рабства. Его осуждали в своих трудах Франсуа Вольтер и Дени Дидро. Статья Луи де Жокура о рабстве в «Энциклопедии» содержала решительное отрицание этой бесчеловечной системы эксплуатации. Однако зарождение организованного аболиционистского движения во Франции было связано с английским. Видным французским аболиционистом был Жак Пьер Бриссо (1754–1793). В мае 1788 года он вместе с Этьеном Клавьером основал в Париже первое аболиционистское общество под названием «Общество друзей чернокожих» (Société des amis des Noirs). Общество продолжало свою деятельность до политического падения и казни Бриссо осенью 1793 года (Kunec, 2020b: 57-58).

С началом Великой французской революции, которая принесла гарантии основных человеческих и гражданских прав, встал вопрос о том, будут ли свобода и равенство перед законом распространяться и на рабов в колониях. Поначалу единого мнения по этому вопросу не было, особенно против выступали богатые плантаторы. В конце концов, драматические события в самих французских колониях способствовали его отмене. Восстание рабов, вспыхнувшее в августе 1791 года на севере колонии Сен-Домингу, усугубило ситуацию. Присланные из Парижа новые гражданские уполномоченные комиссары (Леже-Фелисите Сонтонакс и Этьен Польверель) отменили рабство в колонии в августе 1793 года (Kunec, 2020b: 58).

События в Сен-Доминго существенно повлияли на обсуждение вопроса об отмене рабства в Парижском конвенте. Наконец, в начале февраля 1794 года его депутаты отменили рабство на территории Франции и во всех ее колониях.

В итоге рабство во Французской колониальной империи отменяли в несколько этапов. В 1802 году при Наполеоне под влиянием владельцев плантаций и с целью поднять экономику и восстановить французские имперские амбиции рабство в колониях было восстановлено. Ответом мятежного Сен-Доминго стала декларация независимости (1 января 1804 г.), была подтверждена отмена рабства, а страна приняла название Гаити. Она стала второй свободной республикой на Американском континенте после США (Křížová, 2013: 208; Kunec, 2020b: 58).

После отмены работорговли в Великобритании и США (1807/1808) и декларации, принятой на Венском конгрессе (1815), Франция в 1817-1818 годах вновь объявила о борьбе с рабством (перед этим Наполеон издал 29 марта 1815 г. декрет об отмене «торговли черными», но все постановления «узурпатора» при Второй Реставрации были признаны

недействительными). Наполеоновский акт подтолкнул Людовика XVIII издать Королевский ордонанс (8 января 1817 г.), который запретил ввоз черных рабов во французские колонии, и закон отменяющий работорговлю (15 апреля 1818 г.). Однако закон не соблюдался. Французская военно-морская блокада побережья Африки оказалась неэффективной. Поэтому в 1827 году, а затем 1831 году правительство Июльской монархии приняло более строгие меры наказания за его нарушение – работорговля каралась 30 годами принудительных работ. В 1831 и 1833 годах Июльский режим заключил с Великобританией конвенции о праве взаимного осмотра подозрительных кораблей и пресечения нелегальной работорговли. «Не обошлось при этом без критики. Активные поборники национального суверенитета считали унижительным досмотр англичанами французских судов. Англофобия была распространенным явлением во Франции после наполеоновских войн и краха Первой империи». Поэтому новая конвенция с Великобританией, заключенная парижским правительством 29 мая 1845 года, уже утверждала паритет французского и английского флотов для наблюдения за африканским побережьем (Křížová, 2013: 208, 227; Гончарова, 2022: 29-30, 33-34, 35-36).

Приложив много усилий для прекращения контрабандной работорговли, Франция при этом оставалась державой, которая не отменила рабство в своих колониях (только упразднила сегрегационистские законы в колониях по ордонансу от 24 апреля 1833 г.). «Как и при Реставрации, правительство Июльской монархии находилось под прессингом колониального лобби. Тем не менее, аболиционисты стали все громче заявлять о себе, выступая против деспотизма колонистов и требуя постепенного освобождения рабов путем их приобщения к оплачиваемому труду и религии». В 1830-е гг. сторонники постепенной отмены рабства преобладали над теми, кто призывал к его немедленной отмене. Виктор Шельшер (1804–1893), известный аболиционист, журналист, состоявший в оппозиции к правительству Июльской монархии, разработал в начале 1930-х годов проект «Декларации прав колониального человека», смысл которого заключался в следующем: «раб не должен более ассоциироваться с домашним скотом, свобода это принцип, а рабство – исключение». Парижские парламентские дебаты 1840-х годов показали, что большинство депутатов уже выступало за освобождение рабов, но все упиралось в отсутствие консенсуса по поводу того, как это осуществить (Гончарова, 2022: 36, 39-40, 47).

Несмотря на регулярную работу парламентских комиссий в 1840-е годы, правительство Июльской монархии так и не разработало проект закона об отмене рабства. Очередная попытка его отмены произошла в революционном 1848 году, вскоре после создания Второй Французской республики, но окончательно Франция избавилась от рабства только в 1861 году.

Отмена рабства в США

Аболиционистский курс четко обозначился и в США. Освобождение рабов в Британской империи (1833–1838) имело двойное воздействие на США. С одной стороны, это привело к расцвету рабства в южных штатах США, и до начала войны с Севером в 1861 году рабовладельческая экономика переживала значительный подъем. С другой стороны, в США около 1835 года возникает новая волна воинствующего аболиционизма, основанная, в первую очередь, свободными афроамериканцами, которые могли бы обеспечить себе постоянную свободу только в случае отмены рабства как системы. Эскалация напряженности между Севером (где рабы были освобождены в 1827 году и который быстро индустриализовался) и аграрным Югом активизировалась и взорвалась под влиянием результата президентских выборов в США в 1860 году (Geaiss, 1999: 325). Победа республиканца Авраама Линкольна, одного из известных противников рабства, на выборах 6 октября 1860 года с идеей свободной земли ознаменовало начало новой эпохи в истории США, связанной с ликвидацией рабства (Прилуцкий, 2014: 142).

Президент А. Линкольн, несмотря на свои убеждения и давление аболиционистов, первоначально занимал умеренную позицию в данном вопросе. Он обещал не отменять рабство там, где оно уже существовало, а лишь выступал против распространения этого института в Западных территориях, готовившихся войти в состав федерации в качестве новых штатов. Однако сам факт избрания на пост главы государства видного аболициониста послужил для семи южных штатов сигналом к разрыву с Севером, они объявили о своем

выходе из состава федерации (Зайков, 2009: 73). Единство США ослабло. Старые споры между Севером и Югом о рабстве привели к Гражданской войне (1861–1865) – конфликту двух культур (в экономическом и этическом понимании) (Шихов, 2013: 151). Как отмечает М. Кжижова, «в контексте вопроса о рабстве, однако, надо подчеркнуть, что в первую очередь воевали не за освобождение негров, а за единство страны» (Křížová, 2013: 258).

В начале Гражданской войны главной целью А. Линкольна было восстановление целостности союза, а не уничтожение рабства. Постепенно президент пересмотрел свои умеренные позиции и пришел к убеждению, что запрещение рабства необходимо для победы. В войну на стороне Севера было вовлечено около 200 тыс. американских рабов, а снижение боевого духа северян было необходимо поддержать благородной целью. «Прокламацией об освобождении рабов» (с 1 января 1863 г. все рабы Конфедерации объявлялись свободными) и принятием «Гомстед-акта» (закон о бесплатном участке земли, который мог получить каждый гражданин, не воевавший на стороне Юга, из фонда свободных земель на Западе США), Линкольн нанес двойной удар по южанам и поднял боевой дух армии северян. «Чтобы черные американцы могли быть на самом деле раз и навсегда свободны, запрещение рабства должно было быть включено в Конституцию. С этим обещанием Линкольн и победил на вторых президентских выборах в 1864 году» (Křížová, 2013: 259).

13-я поправка к Конституции США, принятая Конгрессом на первом послевоенном заседании в 1865 году (уже после трагической гибели Линкольна), гласила: «В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено» (Зайков, 2009: 73). Другими словами, победой Северных штатов в Гражданской войне рабство в США было отменено. К концу 1865 года 13-я поправка была одобрена всеми штатами США и вступила в силу.

Тем не менее можно констатировать, что впоследствии радикальные республиканцы отказались от программы более глубоких преобразований южанского общества, включая достижение полного гражданства освобожденных рабов. Важно также, что освобожденные рабы не получили ни земли, ни материальной поддержки. Не нашлось и мужества для осуществления радикальной земельной реформы в пользу бывших рабов. Именно это было причиной того, что большинство освобожденных рабов остались на домашних плантациях или в их окрестностях и продолжали работать в качестве сельскохозяйственных рабочих (в 1880 году три четверти афроамериканцев жили в бывших штатах Конфедератов, и большинство из них не имело ресурсов для покупки земли). По словам современников, «бывший раб не стал свободным человеком, он был просто свободным негром». Это ему гарантировали 14-я поправка (1868) и 15-я поправка (1870) к федеральной Конституции, провозглашавшие равенство гражданских и политических прав черных американцев. Все же желанную свободу постепенно (в местном масштабе южных штатов) заменял режим расовой сегрегации (Křížová, 2013: 259-261). Только участие США в Первой мировой войне, когда военная промышленность втянула афроамериканцев в города, изменило положение бывших рабов в стране, а проблемой афроамериканцев стало интересоваться международное сообщество. Впрочем, борьба за равноправие афроамериканцев в США продолжалась еще много десятилетий.

Отмена крепостного права в России и рабства на Кавказе

Отмена института рабства в колониальной и крепостной зависимости в восточно-европейском мирах происходила практически одновременно. Это ясно видно в случае Старого и Нового Света: отмена крепостничества в России и рабства в США в 1860-х годах. Об этом говорит и сам К. Маркс в письме Ф. Энгельсу 11 января 1860 г.: «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время – это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, и, с другой стороны – движение рабов в России» (Маркс, Энгельс, 1963: 4).

С конца XVIII века (после Великой Французской революции), а особенно с начала XIX века (после наполеоновских войн), Европа начала быстро восстанавливаться и модернизироваться, стряхивая с себя последние остатки феодального строя (Корнилов,

1905: 6). В 1850-х годах крепостное право в Западной и Центральной Европе стало практически анахронизмом.

Эту ситуацию понимал и новый русский царь, догматик и деспот Александр II, который освоил идеи либерализма и прогресса, осознал, что лучше освободить крестьян «сверху», чем ждать освобождения «снизу», и решился на перемены. Экономические проблемы России, кризис крепостнической системы, рост количества крестьянских восстаний и бунтов, которые реально угрожали перерасти в широкую антифеодальную войну, растущая активность социального несогласия, а также военные неудачи в Крымской войне (1853–1856) и падение международного авторитета России в европейской политике (как крепостнической страны) стали импульсами, которые привели Александра II к убеждению в необходимости проведения реформ в стране.

После вступления на престол в 1855 году, царь сосредоточился на решении проблем внутригосударственного развития. Император обратился к русскому дворянству и призвал его понять, что отмена крепостного права является самым важным вопросом, и от его решения зависит прогресс и мощь страны. «Успешность модернизационных усилий зависела от наличия в стране образованных свободных граждан и создания промышленности, основанной на наемном труде и частном капитале» (Муравьева, 2012: 43). Проведению крестьянской реформы предшествовала длительная работа по выработке проектов законодательных актов об отмене крепостного права. В течение шести лет (1855–1861) был найден компромисс между сторонниками и противниками крепостных порядков (Švankmajer et al., 1996: 257).

19 февраля (3 марта) 1861 года в Санкт-Петербурге император Александр II подписал манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», состоявшие из 17-ти законодательных актов. На основании этих документов отменялось существующее крепостное право, устанавливался правовой статус освобожденных крестьян, возникала администрация крестьянской организации и правила покупки земельных наделов. Все это создавало условия для дальнейшего развития России и утверждения в стране капиталистической формации (Зайончковский, 1968: 161). Суть идеологии реформ Александра II заключалась в том, чтобы устранить наиболее очевидные причины отставания России от индустриально развитых стран мира, сохранив при этом базовые жизненные устои – самодержавие и привилегированное дворянство (Муравьева, 2012: 43-44).

В целом, «Манифестом 1861 года» и другими последующими мерами было освобождено от крепостной зависимости почти 21,3 млн крестьян мужского пола (женщины были освобождены без выкупа, и земельный надел им не полагался, безземельные крестьяне освобождались бесплатно с двухлетним переходным периодом земельной зависимости). Но царские указы были восприняты общественностью как несостоявшиеся ожидания. Думалось, что крестьяне будут полностью освобождены без обязательств и получат дополнительно землю за счет аристократических землевладельцев. Таким образом, распространилось мнение, что презентуемый в регионах манифест – подделка, а настоящий царский манифест был будто бы скрыт или нарушен. Это вызвало мощный подъем стихийного и неорганизованного крестьянского движения. Ответом было более чем 100 крестьянских восстаний, которые в 1861-1863 годах вспыхнули в 29 губерниях (Švankmajer et al., 1996: 258-259).

Несмотря на все ограничения и половинчатые меры, несовершенства и слабину реформы, нельзя не согласиться с тем, что это был очень важный акт инновационного вмешательства в российское общество. Царским указом Александра II в России исчезло аристократическое учреждение и дворянское самоуправление Екатерины II. Крестьянин перестал быть собственностью, он больше не мог быть продан, перемещен с одной усадьбы на другую, превращен в персонального слугу. Прекратилось право дворянства вмешиваться в семейную жизнь крестьян, и они должны были управлять ею сами (в волостях) и с помощью государства (Švankmajer et al., 1996: 259-260). Крестьянин мог свободно перемещаться, владеть собственностью, заниматься торговлей или любой другой предпринимательской деятельностью, вступать в государственную службу или предлагать

себя в качестве рабочей силы, получать образование (Литвинов, 1897: 275-276). Это стало, несомненно, ключевым событием в истории России нового времени.

Сложно происходило и реальное осуществление реформы. Огромные различия между частями империи вынудили правительство к различным путям внедрения реформ в жизнь и к выдаче особых местных «Положений». В западных губерниях европейской России, Литве, Польше, западных областях Украины и Белоруссии реформы осуществлялись с большей выгодой для крестьян (после польского восстания 1863 г. были отменены все обязательства по отношению к помещикам, и земля была выделена в большей степени и по сниженным ценам) (Švankmajer et al., 1996: 259). Но и так юридическая ликвидация крепостного права растянулась в центральных регионах России на 22 года (Муравьева, 2012: 51).

Иная ситуация сложилась в Закавказье и на Северном Кавказе. Отмене крепостного права здесь предшествовали крупные крестьянские восстания. Указ об отмене крепостного права в Грузии издавался одновременно – в Тифлисской губернии был издан 13 октября 1864 года, на Кутаисскую губернию и на Мегрелию он был распространен в 1865-1866 годах, на Сванетию – в 1871 году. В Армении и Азербайджане крестьянская реформа была произведена в 1870-1883 годах и носила не менее кабальный характер, чем в Грузии. Аналогично сложилась ситуация в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Например, в Калмыкии крепостное право было отменено в 1892 году, в Дагестане – в 1913 году, в других отдаленных местах империи – вплоть до 1917 года (Зайончковский, 1968: 329, 338-340).

На Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа (в Черкесии и Абхазии) ситуация была еще более сложной, в связи с продолжающейся Кавказской войной (1817–1864 гг.) и существованием рабства на этих (присоединяемых в то время) территориях. Работоторговля здесь играла важную роль в системе жизнеобеспечения горцев. Под влиянием Османской Турции она достигла своего апогея в XVIII веке. «Кавказские горцы сроднились с доходным ремеслом, а выгодная торговля невольниками способствовала развитию хищничества. Стремление получить как можно больше «живого товара» инициировало междоусобицы племен, организацию набегов и похищений с целью захвата пленных. Подобная практика нанесла огромный демографический, экономический и моральный урон Кавказу» (Cherkasov et al.: 2018: 1338-1339, 1343). Разумеется, людей воровали не только у кавказских соседей, но и вдоль Кавказской кордонной линии и на русской стороне. Причем практики захвата черкесами людей на русских землях существовали еще задолго до начала Кавказской войны (см.: Cherkasov et al., 2019: 1355-1367). Согласно российским источникам, в XIX веке ежегодно из Черкесии вывозилось до 4 тыс. человек – невольников обоюбого пола (Цыбульникова, 2010: 280; Шамиль..., 1953: 127). Вывозили невольников также абхазы, мингрельцы, гурийцы и др.

С начала XIX века российское правительство приняло меры для пресечения работоторговли на Кавказе. В 1804 году оно обнародовало постановление, категорически запрещавшее работоторговлю на Черноморском побережье, а также на других невольничьих рынках Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Принятые меры значительно сократили, но окончательно не ликвидировали это явление. С 1830-х годов объемы работоторговли на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа стали постепенно снижаться. Связано это было с тем, что по Адрианопольскому мирному договору 1829 года Закубанье отошло к России, и вывоз пленников турецкими купцами стал пресекаться российским военным флотом (см.: Šmigel, 2020: 29). На протяжении всей Кавказской войны работоторговля продолжалась контрабандно. Например, джигеты доставляли рабов на невольничьи рынки официально под предлогом паломничества мусульман в Мекку (Documents and materials, 2016: 119). Высокая рентабельность северокавказской работоторговли привлекала турецких торговцев и провоцировала их идти на риск. Но действия российских кораблей Черноморского флота (ударной силы борьбы с рабством) против турецких контрабандистов отличались эффективностью. За время морского патрулирования побережья Северо-Западного Кавказа российской эскадрой были захвачены десятки судов, занимавшихся незаконной торговлей, работоторговлей и поставками оружия горцам (см.: Cherkasov et al., 2017: 851-864).

В 1864 году война с адыгскими племенами Западного Кавказа официально завершилась. Освобождение зависимых или крепостных крестьян и рабов происходило здесь одновременно от 1866 года. В общем, реформы на Кавказе осуществлялись главным

образом в пользу местных феодалов. «Например, в Чечне в 1867 году администрация установила неимущественным горцам одноразовый взнос в размере 250 рублей за ликвидацию рабства и подневольного состояния, а решением о выделении земли вовсе не занималась» (Švankmajer et al., 1996: 259). В Абхазии крепостное право было запрещено в 1870 году. Согласно местному «Положению» все категории зависимого населения должны были своим владельцам в течение четырех лет отбывать службу, выполнять работы и другие повинности или взамен этого уплатить особую выкупную плату. Так, например, выкупная плата раба («ахашала») составляла для лиц мужского пола от 10 до 50 лет и женского от 10 до 45 лет – от 50 до 120 рублей (Зайончковский, 1968: 331).

На прибрежных территориях Черкесии ситуация осложнялась и тем фактом, что большая часть адыгов и абазин (также родственных убыхов, абхазов и др.) ушла в Османскую империю (оставшееся небольшое их количество было переселено на равнинные земли Прикубанья). Таким образом, последним отголоском рабства на прибрежных территориях Черкесии стало мухаджирство – массовое переселение черкесов в Османскую Турцию, кульминирующее в 1860-е годы.

Одной из причин мухаджирской трагедии стало нежелание горцев отказаться от своих рабов и работорговли. Например, как свидетельствуют российские источники, к переселению джигетов в 1866 году в Турцию «побудило объявление» российских властей, «что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же, хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание» (Материалы по истории..., 2012: 196). В результате джигеты покинули побережье.

Прибывшие в Турцию черкесские переселенцы размещались частично на территории Анатолии, но преимущественно в европейской части Османской империи – на Балканском полуострове, главным образом, в Болгарии. Согласно некоторым источникам, в течение 1857-1877 годов из региона Западного Кавказа переселилось около 1,5 млн человек. В конце 1870-х годов в результате балканского кризиса состоялось переселение адыгов из Балкан на внутренние районы Анатолии и на территории Ближнего Востока (Нефляшева). Тем не менее рабство в Турции сохранялось недолго.

Последние штрихи работорговли и рабства

Окончательная ликвидация рабства длилась еще несколько десятилетий. После 1850 года его постепенно отменили в странах Южной Америки. Бразильский парламент принял закон о полном запрете работорговли только в 1850 году. Король Луиш I отменил рабство во всех португальских территориях и колониях в 1869 году. Испания ввела действенный закон о запрете рабства лишь в 1870 году. Отмена рабства на Кубе в 1886 году и в Бразилии в 1888 году окончательно искоренила его влияние из сферы евро-атлантической цивилизации.

Почти одновременно с этим начался процесс отмены рабства в Османской империи. Уже в 1876 году, в период правления султана Абдулазиза (1861-1876), турецкое правительство законодательно отменило работорговлю и рабство в Османской империи. Но фактически рабство в Османских владениях продолжало существовать и в начале XX века (Большая энциклопедия, 1904: 77). В конечном итоге закончилось только вступлением некоторых держав в Лигу Наций после 1920 года (Турция, Иран и др.) (Křížová, 2013: 217).

Ситуация с существованием рабства на Ближнем Востоке была связана с состоянием сохраняющегося рабства в Африке. Хотя борьба с работорговлей была достаточно успешной в Западной Африке, тем не менее сложной оставалась в Восточной Африке. Под давлением Великобритании в 1873-1876 годах султан Занзибара объявил работорговлю незаконной во всех своих владениях Восточной Африки, подписал договор о запрете морских перевозок рабов, закрыл невольничий рынок на острове, а в 1886 году рабы были освобождены и в самом султанате Занзибар (с 1890 года он стал британским протекторатом). Побережье Восточной Африки наводняли британские миссионерские станции, но тем не менее британская колониальная экспансия в Восточной Африке в последней трети XIX в. не смогла остановить контрабандный транзит рабов из тропических районов Черного континента и бассейна Конго на рынки Северной Африки и Ближнего Востока. «В британском правительстве прекрасно понимали, что бороться необходимо не со следствиями,

а с причинами. Британские эксперты доказывали, что прекращение работорговли возможно только в результате применения комплексной системы экономических, политических, административных и военных мер» (Bogomolov, 2012: 3, 6, 9).

О существовании международного взаимодействия по вопросу рабства в колониях свидетельствует созыв международных конференций в 1880-х годах. На Берлинской конференции (1884–1885), созванной Португалией и организованной канцлером Германии Отто фон Бисмарком, шестнадцать государств подписали «Генеральный акт о Конго». Помимо прочего, акт запретил использование бассейна реки в качестве рынка невольников и их перевозки. Фактически после его окончания началась борьба за окончательный «раздел Африки».

Этому способствовало открытие Суэцкого канала в 1869 году. Канал оказал огромное влияние на изменения геополитической ситуации в мире и давал новые возможности в экспансии и доколониализации Африки (также открыл короткий путь из Европы в Индийский океан) (Высокова и др., 2010: 25-26, 93). Именно процесс колонизации африканского континента и его покорения европейскими державами во второй половине XIX века повлиял на снижение Трансатлантической работорговли, когда оказалось более выгодным удерживать африканцев в Африке, чем их вывозить, то есть в результате потребности рабочей силы в самих африканских колониях, связанной с улучшением управления и экономического развития колоний, а также в связи с растущей необходимостью новых видов африканской традиционной сырьевой продукции (например, масел для машинного производства, меди, каучука и т.д.) для глобализирующейся мировой экономики (Ferro, 2007: 222). Подсчеты показывали, что в денежном выражении торговля африканским сырьем становилась более выгодной для торговцев, чем доходы от работорговли. Перед промышленниками встала крайне важная задача – сохранить местную рабочую силу в целях увеличения масштабов африканского сырьевого производства, расширить потребительский рынок.

В 1889–1890 годах состоялась Брюссельская конференция, в которой приняли участие семнадцать государств. Главными ее участниками были Бельгия, Великобритания, Испания, Османская империя, Португалия, Германия, Россия, США, Занзибар, Независимое государство Конго и др. На конференции обсуждался главный вопрос – ликвидация работорговли в самой Африке. В Генеральном акте, принятом 2 июля 1890 года, работорговля уже рассматривалась как преступление, причем в документе предусматривалось принятие конкретных мер, направленных на пресечение работорговли. Этот документ обязывал государства-участников принять законы, устанавливающие уголовное наказание за насильственный захват невольников, учредить внутри страны специальные военные посты и специальный надзор в портах и т.д.; устанавливался так называемый «подозрительный пояс», в который включалась западная часть Индийского океана вместе с Красным морем и Персидским заливом. Военные корабли договаривающихся сторон получили право в пределах этого пояса проводить контроль подозрительных судов. Были определены меры, включая и такие, как ограничение ввоза огнестрельного оружия и боеприпасов на работорговые территории и др. (Лебединец, 2016: 187). Брюссельская конференция знаменовала окончание всеобщей работорговли.

Существенным недостатком Брюссельского договора (также как и всех предыдущих международных соглашений XIX в., начиная с Венской декларации 1815 г.) было признание преступной лишь работорговли, а не ее основы – рабства. В то время оно сохранялось в Непале, Либерии, Эфиопии и других государствах. Поэтому 10 сентября 1919 года Сен-Жерменский договор отменил постановления Брюссельского генерального акта 1890 г. и предусмотрел, что его стороны должны приложить все усилия для полного запрета рабства и уничтожения работорговли.

Наконец, проблемой борьбы с рабством и работорговлей занялась Лига Наций. Первым универсальным договором, направленным на борьбу с рабством и работорговлей, следует считать подписанную в Женеве 25 сентября 1926 г. под эгидой Лиги Наций «Конвенцию о рабстве». «Согласно Конвенции государства взяли на себя обязательства постепенно и в возможно короткий срок полностью отменить рабство во всех его формах, а также предотвращать и пресекать работорговлю, принимать законодательные меры, устанавливающие строгие наказания за совершение названных запрещенных действий» (Лебединец, 2016: 187).

5. Заключение

Наряду с идеями гуманизма, Просвещения и аболиционизма, факторами борьбы с работорговлей и рабством стали экономические изменения, происходившие на трансатлантическом пространстве, и, несомненно, международное сотрудничество ряда стран. Следует подчеркнуть, что работорговля сыграла важную роль в зарождении капиталистической системы. Она была неотъемлемой частью процесса первоначального накопления, проложившего путь к возникновению и триумфу капитализма.

С возрастанием численности рабов в колониальных владениях росла и критика рабовладельчества. В конце XVIII – начале XIX вв. борцы с рабством (аболиционисты) приобрели организованный характер, а затем – массовую поддержку и международные масштабы (1783–1887 гг.). Под давлением аболиционистских настроений Британия, подкованная промышленной революцией, становится лидером в борьбе с работорговлей и самим рабством. Однако, действуя в одиночку, несмотря на свою морскую и экономическую мощь, Великобритания не могла покончить с Трансатлантической торговлей людьми.

По аналогии с британскими антирабскими законодательными актами (1807–1838), под давлением промышленной буржуазии и ее идеологов другие страны также начали принимать законы о борьбе с рабством. Проблема рабства все больше требовала международного решения и сотрудничества – принятия мер юридического характера и наличия механизма по их осуществлению (среди прочего – совместные действия военно-морских сил для борьбы с работорговлей и т.д.). Тогда Великобритания пошла по пути заключения двусторонних соглашений. Именно международное сотрудничество морских держав, необходимое для окончательного пресечения Трансатлантической работорговли, стало одним из самых значительных событий в международных отношениях XIX века.

В XIX веке Британия владела большей частью мира через свои колонии, треть населения света находилась под ее властью. Следовательно, британский закон об отмене рабства отменил его в подавляющем большинстве своих колоний, и это затронуло значительную часть мира. Под влиянием экономических изменений второй половины XIX в. рабство становилось неприемлемым и для других стран. В условиях капитализма свободной конкуренции и массового спроса свободной рабочей силы оно «внезапно» переставало быть выгодным. Вместе с тем Трансатлантическая работорговля стала снижаться, когда оказалось более выгодным удерживать африканцев в Африке, чем их вывозить (в процессе колонизации этого континента и его покорения европейскими державами в последней трети XIX века).

В победе аболиционизма достаточно трудно выделить какой-то один главный фактор успеха. Это, несомненно, совокупность ряда причин. Среди них – распространение либерализма в обществе и экономике Европы и Америки, реформаторский и революционный дух того времени, деятельность аболиционистов, сопротивление самих рабов, растущее влияние общественного мнения и формирующееся гражданское общество, экономические изменения во второй половине XIX века (свободный труд, свободная конкуренция и торговля), экспансия «нового империализма» и глобализация мировой экономики на рубеже XIX–XX веков и, наконец, международное сотрудничество. Все это и привело к ликвидации традиционной формы рабства.

Литература

[Айзенштат, 2009](#) – Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009.

[Богомолов, 2012](#) – Богомолов С.А. Борьба с работорговлей в африканских колониях Великобритании в последней трети XIX в.: дискуссия о целях и методах // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2012. 1 (21). С. 3-10.

[Большая энциклопедия, 1904](#) – Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 16. СПб., 1904.

[Высокова и др., 2010](#) – Высокова В.В. и др. Британская империя: становление, эволюция, распад / Под ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург, 2010.

[Гончарова, 2022](#) – Гончарова Т.Н. Аболиционистская мысль во Франции первой половины XIX века / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени / Сост. Т.Н. Гончарова. СПб., 2022. № 22 (1). С. 24-48.

- Зайков, 2009** – *Зайков А.* Отмена рабства: европейский и американский опыт / *Права человека. Энциклопедический словарь* / Отв. ред. С.С. Алексеев. М., 2009.
- Зайончковский, 1968** – *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968.
- Ингрэм, 1896** – *Ингрэм Д.К.* История рабства от древнейших до новых времен / Пер. З. Журавской. СПб., 1896.
- Источники работорговли...** – Источники работорговли и невольничьи рынки в XIX веке в Османской империи / Сайт «АдыгиRU». [Электронный ресурс]. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=12389> (дата обращения: 25.11.2023).
- Конвенция о рабстве, 1926** – Конвенция о рабстве (25.9.1926) // United Nations. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml (дата обращения: 15.11.2023).
- Корнилов, 1905** – *Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905.
- Лебединец, 2016** – *Лебединец И.Н.* Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работорговлей и другими формами торговли людьми // *Актуальные проблемы российского права.* 2016. 3 (64). С. 186-191.
- Литвинов, 1897** – *Литвинов М.А.* История крепостного права в России. М., 1897.
- Маркс, Энгельс, 1963** – *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Том 30. Изд. второе. М., 1963.
- Материалы по истории..., 2012** – Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012.
- Муравьева, 2012** – *Муравьева Л.А.* Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение // *Гуманитарные науки.* 2012. 2(6). С. 42-53.
- Мухамеджанов** – *Мухамеджанов И.* Рабство в Османской империи / Сайт «Islamtoday». [Электронный ресурс]. URL: <http://islam-today.ru/istoria/rabstvo-v-osmanskoj-imperii/> (дата обращения: 29.10.2023).
- Нефляшева** – *Нефляшева Н.* Миграции с Северного Кавказа вчера и сегодня. Мухаджиры // Сайт «Кавказский узел». [Электронный ресурс]. URL: www.m.kavkaz-uzel.ru (дата обращения: 29.10.2023).
- Прилуцкий, 2014** – *Прилуцкий В.В.* Движение сторонников свободной земли и вопрос о рабстве в США в середине XIX в. // *Теория и практика общественного развития.* 2014. № 4. С. 140-142.
- Цыбулькинова, 2010** – *Цыбулькинова А.А.* Турецкие работорговцы в процессах северокавказского плена и продажи: вывоз кавказских и российских пленниц на восток в XIX веке / *Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна. Материалы Всероссийской научно-практической конференции* / Сост. А.А. Цыбулькинова. Армавир, 2010. С. 279-290.
- Шамиль..., 1953** – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.
- Шихов, 2013** – *Шихов В.А.* Проблема рабства как важнейшая причина Гражданской войны в США в отечественной и американской историографии // *Вопросы всеобщей истории.* 2013. Т. 15. С. 149-156.
- Cherkasov et al., 2017** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century // *Annales Ser. hist. sociol.* 2017. 27 (4). Pp. 851-864.
- Cherkasov et al., 2018** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Šmigel' M., Bratanovskii S.N.* Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody.* 2018. 50(4). Pp. 1334-1346.
- Cherkasov et al., 2019** – *Cherkasov A., Koroleva L., Bratanovskii S., Šmigel' M.* The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2019. 64 (4). Pp. 1355-1367.
- Davis, 1966** – *Davis D.B.* The Problem of Slavery in the Western Culture. Ithaca – London, 1966.

Documents and materials..., 2016 – Documents and materials on the History of Jigietia Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi, 2016.

Ferro, 2007 – *Ferro M.* Dějiny kolonizací. Od dobývání až po nezávislost 13 – 20. století. (оригин. Histoire des colonisations. Des conquêtes aux indépendances XIIIe – XXe siècle. Éditions du Seuil, 1994). Praha, 2007.

Geaiss, 1999 – *Geaiss I.* Dějiny světa v souvislostech. Praha, 1999.

Heartfield, 2017 – *Heartfield J.* The British and Foreign Anti-Slavery Society, 1838–1956: A History. Oxford University Press, 2017.

Křížová, 2013 – *Křížová M.* Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století. Praha, 2013.

Kunec, 2020a – *Kunec P.* „Vari tiež nie som človek?“ Podoby anglického abolicionizmu // *Historická revue.* 2020, XXXI (5). Pp. 38-45.

Kunec, 2020b – *Kunec P.* Za rovnosť skutočne rovnú. Francúzsky abolicionizmus // *Historická revue.* 2020. XXXI (5). Pp. 56-58.

Niekerk, 2004a – *Niekerk van, J. P.* British, Portuguese, and American judges in Adderley Street: the international legal background to and some judicial aspects of the Cape Town Mixed Commissions for the suppression of the transatlantic slave trade in the nineteenth century (Part 1). *The Comparative and International Journal of Southern Africa.* 2004. 37(1). Pp. 1-39.

Niekerk, 2004b – *Niekerk van J.P.* British, Portuguese, and American judges in Adderley Street: the international legal background to and some judicial aspects of the Cape Town Mixed Commissions for the suppression of the transatlantic slave trade in the nineteenth century (Part 2). *The Comparative and International Journal of Southern Africa.* 2004. 37(2). Pp. 196-225.

Pagden, 1995 – *Pagden A.* Lords of All the World (ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800). New Haven – London, 1995.

Piketty, 2015 – *Piketty T.* Kapitál v 21. storočí. Bratislava, 2015.

Salter, 1996 – *Salter J.* Adam Smith on Slavery // *History of Economic Ideas.* 1996. III (2-3). Pp. 225-251.

Shiukashvili, 2017 – *Shiukashvili I.* Slavery in the USA (first half of the 19th century): Socio-Economic Aspects // *Slavery: Theory and Practice.* 2017. 2 (1). Pp. 52-61.

Šmigel, 2020 – *Šmigel' M.* Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods" // *Slavery: Theory and Practice.* 2020. 5(1). Pp. 19-36.

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel M., Cherkasov A.A.* The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody.* 2016. 42 (4). Pp. 1182-1197.

Švankmajer et al., 1996 – *Švankmajer M. et al.* Dějiny Ruska. Praha, 1996.

Tindall, Shi, 2000 – *Tindall G.B., Shi D.E.* Dějiny Spojených států amerických. Praha, 2000.

Trans-Atlantic Slave Trade – Trans-Atlantic Slave Trade – Estimates / *Slave Voyages.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slavevoyages.org/assessment/estimates> (дата обращения: 25.11.2023).

Weingast, 2021 – *Weingast B.R.* Persistent Inefficiency: Adam Smith's Theory of Slavery and its Abolition in Western Europe // Adam Smith Projekt – Stanford University. *Adam Smith Review.* 2021. Vol. 12. 36 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://weingast2023.sites.stanford.edu/adam-smith-project> (дата обращения: 26.11.2023).

References

Ayzenshtat, 2009 – *Ayzenshtat, M.P.* (2009). Vlast i obshchestvo Britanii 1750 – 1850 gg. [Power and Society in Britain 1750–1850]. Moscow. [in Russian]

Bogomolov, 2012 – *Bogomolov, S.A.* (2012). Bor'ba s rabotorgovley v afrikanskikh koloniyakh Velikobritanii v poslednei treti XIX b.: diskusiya o tselyakh i metodakh [Combating the slave trade in the African colonies of Great Britain in the last third of the 19th century: discussion on the objectives and methods]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki.* 1(21): 3-10. [in Russian]

Bol'shaya entsiklopediya, 1904 – Bol'shaya entsiklopediya [The great encyclopedia]. Ed. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 16. St. Petersburg, 1904. [in Russian]

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave

Trade in the North-Western Caucasus in the Early 19th century. *Annales Ser. hist. sociol.* 27(4): 851-864.

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', M., Bratanovskii, S.N. (2018). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody.* 50(4): 1334-1346.

Cherkasov et al., 2019 – Cherkasov, A., Koroleva, L., Bratanovskii, S., Šmigel', M. (2019). The Escape from Circassia on the Eve of the Caucasian War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 64(4): 1355-1367.

Davis, 1966 – Davis, D.B. (1966). *The Problem of Slavery in the Western Culture.* Ithaca – London.

Documents and materials, 2016 – Documents and materials on the History of Jigetiya Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials). Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi, 2016.

Ferro, 2007 – Ferro, M. (2007). Dějiny kolonizací. Od dobývání až po nezávislost 13 – 20. století. (origin. Histoire des colonisations. Des conquêtes aux indépendances XIIIe – XXe siècle. Éditions du Seuil, 1994). Praha.

Geaiss, 1999 – Geaiss, I. (1999). *Ďejiny světa v souvislostech.* Praha.

Goncharova, 2022 – Goncharova, T.N. (2022). Abolitsionistskaya mysl vo Frantsii pervoy poloviny XIX veka [Abolitionist thought in France in the first half of the 19th century]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni.* Ed. T. N. Goncharova. St. Petersburg. 22(1): 24-48. [in Russian]

Heartfield, 2017 – Heartfield, J. (2017). *The British and Foreign Anti-Slavery Society, 1838–1956: A History.* Oxford University Press.

Ingrem, 1896 – Ingrem, D.K. (1896). *Istoriya rabstva ot drevneishikh do novykh vremen* [The history of slavery from ancient to modern times]. Translat. Z. Zhuravskoi. St. Petersburg. [in Russian]

Istochniki rabotorgovli... – Istochniki rabotorgovli i nevol'nich'i rynki v XIX veke v Osmanskoj imperii [The sources of the slave trade and slave markets in the nineteenth century in the Ottoman Empire]. Sait «AdygiRU». [Electronic resource]. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=12389> (date of access: 25.11.2023). [in Russian]

Konventsija o rabstve, 1926 – Konventsija o rabstve [The Slavery Convention], 25.9.1926. United Nations. [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml (date of access: 15.11.2023).

Kornilov, 1905 – Kornilov, A.A. (1905). *Krestyanskaya reforma* [The peasant reform]. St. Petersburg. [in Russian]

Křížová, 2013 – Křížová, M. (2013). *Otroctví v Novém světě od 15. do 19. století.* Praha.

Kunec, 2020a – Kunec, P. (2020). „Vari tiež nie som človek?“ Podoby anglického abolicionizmu. *Historická revue.* XXXI (5): 38-45.

Kunec, 2020b – Kunec, P. (2020). Za rovnosť skutočne rovnú. Francúzsky abolicionizmus. *Historická revue.* XXXI (5): 56-58.

Lebedinets, 2016 – Lebedinets, I.N. (2016). Genezis mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya borby s rabstvom, rabotorgovley i drugimi formami trgovli lyudmi [The genesis of international legal regulation of combatting slavery, slave trade and other forms of human trafficking]. *Current problems of Russian law.* 3(64): 186-191. [in Russian]

Litvinov, 1897 – Litvinov, M.A. *Istoriya krepstnogo prava v Rossii* [The history of serfdom in Russia]. Moscow. [in Russian]

Marks, Engels, 1963 – Marks K., Engels, F. (1963). *Sochineniya* [Works]. T. 30. Second ed. Moscow. [in Russian]

Materialy po istorii, 2012 – Materialy po istorii Abkhazii XIX v. (1863–1874 gg.) [The materials on the history of Abkhazia in XIX century (1863–1874)]. Sukhumi, 2012. [in Russian]

Mukhamedzhanov – Mukhamedzhanov I. *Rabstvo v Osmanskoj imperii* [The slavery in the Ottoman Empire]. Sait «Islamtoday». [Electronic resource]. URL: <http://islam-today.ru/istoria/rabstvo-v-osmanskoj-imperii/> (date of access: 29.10.2023). [in Russian]

Muravyeva, 2012 – Muravyeva, L.A. (2012). Otmena krepstnogo prava v Rossii: prichiny, mekhanizm realizatsiye, znacheniye [Abolition of Serfdom in Russia: Reasons, Mechanism of Realization, Effect]. *Gumanitarnye nauki.* 2(6): 42-53. [in Russian]

Neflyasheva – *Neflyasheva, H.* Migratsii s Severnogo Kavkaza vchera i segodnya. Mukhadzhiry [The migration from the North Caucasus yesterday and today]. Sait «Kavkazskii uzel». [Electronic resource]. URL: www.m.kavkaz-uzel.ru (date of access: 29.10.2023). [in Russian]

Niekerk, 2004a – *Niekerk van, J.P.* (2004). British, Portuguese, and American judges in Adderley Street: the international legal background to and some judicial aspects of the Cape Town Mixed Commissions for the suppression of the transatlantic slave trade in the nineteenth century (Part 1). *The Comparative and International Journal of Southern Africa*. 37(1): 1-39.

Niekerk, 2004b – *Niekerk van, J.P.* (2004). British, Portuguese, and American judges in Adderley Street: the international legal background to and some judicial aspects of the Cape Town Mixed Commissions for the suppression of the transatlantic slave trade in the nineteenth century (Part 2). *The Comparative and International Journal of Southern Africa*. 37(2): 196-225.

Pagden, 1995 – *Pagden, A.* (1995). Lords of All the World (ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800). New Haven – London.

Piketty, 2015 – *Piketty, T.* (2015). Kapitál v 21. storočí. Bratislava.

Prilutskii, 2014 – *Prilutskii, V.V.* (2014). Dvizhenie storonnikov svobodnoi zemli i vopros o rabstve v SShA v seredine XIX v. [The free soil party and the slavery issue in the USA in the middle of the 19th century]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 4: 140-142. [in Russian]

Salter, 1996 – *Salter, J.* (1996). Adam Smith on Slavery. *History of Economic Ideas*. III(2-3): 225-251.

Shamil..., 1953 – Shamil – stavlennik sultanskoy Turtsii i angliyskikh kolonizatorov. Sbornik dokumentalnykh materialov [Shamil – a protege of sultan Turkey and British colonialists. Collection of documentary materials]. Ed. Sh.V. Tsagareishvili. Tbilisi, 1953. [in Russian]

Shikhov, 2013 – *Shikhov, V.A.* (2013). Problema rabstva kak vazhneishaya prichina Grazhdanskoï voiny v SShA v otechestvennoi i amerikanskoï istoriografii [The problem of slavery as a major cause of the Civil war in Russian and American historiography]. *Voprosy vseobshchei istorii*. 15: 149-156. [in Russian]

Shiukashvili, 2017 – *Shiukashvili, I.* (2017). Slavery in the USA (first half of the 19th century): Socio-Economic Aspects. *Slavery: Theory and Practice*. 2 (1): 52-61.

Šmigel', 2020 – *Šmigel', M.* (2020). Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods". *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 19-36.

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel, M., Cherkasov, A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.

Švankmajer et al., 1996 – *Švankmajer, M. et al.* (1996). Dějiny Ruska. Praha.

Tindall, Shi, 2000 – *Tindall, G.B., Shi, D.E.* (2000). Dějiny Spojených států amerických. Praha.

Trans-Atlantic Slave Trade – Trans-Atlantic Slave Trade – Estimates. *Slave Voyages*. [Electronic resource]. URL: <https://www.slavevoyages.org/assessment/estimates> (date of access: 25.11.2023).

Tsybulnikova, 2010 – *Tsybulnikova, A.A.* (2010). Turetskie rabotorgovtsy v protsessakh severokavkazskogo plenoprodavstva: vyvoz kavkazskikh i rossiyskikh plennits na vostok v XIX veke [Turkish slave traders in the processes of the North Caucasian captivity and sales: the export of Caucasian and Russian captives to the east in the 19th century]. *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ed. A.A. Tsybulnikova. Armavir. Pp. 279-290. [in Russian]

Vysokova et al., 2010 – *Vysokova, V.V. et al.* (2010). Britanskaya imperiya: stanovleniye, evolyutsiya, raspad [The British Empire: formation, evolution, disintegration]. Ed. V.V. Vysokova. Yekatiirenburg. [in Russian]

Weingast, 2021 – *Weingast, B.R.* (2021). Persistent Inefficiency: Adam Smith's Theory of Slavery and its Abolition in Western Europe / Adam Smith Projekt – Stanford University. *Adam Smith Review*. 12: 36. [Electronic resource]. URL: <https://weingast2023.sites.stanford.edu/adam-smith-project> (date of access: 26.11.2023).

Zaikov, 2009 – *Zaikov, A.* (2009). Otmena rabstva: evropeiskii i amerikanskii opyt [The Abolition of slavery: European and American experience]. Prava cheloveka. Entsiklopedicheskii slovar'. Ed. S.S. Alekseev. Moscow. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1968 – *Zaionchkovskii, P.A.* (1968). Otmena krepostnogo prava v Rossii [The abolition of serfdom in Russia]. Moscow. [in Russian]

К вопросу о международных аспектах запрета работорговли и рабства в XIX веке

Михал Шмигель ^{а, *}

^а Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия

Аннотация. В статье анализируются международные аспекты борьбы с порабощением человека (запрещение работорговли и отмена рабства) в трансатлантическом пространстве в контексте событий XIX века. Уделено внимание влиянию аболиционистских и миссионерских сообществ на общественное мнение. Важное внимание уделяется международному сотрудничеству в борьбе с работорговлей, экономическим изменениям в трансатлантическом пространстве и международной политике этого периода.

Материалами для анализа и написания статьи послужили исторические документы, сборники, а также научные статьи и исследования. При решении исследовательских задач применялись общенаучные методы, а также специальные методы исследования, свойственные исторической дисциплине. Борьба с рабством на трансатлантическом пространстве рассматривалась в контексте каузальных (причинно-следственных) связей, основанных на событиях в тогдашних мировых (морских) державах – Великобритании, США, Франции, Российской империи.

В контексте исследования выделены основные этапы развития международного сотрудничества, направленного на борьбу с работорговлей и рабством в XIX веке. В заключение автор отмечает, что, хотя движущей силой борьбы с рабством были гуманные мотивы, однако их реализация в международном масштабе осуществлялась под влиянием экономических факторов и потребностей «нового империализма» во второй половине XIX века.

Ключевые слова: рабство, работорговля, аболиционистское движение, трансатлантическая работорговля, империализм.

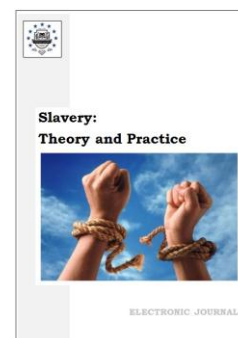
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2023. 8(1): 24-35

DOI: 10.13187/slave.2023.1.24
<https://stp.cherkasgu.press>

To the Issue of the Evolution of Questionnaires of Prisoners and Slaves from Circassia who Fled to Russia in 1810–1857 (using the example of “Circassian Slave Narratives”)

Sergei N. Nikitin ^{a, *}

^a East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

The paper attempts to consider the evolution of the questions included in the questionnaires for prisoners who escaped from Circassia to Russia during the period 1810–1857. The source base of the research was the collection of documents “Circassian Slave Narratives”.

In conclusion, the author notes that in 1810 the following information was included in the survey materials: surname, first name; year of birth; ability to read and write; place of birth and names of parents; brief circumstances of captivity; place of arrival on the Russian side.

In 1812–1819, information about Circassian slave owners and details of escapes began to be included in the questionnaires. Since 1821, when local residents began to run out of Circassia, data on the presence of infectious diseases on the Circassian side, as well as primary information about farming and harvests, began to be included in the information.

After the Russian-Turkish War of 1828–1829, Circassia moved away from Turkey to Russia. Despite the fact that the local Circassian tribes did not recognize this transition, the Russian administration, most likely officials of the Ministry of Internal Affairs, began to include in the questionnaires numerous questions about internal life in Circassia, as well as information about the religion of the fugitives from Circassia and the presence of loyal and disloyal people in Circassia. Later, the latter will be referred to in the questionnaires as peaceful and non-peaceful highlanders.

Since 1840, forms began to appear for those who escaped from Circassian captivity. At first, these forms (in the form of tables) were developed and applied at quarantine outposts (logbook of 1840 year), and in 1855 a new document appeared – the logbook 1855, which reflected almost all issues, including service in Russia before captivity and crimes committed in captivity.

Thus, in the period 1810–1857, the survey materials for people who escaped from Circassian captivity underwent a significant evolution from simplified information about a person who escaped from captivity to collecting detailed information not only about the fugitive himself, but also about the situation inside Circassia.

Keywords: slavery, questionnaires, logbook, “Circassian slave narratives”, 1810–1857, slaveholding Circassia.

1. Введение

Опросные листы бывших пленников и рабов для изучения рабства являются важным нарративным источником, так как писались они со слов непосредственных очевидцев. Эти

* Corresponding author

E-mail addresses: S.Nikitin79@gmail.com (S.N. Nikitin)

опросные листы на протяжении Кавказской войны русской администрацией несколько раз видоизменялись. Так, если на начальном этапе противостояния опросы оформлялись в качестве свободного повествования, то со временем в опросный формуляр включались конкретные вопросы, получить ответ на которые обязывалась русская местная администрация. Всего в «Черкесских невольничьих повествованиях» представлены 180 опросных листов бывших пленников и рабов. Эти листы стали значительным и уникальным пластом источников по изучению рабства в Черкесии в 1800-1860 гг.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужила коллекция документов «Черкесские невольничьи повествования», которая была опубликована в 2020 г. в журнале «Bylye Gody» (Cherkasov, 2020: 1415-2266). Всего в коллекции представлено 1200 документов, повествующих о рабстве в данном регионе. Из этой коллекции нами были сделаны выборки документов – материалы опросов рабов и пленников (всего 171 документ). Первый материал опроса был составлен в 1810 г., а последний – в 1857 г.

Методология исследования опирается на историко-статистический метод и метод контент-анализа. Это позволило нам рассмотреть сопутствующие события, ставшие причинами для бегства из Черкесии лиц разных национальностей; проанализировать общее количество опрошенных русской администрацией бывших пленников и рабов; выявить национальный состав этого контингента, а также осуществить выборку материалов для анализа эволюции опросных листов для лиц, бежавших из плена в разные исторические периоды.

3. Обсуждение

Историография, освещающая вопросы рабства на территории Черкесии, многочисленна, и в последнее время эта тема продолжает быть актуальной. Мы перечислим лишь некоторые работы, которые могут быть разделены на две обширные темы: первая – историография о рабстве на территории Черкесии, вторая – историография, сравнивающая рабство в Черкесии с другими территориями (например, Центральная Азия).

К числу последних мы можем отнести работу С.В. Зинковского и его соавторов о сравнении азиатского и черкесского рабства на материалах дел о возвращении пленников в Россию (Zinkovskii et al., 2021). К сравнению азиатского и кавказского рабства обращались Т.А. Магсумов и его соавторы, они рассматривали общее и особенное в этих рабствах на материалах XIX века (Magsumov et al., 2022).

Что касается рабства непосредственно в Черкесии, то А.А. Черкасов с соавторами рассматривали сложные взаимоотношения между Россией и Черкесией в период Кавказской войны (Черкасов и др., 2015). Помимо этого, авторами рассматривался вопрос о причинах бегства из Черкесии, например, ногайцев в период еще до Кавказской войны (Черкасов и др., 2019). В свою очередь, И.А. Ермачков с соавторами обратились к теме работорговли на территории Черкесии и сделали попытки выявить ее особенности (Ermachkov et al., 2020). Как известно, Черкесия по Черному морю граничила с Турцией. Причерноморскую торговлю рабами рассматривал В.Е. Возгрин (Vozgrin, 2018). Нельзя не отметить также работу С.Л. Дударева о статусе горских армян в Черкесии в конце XVII – первой половине XIX вв. (Dudarev, 2021).

Завершая наш краткий историографический обзор, отметим, что эволюция, видоизменение опросных листов пленников из Черкесии до настоящего времени не становились предметом изучения.

4. Результаты

В сборнике документов «Черкесские невольничьи повествования» материалы опросов бывших пленников составляют 171 документ. Для удобства анализа мы свели эти материалы в [Таблице 1](#) и указали следующие сведения: № документа в «Черкесских невольничьих повествованиях», год создания документа (проведение опроса), отметили количество опрашиваемых и их национальность.

Таблица 1. Материалы опросов пленников и рабов в «Черкесских невольничьих повествованиях» (Cherkasov, 2020: 1415-2266)

№ п/п	№ документа	Год создания документа	Количество и национальность пленников
1	364	1810	2 русских
2	393	1811	1 русский
3	394	1811	1 русский
4	416	1811	1 русский
5	419	1811	1 русский
6	425	1811	1 русский
7	426	1811	1 русский
8	441	1812	1 русский
9	509	1813	1 русский
10	546	1815	1 русский и 1 поляк
11	585	1815	2 русских
12	591	1815	3 русских
13	643	1819	1 австриец
14	650	1821	1 черкес
15	565	1821	1 черкес
16	670	1822	1 черкес
17	688	1822	1 черкес
18	696	1823	1 черкес
19	804	1828	1 черкес
20	805	1828	1 черкес
21	806	1828	1 черкес
22	809	1830	1 русский
23	810	1830	1 русский
24	815	1830	1 черкес
25	816	1830	1 черкес
26	817	1830	1 грузин
27	818	1830	1 черкес
28	819	1830	1 черкес
29	820	1830	1 молдаванин
30	821	1830	1 черкес
31	822	1830	1 черкес
32	823	1830	2 черкеса
33	824	1830	1 черкес
34	826	1830	2 черкеса
35	827	1830	1 черкес
36	828	1830	1 черкес
37	832	1831	1 черкес
38	884	1834	1 черкес
39	897	1834	1 черкес
40	900	1835	1 черкес
41	901	1835	1 черкес
42	902	1835	1 черкес
43	903	1835	1 черкес
44	904	1835	1 черкес
45	907	1836	1 черкес
46	908	1836	1 черкес
47	909	1836	1 черкес
48	911	1836	1 черкес

№ п/п	№ документа	Год создания документа	Количество и национальность пленников
49	912	1836	1 турок
50	914	1836	1 русский
51	915	1836	1 черкес
52	919	1837	1 черкес
53	921	1837	1 черкес
54	922	1837	1 черкес
55	931	1837	1 черкес
56	935	1838	1 черкес
57	936	1838	1 черкес
58	941	1838	1 черкес
59	942	1838	1 черкес
60	945	1839	1 черкес
61	950	1839	1 черкес
62	952	1839	1 черкес
63	956	1839	1 русский
64	960	1839	1 русский
65	962	1839	2 черкеса
66	964	1839	1 черкес
67	965	1839	3 черкеса
68	966	1839	1 черкес
69	969	1839	3 черкеса
70	971	1839	1 черкес
71	976	1839	1 черкес
72	977	1839	2 черкеса
73	978	1839	1 русский
74	979	1840	1 ногаец
75	980	1840	1 черкес
76	982	1840	1 русский
77	983	1840	1 черкес
78	984	1840	2 черкеса
79	986	1840	1 черкес
80	990	1840	1 черкес
81	993	1840	1 русский
82	994	1840	2 черкеса
83	996	1840	1 черкес
84	998	1840	1 русский
85	999	1840	1 русский
86	1000	1840	1 черкес
87	1001	1840	3 черкеса
88	1003	1840	5 русских
89	1004	1840	1 черкес
90	1007	1840	1 черкес
91	1010	1840	1 черкес
92	1011	1840	1 черкес
93	1012	1840	1 черкес
94	1015	1840	3 черкеса
95	1016	1840	1 черкес
96	1017	1840	1 русский
97	1018	1840	2 черкеса
98	1021	1840	3 черкеса
99	1022	1840	1 черкес

№ п/п	№ документа	Год создания документа	Количество и национальность пленников
100	1023	1840	3 черкеса
101	1024	1840	3 черкеса
102	1027	1840	1 черкес
103	1028	1840	1 черкес
104	1032	1840	1 черкес
105	1036	1840	1 армянин и 3 черкеса
106	1037	1840	1 черкес
107	1038	1841	1 черкес
108	1040	1841	1 русский
109	1041	1841	1 русский
110	1042	1841	1 черкес
111	1043	1841	1 русский
112	1044	1841	1 черкес
113	1045	1841	1 черкес
114	1046	1841	2 русских
115	1047	1841	1 русский
116	1048	1841	1 русский
117	1049	1841	1 русский
118	1050	1841	1 русский
119	1051	1841	2 русских
120	1052	1841	1 русский
121	1053	1841	1 черкес
122	1054	1841	1 русский
123	1056	1841	1 русский
124	1057	1841	1 русский
125	1058	1841	1 русский
126	1061	1841	1 еврей
127	1062	1841	1 черкес
128	1067	1842	8 черкесов и 1 турок
129	1077	1842	1 черкес
130	1087	1842	1 черкес
131	1097	1843	1 черкес
132	1109	1844	1 русский
133	1111	1844	2 русских
134	1112	1844	1 черкес
135	1115	1844	1 русский
136	1121	1845	1 черкес
137	1123	1845	1 черкес
138	1124	1845	1 русский
139	1125	1845	1 черкес
140	1126	1845	1 черкес
141	1127	1845	1 кабардинец
142	1128	1845	1 черкес
143	1134	1847	1 черкес
144	1136	1847	2 черкеса
145	1137	1848	2 черкеса
146	1139	1848	2 черкеса
147	1140	1850	1 черкес
148	1141	1850	1 черкес
149	1143	1850	1 черкес
150	1144	1850	1 черкес

№ п/п	№ документа	Год создания документа	Количество и национальность пленников
151	1147	1851	1 черкес
152	1151	1852	1 черкес
153	1152	1852	1 черкес
154	1153	1852	1 черкес
155	1154	1852	1 черкес
156	1155	1853	1 черкес
157	1156	1853	1 черкес
158	1158	1853	1 черкес
159	1159	1853	1 черкес
160	1160	1853	1 черкес
161	1164	1854	1 черкес
162	1165	1854	2 черкеса
163	1166	1854	1 черкес
164	1167	1854	1 черкес
165	1170	1854	1 черкес
166	1172	1854	1 черкес
167	1173	1854	1 черкес
168	1175	1854	1 черкес
169	1176	1855	1 черкес
170	1178	1855	1 русский
171	1182	1857	1 черкес

В некоторых документах из [Таблицы 1](#) представлено по два и более опросов бывших невольников, в результате общее количество опросов составило 219. Хронологически опросы проводились в период с 1810 по 1857 гг. Среди этих 219 человек: 54 русских, один поляк, один венгр, один грузин, один австриец, один еврей, один кабардинец, один армянин, один молдаванин, один ногаец, два турка, а остальные – черкесы.

С 1810 по 1819 гг. количество бежавших из Черкесии пленников и опрошенных русской администрацией не было велико: 1810 г. – 2 человека, 1811 г. – 6 человек, 1812 – 1 человек, 1813 – 1 человек, 1815 – 7 человек, 1819 – 1 человек. Большинство среди них были русскими, тем не менее среди них были австриец, поляк и венгр. Первые двое были военнопленными с периода войны 1812 г., выкраденные черкесами и проданные в рабство на Кавказе.

С 1821 г. среди опрошенных стали появляться черкесы, их количество до 1829 г. было невелико – 8 человек. Объяснялось это тем обстоятельством, что русская администрация в период до Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. старалась всячески препятствовать переходу черкесов на русскую территорию, так как по международному праву черкесы являлись турецкоподданными. В 1829 г., после того как Черкесия вошла в состав Российской империи, ситуация изменилась и поток черкесов в Россию резко увеличился. Также потоки беженцев из Черкесии увеличивались в условиях неурожая, эпидемий, голода и распрей между черкесскими племенами.

Уже в 1830 г. из Черкесии ушли и были опрошены 15 черкесов, а также один грузин и один молдаванин.

Что касается опросных листов, то в 1810 г. в число задаваемых вопросов включались: фамилия, имя; год рождения; умение читать и писать; место рождения и имена родителей; краткие обстоятельства пленения; место прибытия на русскую сторону ([Cherkasov, 2020: 1588](#)).

В 1811 г. в опросные листы начали включаться и детали о нахождении в плену, о перепродаже людей в горских рабовладельческих обществах. Так, например, Иван Фирсов показал, что «желая выбежать в Россию, продан был во многие княжества черкесские, как равно и к шапсугам» ([Cherkasov, 2020: 1601](#)). Об этом же в том же году свидетельствовал и венгр Михайло Венгер: «под игом черкес находился 33 года, в которое время был перепродан из одних в другие руки 4 раза» ([Cherkasov, 2020: 1601-1602](#)).

В 1812 г. в опросных листах начинают появляться и упоминания конкретных рабовладельцев. Так, Данило Пединенко сообщил: «ночью ногайцами взят и доставлен в их

дома, коими продан в Крыму же туркам на корабли, у коих был месяца два, от них также черкесам, жившим в Снеговых горах, у них жил 3 года и ушел в Бисланию (?), жил 1 год, нашед русского человека Ивана, пошел с ним в Анатолию, жил 3 года, кой владельцем продан он с оным товарищем в Имеретию и сей продал черкесам, у коих жили 2 года, от коих он ушел, пойман черкесами и продан владельцу Бесмаилу, сей продал Батыр Шахе, а оной в Абазу, где жил полторы года, из Абазы продан он армянину» (Cherkasov, 2020: 1622). Нужно пояснить, что интерес, который проявляла русская администрация к рабовладельцам, скупщикам русских людей, был не праздным. В это время русская администрация начинает обращать серьезное внимание на проблему похищения русских людей черкесами. В Черкесии значительную часть работорговли держали в своих руках горские армяне, которые начинают участвовать и в выкупе русских пленников для русских. Так было и в этом случае: Данило Пединенко был выкуплен из плена армянином.

Тем не менее, даже в 1815 г. среди материалов опроса встречались неоформленные записи, представлявшие собой собственное (пленника) изложение событий. Так, в этом году поляк Иосиф Котморский показал: «служил в наполеоновой армии, когда возвращались из Москвы, то он взят в плен российскими войсками, и отослан вместе с прочими на линию в город Егорьевск, где будучи на квартире в селении, не упомнит в каком, в скором времени взят черкесами в 1814 году в летнее время» (Cherkasov, 2020: 1660).

В 1819 г. в материалах опроса бежавшего из черкесского рабства австрийца Яна Брижинского были даже детали побега: «учинивши побег, шел четыре дня, достиг на Ольгинский кордон» (Cherkasov, 2020: 1696).

В 1821 г. из Черкесии выбегает первый из опрашиваемых черкесов Аслебей Тагад. В связи с этим в материалы опроса начинают включаться данные о наличии болезней в аулах, в которых был бежавший (это делается в санитарных целях, чтобы предотвратить проникновение инфекционных заболеваний в Россию), а также сведения о хлебопашестве, урожаях и скотоводстве (Cherkasov, 2020: 1699).

В 1828 г. в опросные листы начинают включаться сведения и о вероисповедании бывшего пленника. Так, опрашиваемый беглец из Черкесии черкес Мемед Кирий сообщил, что он «закона магометанского» (Cherkasov, 2020: 1746).

В 1830 г. в опросных листах начинают встречаться материалы о связях черкесского и абхазского рабовладельческих рынков. Так, в этом году показания дал грузин Иван Соселье, который сообщил, что был похищен абхазцами на пути из Грузии в Абхазию и продан в Черкесию (Cherkasov, 2020: 1751). Помимо этого, после Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. в опросы начали включаться данные о приверженности тех или иных князей, дворян, старшин или людей простого звания к русским. Так, в опросе бежавший черкес Очемаф сообщил о рабовладельце черкесе Гасане, который был «непревержен» русским (Cherkasov, 2020: 1752). Позднее, в 1840 г., стали повсеместно использоваться понятия «мирные» или «немирный черкес» (Cherkasov, 2020: 1812). В том же году начинают собираться и слухи о готовящихся нападениях черкесов на русские пределы. Так, бежавший черкес Батыр Койцук сообщил: «о движениях закубанских народов к нападению на российские пределы он не слышал и не знает» (Cherkasov, 2020: 1753).

Несмотря на то что с 1829 г. территория Черкесии входила в состав России только юридически, русская администрация предприняла значительные действия для сбора информации о всем происходящем в Черкесии. По всей вероятности, сбором этой информации занимались чиновники русского Министерства внутренних дел.

В 1835 г. для черкесов в опросные листы стали включаться сведения о принадлежности к племенам и о знании языков. Так, в материалах опроса черкес Брах Осман показал: «абадзехского племени, веры магометанской, по-черкесски говорит, а других языков не знает» (Cherkasov, 2020: 1774).

В 1837 г. в опросные листы были добавлены сведения о семейном положении и детях. Так, черкес Лемаф Терканов сообщил, он «женат, детей не имеет» (Cherkasov, 2020: 1781).

В 1839 г. добавлены сведения и о других родственниках, помимо родителей. Так, черкес натухайского племени Корзен Достан Газ сообщил: «родителей имеет отца Калабзат, а матери лишился еще в сущем малолетстве, более родственников никаких не имеет» (Cherkasov, 2020: 1791-1792).

В 1840 г. Усть-Лабинская карантинная застава сделала собственный формуляр для лиц, бежавших с черкесской стороны. Назовем этот формуляр формуляром образца 1840 г., он состоял из 6 вопросов и был выполнен в виде таблицы (Смотри [Таблицу 2](#)).

Таблица 2. Формуляр Усть-Лабинской карантинной заставы для лиц, бежавших из Черкесии ([Cherkasov, 2020: 1815-1816](#))

№ п/п	Показание, снятое по вопросам
1	Чин, фамилия, имя
2	Откуда прибыли? Имелись ли в этом месте заразные болезни?
3	Какое в настоящее время самочувствие?
4	Где выдержали карантинное очищение?
5	Приставали ли где-нибудь к чумным местам и слышали ли от кого-либо о них?
6.	В каких местах были ранее заразные болезни?

Небезынтересными являются показания бежавшего из черкесского рабства армянина Татус Карабет, который выбежал на русскую сторону в 1840 г. Татус ранее проживал в Анапе, отсюда был взят в плен черкесами и находился в рабстве, пока не сбежал ([Cherkasov, 2020: 1828](#)). К сожалению, в опросе не было указано, в какой период он был похищен из Анапы – до Русско-турецкой войны или позже.

По мере накопления опросных материалов русскими чиновниками начинают собираться все более и более подробные материалы о жизни пленников в рабстве, детали об обстоятельствах пленения и побега. В качестве примера приведем материалы опроса русского Устина Семенова, выбежавшего из черкесского плена 24 февраля 1841 года: «Зовут меня и прозывают действительно так, как выше значит, Устин Семенов, лет мне от роду 53, веры христианской, у исповеди и у святого причастия до взятия в плен ежегодно бывал, неграмотен, холост, родился в Оренбургской губернии в самом городе Оренбурге, от отца Семена, а матери Ефимии. Отец мой был из духовного звания, но какого сана не знает по случаю умертвия означенных родителей моих в сущем малолетстве, по смерти которых года через полтора взят был я на воспитание 3-й гильдии купцом, жительствовавшем в губернском городе Саратове Федором Михайловичем Алатерцем, у которого жил лет 15-ть по пашпортам, которые выписывал мне означенный купец Алатерцев, не знает из какого места, а потом договорился у купца 1-й гильдии Игната Ивановича Калакова, живущего той же губернии в селе Дубовке в работники, у которого и находился лет 9-ть по годовым пашпортам, выписываемым первым его хозяином Алатерцем, а в 1830 году летнего времени отправился с приказчиком его Калакова по имени и прозванию мне неизвестным, на двух одноконных повозках в город Тифлис с бакалейным товаром, принадлежащим означенному купцу Калакову, для продажи одного и на дороге ведущей от Владикавказа до Тифлиса, не знает в каком урочище, набежавшими на них двенадцатью человеками на верховых лошадях черкесами взяты в плен и увезены вместе с повозками, лошадьми и товаром в горы, где я находился в плену, переходил все с рук на руки до настоящего февраля месяца, а в сем собравши удобный случай бежал и прибыл к реке Кубани напротив Великолагерного поста, через которую переправлен каюком на сию сторону, во время же нахождения в плену слышал от черкес. что товарищ мой, с которым я взят в плен, срублен ими за намерение учинить от них побег; что справедливо показал в том и подписался к сему допросу выбежавший из плена от закубанцев человек Устин Семенов, а вместо его неграмотного подписал урядник Тимофей Немиря» ([Cherkasov, 2020: 1832](#)).

В 1841 г. в вопросы стали включаться и сборы данных о других русских пленных в Черкесии. Так, проживавший в Анапе и похищенный черкесами еврей Шмома Мойсиевский, бежавший из рабства в 1841 г., показал, что «в плену находился до сего времени у простого черкеса абазехского племени Атуле в горах, где также находился в плену солдат Пантелеймон Белинкин» ([Cherkasov, 2020: 1839](#)). Такого рода информация позволяла предпринять поиски и других русских людей, находящихся в рабстве.

По всей вероятности, к началу 1850-х гг. русская администрация на кордонных линиях подготовила формуляр, обязательный к заполнению лицами, бежавшими из плена.

В качестве примера приведем формуляр, использованный в 1855 г., и условно назовем его Формуляр образца 1855 г. (См. [Таблица 3](#)).

Таблица 3. Формуляр образца 1855 года для лиц, бежавших из плена ([Cherkasov, 2020: 1898-1898](#))

Вопросы	Ответы
1. Как тебя зовут, чей ты сын, сколько тебе от роду лет, грамоты читать и писать знаешь ли?	
2. Какой ты веры, если христианской, то когда ты был на исповеди и у святого причастия?	
3. В службу его императорскому величеству вступал которого года, месяца и числа и какого звания и откуда уроженец, в какой именно полк первоначально определен и где по переводам?	
4. На верность службе присягал ли, воинский устав и артикулы читаны ли и что за какое преступление чинят по велению знаешь ли?	
5. Наперед сего не был ли ты за что под судом и по оному равно и без суда в каких штрафах и наказаниях?	
6. Какого года, месяца и числа, от какой причины и с каким намерением отлучился ты из полка?	
7. Будучи в отпуске по какому виду проживал с ведома или без ведома беглого и откуда имел пропитание?	
8. В сей отлучке сколько времени ты был, где и как явился когда и у кого именно?	
9. Во время отлучки своей не учинил ли ты воровства, разбоя, смертоубийства, или не учинил ли в том с подобными людьми и не знаешь ли жительства других укрывающихся от службы?	
10. Не знаешь ты чего-либо особенного о горцах и вообще что ты заметил, находясь у них?	
11. В означенных ответных пунктах всю ли ты истинную правду показал и не утаил ли чего?	

Из [Таблицы 3](#) видно, что в опросные материалы стали включаться вопросы о преступлениях, совершаемых на территории Черкесии, о данной ранее царю присяге, а также о том, когда последний раз был на таинстве святого причастия и был ли под судом. Все это свидетельствует о том, что материалы опросов продолжали совершенствоваться. Причинами этому, на наш взгляд, было накопление за период Кавказской войны обширного материала о ситуации в горском черкесском обществе. Очень похоже, что формуляр 1855 г. также готовился чиновниками Министерства внутренних дел.

Наконец, в 1857 г. был составлен последний из опросных материалов, опубликованных в сборнике документов «Черкесские невольничьи повествования». В это время из Черкесии бежал черкес (мать которого была русская) Ханус Толмыз. Ханус о себе показал: «родился я незаконно от матери, бывшей крестьянкою у простого черкеса шапсутского племени Шеретлука Тауса, жительствовавшего в ауле на р. Эжипс. Мать моя с малолетства моего, говорила мне, что она Русская, была взята горцами в плен из Черномории малолетнею. Года четыре тому назад, мы имели намерение бежать к русским, но на пути нас догнали. Владелец Таус мать мою оставил у себя, а меня продал другому Ильясу Толмызу в аул Эмзукай, откуда я бежал вторично и в этот раз меня ни что более не понуждало к побегу, как наставление матери, непременно бежать к русским и принять православную веру» ([Cherkasov, 2020: 1899-1900](#)).

Всего, согласно данным из «Черкесских невольничьих повествований», известно, что за период 1792-1861 гг. из плена в Черкесии, по одиночке или семьями, бежало не менее 2787 человек, из них только 219 человек были опрошены. Таким образом, опросные материалы были собраны только у 7,8 % лиц, бежавших из плена.

5. Заключение

Рассматривая эволюцию опросных листов в период с 1810 по 1857 гг., отметим, что в 1810 г. в опросные материалы включались следующие сведения: фамилия, имя; год рождения; умение читать и писать; место рождения и имена родителей; краткие обстоятельства пленения; место прибытия на русскую сторону.

В 1812–1819 гг. в опросные листы начинают включаться сведения о черкесских рабовладельцах и детализация побегов. С 1821 г., когда из Черкесии начали выбегать местные жители, в сведения начали включаться данные о наличии на черкесской стороне инфекционных заболеваний, а также первичная информация о хлебопашестве и урожаях.

После Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Черкесия отошла от Турции к России. Несмотря на то что местные черкесские племена не признавали этого перехода, русская администрация, по всей вероятности чиновники Министерства внутренних дел, начала включать в опросные листы многочисленные вопросы о внутренней жизни в Черкесии, а также сведения о вероисповедании беглецов из Черкесии и наличии в Черкесии лояльных и нелояльных России лиц. Позднее последние будут именоваться в опросных листах мирными и немирными горцами.

С 1840 г. стали появляться формуляры для лиц, бежавших из черкесского плена. Сперва эти формуляры (в виде таблиц) были разработаны и применялись на карантинных заставах (Формуляр 1840 г.), а в 1855 г. появился новый документ – формуляр 1855 г., в котором нашли отражение практически все вопросы, включая службу в России до плена и преступления, совершенные в плену.

Таким образом, в период 1810-1857 гг. опросные материалы для лиц, бежавших из черкесского плена, прошли значительную эволюцию от упрощенных сведений о лице, бежавшем из плена, до сбора детализированной информации не только о самом беглеце, но и о ситуации внутри Черкесии.

Литература

[Черкасов и др., 2015](#) – Черкасов А.А., Иванцов В.Г., Устинович Е.С. Молчанова В.С. Россия и Черкесия: проблемы взаимоотношений и их особенности (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // *Русин*. 2015. 4 (42). С. 53-65.

[Черкасов и др., 2019](#) – Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н., Шмигель М. Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. № 4 (64). С. 1355-1367.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

Dudarev, 2021 – Dudarev S.L. On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai) // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 14-25.

Ermachkov et al., 2020 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2464-2470.

Magsumov et al., 2022 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. Slavery in Central Asia and the Caucasus in the XIX century: Common and Particular // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1260-1266.

Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 4-17.

Zinkovskii et al., 2021 – Zinkovskii S.B., Malakhova V.Yu., Denisov I.S., Makarov Yu.N. Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 689-698.

References

Cherkasov i dr., 2015 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S. Molchanova, V.S. (2015). Rossiya i Cherkesiya: problemy vzaimootnoshenii i ikh osobennosti (konets XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [Russia and Circassia: problems of relationships and their features (late XVIII – first half of the XIX centuries)]. *Rusin*. 4(42): 53-65. [in Russian]

Cherkasov i dr., 2019 – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N., Shmigel', M. (2019). Begstvo iz Cherkesii nakanune Kavkazskoi voiny [Flight from Circassia on the eve of the Caucasian War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 4(64): 1355-1367. [in Russian]

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

Dudarev, 2021 – Dudarev, S.L. (2021). On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai). *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 14-25.

Ermachkov et al., 2020 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2020). Slave Trade in Circassia (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 58(4): 2464-2470.

Magsumov et al., 2022 – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). Slavery in Central Asia and the Caucasus in the XIX century: Common and Particular. *Bylye Gody*. 17(3): 1260-1266.

Vozgrin, 2018 – Vozgrin, V.E. (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17.

Zinkovskii et al., 2021 – Zinkovskii, S.B., Malakhova, V.Yu., Denisov, I.S., Makarov, Yu.N. (2021). Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners). *Bylye Gody*. 16(2): 689-698.

К вопросу об эволюции опросных листов пленников и рабов из Черкесии, бежавших в 1810-1857 гг. в Россию (на примере «Черкесских невольничьих повествований»)

Сергей Николаевич Никитин^{a, *}

^a Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: S.Nikitin79@gmail.com (С.Н. Никитин)

Аннотация. В работе делается попытка рассмотреть эволюцию включаемых в опросные листы вопросов для бежавших из Черкесии в Россию пленников за период 1810–1857 гг. Источниковой базой исследования послужила коллекция документов «Черкесские невольничьи повествования».

В заключении автор отмечает, что в 1810 г. в опросные материалы включались следующие сведения: фамилия, имя; год рождения; умение читать и писать; место рождения и имена родителей; краткие обстоятельства пленения; место прибытия на русскую сторону.

В 1812–1819 гг. в опросные листы начинают включаться сведения о черкесских рабовладельцах и детализация побегов. С 1821 г., когда из Черкесии начали выбегать местные жители, в сведения начали включаться данные о наличии на черкесской стороне инфекционных заболеваний, а также первичная информация о хлебопашестве и урожаях.

После Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Черкесия отошла от Турции к России. Несмотря на то, что местные черкесские племена не признавали этого перехода, русская администрация, по всей вероятности чиновники Министерства внутренних дел, начала включать в опросные листы многочисленные вопросы о внутренней жизни в Черкесии, а также сведения о вероисповедании беглецов из Черкесии и наличии в Черкесии лояльных и нелояльных России лиц. Позднее последние будут именоваться в опросных листах мирными и немирными горцами.

С 1840 г. стали появляться формуляры для лиц, бежавших из черкесского плена. Сперва эти формуляры (в виде таблиц) были разработаны и применялись на карантинных заставах (Формуляр 1840 г.), а в 1855 г. появился новый документ – формуляр 1855 г., в котором нашли отражение практически все вопросы, включая службу в России до плена и преступления, совершенные в плену.

Таким образом, в период 1810-1857 гг. опросные материалы для лиц, бежавших из черкесского плена, прошли значительную эволюцию от упрощенных сведений о лице, бежавшем из плена, до сбора детализированной информации не только о самом беглеце, но и о ситуации внутри Черкесии.

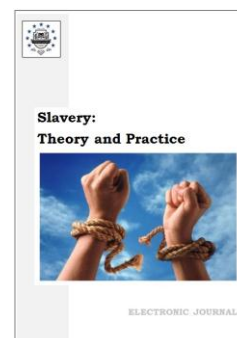
Ключевые слова: рабство, опросные листы, формуляр, «Черкесские невольничьи повествования», 1810–1857 гг., рабовладельческая Черкесия.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2023. 8(1): 36-52

DOI: 10.13187/slave.2023.1.36
<https://stp.cherkasgu.press>

A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The article is dedicated to the essay by S.N. Sevast'yanov “Ivan Vasil'evich Podurov”, describing the captivity of the Cossack officer in Middle Asia. This essay, reprinted in 1999, is assessed differently by different researchers: from “purely documentary narration” to a narrative with glaring mistakes that demonizes the “Kirgiz” (as Kazakhs were called in the Russian Empire’s tradition). Nevertheless, even though a number of authors turned to it in the 20th century (N. Zhetpisbai, T.M. Zhaplova and A.Zh. Saibulova, E.K. Sozina), none of them conducted a systematic analysis of this text. This article undertakes an attempt at such analysis, which is important for understanding how reliable in general are the descriptions of slavery in Middle Asia by the Russian pre-revolutionary amateur historians, especially by members of the Orenburg Scientific Archival Committee, of which S.N. Sevast'yanov was also a member and commanded authority.

The article shows that, in his text, S.N. Sevast'yanov definitely relies on three categories of sources, none of which could be considered reliable: on the folk tales of the Orenburg Cossacks; on the stories of I.V. Chernov, who was born two years after the described events, but presumably heard about them from I.V. Podurov himself; on the manuscript of G.F. Gens, a contemporary of the events, Russian official and an amateur orientalist, who was extremely critical towards the “Kirgiz”. It is unknown whether S.N. Sevast'yanov was working with the originals of the documents about the capture of I.V. Podurov or provided them based on the manuscript of G.F. Gens. But in any case, we managed to find direct forgery in a document cited in the essay, form which information was excluded that negatively characterized Russian authorities. As a result, some data provided in the essay is based on unreliable sources, and the reliable sources are misrepresented either by the author of the essay or by those on whose descriptions of the events he was relying.

Furthermore, by comparing the narrative of S.N. Sevast'yanov with archival documents it becomes evident that: 1) the image of I.V. Podurov is extremely heroized, for example, in the primary sources his heroic resistance against captors and his heavy wound are not mentioned; 2) the “Kirgiz”, on the contrary, are demonized, information presenting them from an ambiguous side was excluded (for example, the fact that they were capturing Russian officers not for ransom, but to set free the father of one of the captors); 3) nothing confirms the story reported by I.V. Chernov about the daughter of the “Kirgiz” khan falling in love with I.V. Podurov, and the image of this Muslim maiden is deprived both of any particular features (even name) and of any subjectivity. All this allows us to confidently say that the essay “Ivan Vasil'evich Podurov” does not document the events of 1820s, but translates the image of these events that formed among the Orenburg Cossacks by the end of the 19th century, which makes it a valuable source on the

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

historical memory of the Orenburg Cossackdom.

Keywords: slavery, Middle Asia, colonial discourse, historiography, source study, I.V. Podurov, S.N. Sevast'yanov.

1. Введение

В конце XIX в. оренбургский офицер и историк-любитель С.Н. Севастьянов написал небольшой очерк «Иван Васильевич Подуров». Очерк этот был посвящен оренбургскому атаману середины XIX в., однако большую его часть составляло описание пребывания И.В. Подурова в 1823 г. в плену у «киргиз» (как тогда русские авторы называли казахов). Именно благодаря тематике текст С.Н. Севастьянова неожиданно обрел определенную популярность в конце XX – начале XXI вв., однако его оценки различными авторами расходятся фундаментально.

В 1999 г. очерк «Иван Васильевич Подуров» был переиздан в оренбургском альманахе «Гостинный двор» (Севастьянов, 1999: 190-205). В небольшом предисловии за авторством С.Е. Сорокиной очерк позиционировался как «чисто документальное повествование» (Севастьянов, 1999: 190). С.Е. Сорокина обратила внимание на его схожесть с «Кавказским пленником» А.С. Пушкина: «Пленение, жизнь в ауле, кандалы, рабский труд, побои, унижения, юная дочь хозяина и ее сострадание» (Севастьянов, 1999: 190). Однако от комментариев по этому поводу исследовательница воздержалась, очевидно, считая, что данное сходство было следствием реализма пушкинского текста. Прямо об этом она не писала, но приводила целый ряд документальных источников 1830 гг., в которых русские офицеры живописали о злодеяниях степных «разбойников» и «хищников» (Севастьянов, 1999: 190). Все это позволило С.Е. Сорокиной откровенно умилиться доброте русского народа: «Совершенно замечательно при этом, что, терпя беды и ущерб, наносимые набегами степных разбойников, русские люди не только не отчуждались от киргизов (так до 1922 г. называли казахов), но всячески поддерживали с ними дружеские отношения. Более того, русские власти защищали и самих степняков от разорения своими же, более дерзкими соплеменниками» (Севастьянов, 1999: 191).

Принципиально иначе интерпретировала очерк «Иван Васильевич Подуров» Е.К. Созина. Она обратила внимание на то, что еще такой классик литературоведения, как В.М. Жирмунский, заметил, что фабула пленника в русской романтической литературе встречалась регулярно и обычно строилась по следующей схеме: «Молодой герой, томящийся в плену у мусульман, экзотика окружения, прерываемая его периодическими жалобами, юная и прекрасная пери, влюбляющаяся в него и устраивающая ему побег» (Созина, 2011: 39). В уральской региональной литературе подобная фабула была освоена задолго до С.Н. Севастьянова, и первым ее примером, по мнению Е.К. Созиной, была повесть «Киргизский пленник. (Быль Оренбургской линии)» оренбургского поэта П.М. Кудряшева (Созина, 2011: 38). Исходя из очевидных параллелей в повести П.М. Кудряшева и очерке С.Н. Севастьянова, в 2011 г. Е.К. Созина интерпретировала нарратив последнего так: «История казака Подурова, записанная его младшим сослуживцем, претендующим на роль автора (С.Н. Севастьянов служил в штабе Оренбургского казачьего войска и разрабатывал историю оренбургского казачества), выстраивается с оглядкой на романтическую литературную традицию» (Созина, 2011: 45). В 2016 г., характеризуя дискурс «степных пленников», она уже однозначно писала об определенной доле вымысла в текстах о них: «В целом же, дискурс “степных пленников” интересен тем, что он наглядно отражает взаимодействие двух сторон, представленных в произведении, – самой действительности, жизни, без которой текст вряд ли возможен, и литературной условности, вымысла, которого не избегает любой, даже самый правдивый художник» (Созина, 2016: 14).

Отметим также, что Е.К. Созина не умиляется добротой русских к степнякам, но рассматривает русскую литературу о «степных пленниках» как инструмент, в соответствии с ее терминологией, «внутренней колонизации»: «Педалируя ситуацию пленника, попавшего к “неверным”, и тех страданий, которые выпадают на его долю, она пробуждала патриотические чувства и “работала” как на формирование национальной идентичности, так и на геополитические интересы России» (Созина, 2016: 7). Обращает она внимание и на то, что «в текстах соблюдаются основные правила колониального дискурса»,

и степняки обычно описываются крайне негативно (Созина, 2016: 13). Правда, интересующий нас очерк с подобных позиций она подробно не анализирует.

В 2020 г. вышло первое исследование, специально посвященное интересующему нас тексту, – статья «Особенности поэтики биографического очерка С.Н. Севастьянова “Падуров”» Т.М. Жапловой и А.Ж. Сайбуловой (Жаплова, Сайбулова, 2020: 35-42) (обратим внимание, что в названии статьи нет ошибки – в некоторых изданиях и даже оригинальных документах фамилия «Подурова» писалась как «Падуров»). К сожалению, уровень данного исследования крайне невысок. Его авторы исходят из априорного представления о том, что «писатель (С.Н. Севастьянов – А.П.) ориентировался на реальные факты» (Жаплова, Сайбулова, 2020: 37). При этом Т.М. Жаплова и А.Ж. Сайбулова обратили внимание на то, что для С.Н. Севастьянова важным источником служил фольклор, народные предания казаков. Однако оценили эту особенность очерка весьма своеобразно: «Писатель опирался в своем творчестве на устную народную прозу, которая включает в себя такие жанры, как предания и легенды. Они отличаются от сказок утверждением реальности, достоверности сообщаемых сведений. Так, предания передаются из поколения в поколение, хранятся, как бесценные знания народа» (Жаплова, Сайбулова, 2020: 38). Важнейшим итогом статьи становится вывод о том, что главный герой интересующего нас очерка был идеальным казаком: «Образ Падурова – это не только индивидуализированный портрет конкретной исторической личности, а обобщенный образ идеального казака, представителя казачьего войска, который проявил бесстрашие, любовь к Отечеству, патриотизм, преданность Родине, стойкость духа» (Жаплова, Сайбулова, 2020: 39). В итоге исследовательницы даже не задают вопроса о том, как в одном тексте сочетались ориентация на реальные факты и использование народных легенд, реальный портрет исторического И.В. Подурова и образ идеального казака.

Несколько ранее, в 2019 г., на сайте Qazaqstan tarıhu была размещена статья «О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII – первой трети XIX вв. в Западном Казахстане» Н. Жетписбай (Жетписбай, 2019). Несмотря на популярный характер данного текста, он содержит заслуживающую внимания и достаточно подробную критику очерка «Иван Васильевич Подуров». Н. Жетписбай попытался доказать недостоверность многих русских нарративов о Степи, характеризуя их так: «Грешили добавлением выдуманных историй даже некоторые военные исследователи, которые десятилетиями позже при описании минувших исторических событий, из-за лирических отступлений допускали множество нелепых ошибок» (Жетписбай, 2019). С.Н. Севастьянова он считает крайне ненадежным описателем событий, связанных с рабством в Средней Азии («в своих исторических очерках, при описании событий связанных с пленениями людей на линии допускает ряд грубых ошибок») (Жетписбай, 2019). Н. Жетписбай обращает внимание на то, что С.Н. Севастьянов, родившийся в 1863 г., описывает события 1823 г. как очевидец, причем крайне литературно, вплоть до характеристики того, как стрекотали кузнечики; на то, что С.Н. Севастьянов приводит описание крайне жестокого убийства «киргизами» казака исключительно по преданию; а историю о любви к пленнику дочери главного пленителя Н. Жетписбай характеризует с нескрываемой иронией: «Данный сюжет в очерке не требует к себе каких-либо комментариев. Он банально повторяет мотивы Пушкина и Лермонтова и многих лирических рассказов, где обычно дочери правителей влюбляются в чужеземных пленников или в простых странствующих людей» (Жетписбай, 2019).

При этом Н. Жетписбай рассматривает нарратив С.Н. Севастьянова в рамках современной полемики о российском колониализме. Центральная мысль его статьи заключается в том, что «главной причиной всех бед (в степи XVIII – первой трети XIX вв. – А.П.) была колониальная политика Российской империи», и в конечном счете будущие русские «степные пленники» сами пришли на чужую землю в качестве колонизаторов (Жетписбай, 2019). Иронично, что, доказывая это, в итоге Н. Жетписбай сам сбился на описания народных преданий, но не русских, а казахских: «Еще в детстве прабабушки рассказывали, как прятали девушек от этих незваных и вооруженных гостей, как безоружные джигиты скрипя зубами от безысходности не находили себе места...» (Жетписбай, 2019). Тем не менее его статья не только демонстрирует своеобразный казахский взгляд на очерк «Иван Васильевич Подуров», но и хорошо раскрывает его

фундаментальную проблему, о которой до этого менее подробно писала Е.К. Созина.

Очерк «Иван Васильевич Подуров» С.Н. Севастьянова представляет собой, по существу, колониальный нарратив, причем в крайне специфической казачьей версии, на что предыдущие исследователи не обращали внимания. Русские власти в нем изображены немногим лучше «киргизов», причем зачастую они описываются тоже по казачьим народным преданиям: «Основываясь на единогласном предании казаков об Эссене (оренбургском губернаторе – А.П.), можно предположить, что он распускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей, вероятно, исполняя только букву закона, который по его настояниям в силу изменения местных условий, мог бы излагаться в смысле более действенного охранения русского прилинейного элемента» (Севастьянов, 1999: 205). При этом центральной для конструирования нарратива оказывается тема неволи, в которую жестокие и злобные «киргизы» захватывают казаков, а власти помогают им в этом: «О П.К. Эссене казаки сохранили самые тяжелые воспоминания за строгость мер по переходу через Урал в погоне за отбитием своего имущества и защиты чести своих жен и дочерей, увозимых на глазах казаков, находящихся на правом берегу реки и не имеющих права под страхом строгого взыскания переплыть Урал и догнать хищников» (Севастьянов, 1999: 205). И в своей небольшой статье мы бы хотели показать, как С.Н. Севастьянов конструировал этот нарратив.

Это важно сразу в нескольких отношениях. Во-первых, как мы видели из приведенных нами примеров, целый ряд современных исследователей считает работы С.Н. Севастьянова достаточно надежным источником информации. Это не случайно: он был членом Оренбургской ученой архивной комиссии – достаточно авторитетного регионального научного объединения 1880-1910 гг. Деятельность этой комиссии многократно изучалась, и в 2020 г. вышло даже монографическое исследование о ней (Матвиевская и др., 2020). Многие работы С.Н. Севастьянова были опубликованы как раз в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» (Труды..., 1906: I-V). Таким образом, С.Н. Севастьянов был авторитетным провинциальным историком-любителем, фигурой, достаточно типичной для поздней Российской империи. Соответственно, анализ его текста интересен именно в контексте любительских исследований российских провинциальных авторов рубежа XIX–XX вв. Мы будем анализировать текст не профессионального историка, но достаточно известного и востребованного провинциального автора, крайняя недостоверность повествования в котором позволяет, как минимум, поставить вопрос о том, можно ли без специальной проверки доверять нарративам других подобных авторов, прежде всего других членов Оренбургской ученой архивной комиссии.

Во-вторых, члены Оренбургской ученой архивной комиссии неоднократно исследовали историю среднеазиатского рабства, а С.Н. Севастьянов даже посвятил угону русских подданных в рабство в XVII – первой половине XIX вв. обстоятельную статью «События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг.» (Севастьянов, 1906: 95-148). Соответственно, анализ их нарративов важен для понимания того «колониального дискурса» Российской империи, о котором писала Е.К. Созина: негативизация степняков шла не только через художественную, но и через научную литературу, и в этом отношении важно понять, как конструировалась эта негативизация в отдельных текстах.

2. Материалы и методы

Важнейшим источником для нас будет сам очерк «Иван Васильевич Подуров». Прежде всего, мы проанализируем те источники информации, на которых он основан, чтобы понять их достоверность. Затем мы сравним содержание очерка с сохранившимся архивным делом о пленении И.В. Подурова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769). В заключение обратимся к сюжету о любви дочери пленителя к пленнику, сопоставив текст С.Н. Севастьянова с подобной историей, которая признается историками достоверной: с местами из «Воспоминаний кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау, в которых описываются отношения автора и черкешенки Аслан-Коз.

3. Результаты

Сюжет

Прежде всего перескажем сюжет очерка «Иван Васильевич Подуров». Открывается он

очень кратким вводным разделом, описывающим биографию И.В. Подурова до плена. Из него следует, кстати, что строевым офицером И.В. Подуров был очень недолго, буквально год, в промежутке между службой в канцелярии оренбургского губернатора и в должности адъютанта оренбургского атамана (Севастьянов, 1999: 191-192). 1 июля 1823 г., проезжая по служебным делам из Оренбурга в Самару, он был атакован «киргизами», не пожелал сдаваться им без боя, но тяжело раненым был все же взят в плен (с ним был пленен мальчик-ямщик, а незадолго до этого те же «киргизы» взяли в плен еще трех русских, включая офицера, прапорщика С.А. Медведева) (Севастьянов, 1999: 192-193). По пути в Степь «киргизы» жестоко убили случайно встреченного ими безоружного казака из-за того, что он некогда отругал одного из них, причем якобы это произошло рядом с местом, где в 1820 г. «киргизы» же жестоко убили «для потехи» (расстреляли стрелами, нанеся около 80 ран) ветерана Отечественной войны 1812 г. Ф.К. Гришечкина на глазах у матери (Севастьянов, 1999: 194-195).

Далее С.Н. Севастьянов описывал удивление властей «неслыханной еще дерзостью киргиз», похитивших двух русских офицеров так далеко от степи, и невнятно сообщал, что губернские власти узнали, где держат пленников, от мелких пограничных начальников, а «один из киргиз (дружественных России – А.П.) видел даже Подурова на реке Киндагалте ведомства Табынского рода» (Севастьянов, 1999: 196). Но «полагаться исключительно на некоторых, известных уже начальству доброжелательных киргиз, было все-таки рискованно. Приходилось искать русского человека, вполне надежного и опытного». И поэтому искать И.В. Подурова был направлен урядник П.А. Плешков (Севастьянов, 1999: 196). После ряда приключений П.А. Плешков добрался до аула «хана Джуламана Тианчина» (в современной казахской транскрипции – Жоламана Тленшиулы) и начал долго тянувшиеся переговоры (Севастьянов, 1999: 197).

Пребывание И.В. Подурова в плену описывается не только с указанием на то, что «его меньше, чем других, били, но все же били», но и с описанием словесных издевательств пленителей и их родственников, вплоть до прямой речи: «Что, собака, ты плачешь?.. Я, будучи мусульманином, исповедую веру истинную, человек вольный, никому неподвластный, должен был просидеть полгода в остроге в кандалах, а ты лежишь в кибитке. Поддай мне пить!» (Севастьянов, 1999: 198). Тем не менее в прекрасного русского влюбляется безымянная и лишенная каких-либо конкретных черт дочь хана и даже предлагает помочь ему сбежать, но «пленник не решился воспользоваться самоотверженным предложением девы» (Севастьянов, 1999: 200). «Киргизы» всячески злоумышляют и угрожают русской делегации, уговаривающей освободить И.В. Подурова (к П.А. Плешкову добавилось несколько дружественных России «киргизов»), в итоге убивают П.А. Плешкова (Севастьянов, 1999: 201). Тело несчастного потом находит в степи то ли его друг-«киргиз» Я. Яикбаев, то ли старший товарищ-казак Д.Г. Беляков (Севастьянов, 1999: 201). В итоге в конце октября 1823 г. Джуламан (единственный относительно честный «киргиз», в интерпретации С.Н. Севастьянова), уступив уговорам и зная, что его собственные подданные хотят убить И.В. Подурова, отпускает пленника, и тот, попрощавшись с ханской дочерью, тайком бежит в Россию с русской делегацией, чудом избежав встречи с охотящимися на них подданными Джаламана (Севастьянов, 1999: 201-202). Завершается биография разделом о жесткости русских чиновников по отношению к казакам и об их неспособности во время губернаторства П.К. Эссена остановить «киргизские набеги» (якобы чиновники даже покрывали «киргизов» и мешали казакам защищаться от их набегов) (Севастьянов, 1999: 204-205).

Наш пересказ, конечно, не раскрывает многих деталей очерка С.Н. Севастьянова, но даже из него видно, что данный текст предельно односторонен. Есть герои, И.В. Подуров и П.А. Плешков, смелые казаки-воины. Есть жестокие и коварные «киргизы», хан которых не в силах контролировать даже собственных подданных. Однако теоретически события 1823 г. действительно могли развиваться так, как их описал С.Н. Севастьянов. Поэтому очень важно понять, на какие источники он опирался.

Источники

Полноценного ссылочного аппарата очерк «Иван Васильевич Подуров» лишен, что затрудняет анализ его источников. Тем не менее С.Н. Севастьянов иногда указывает, откуда

взята та или иная информация. Проанализируем подобные ссылки, ранжировав их в соответствии с достоверностью, от меньшей к большей.

1) Народные предания. К ним С.Н. Севастьянов обращался неоднократно, причем использовал их широко и вольно. Так, жестокое убийство Ф.К. Гришечкина на глазах у матери описано исключительно по преданию, причем записанному даже не самим С.Н. Севастьяновым, а другим оренбургским историком-любителем Н.К. Бухариным (Севастьянов, 1999: 194). На записи Н.К. Бухарина С.Н. Севастьянов ссылался и при описании произвола русских властей в 1820 г. (Севастьянов, 1999: 204). Иногда С.Н. Севастьянов пытался доказать истинность казачьих преданий цитатами из архивных документов, однако, во-первых, он делал это далеко не всегда, а во-вторых, его методика доказательства была весьма своеобразной. Например, описывая казачьи предания о П.К. Эссене, управлявшем оренбургским краем в 1817-1830 гг., сводящиеся к тому, что казакам воспрещалось переходить Урал и отбивать свое имущество у похитивших его «киргизов», С.Н. Севастьянов приводит цитату из документа Коллегии Иностранных Дел от 1776 г., согласно которой «в рассуждение невежества азиатцев, всегда при погрешностях их поступать снисходительно, дабы тем в желаемом расширении коммерции не причинить помешательства и не отучить азиатов вовсе от оренбургского торгова, но паче придать им и тому торгу всякую охоту...» (Севастьянов, 1999: 205). Это было единственное в нарративе С.Н. Севастьянова документальное доказательство снисходительности русских властей к «киргизам» в 1820 г., что не помешало исследователю сделать вывод: «Основываясь на единогласном предании казаков об Эссене, можно предположить, что он распускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей» (Севастьянов, 1999: 205).

Но больше всего народных преданий С.Н. Севастьянов приводит в связи с фигурой фактически второго главного героя своего очерка, урядника П.А. Плешкова. Даже вводится в очерк он таким вызывающим множество вопросов предложением: «То был урядник Угольной станицы Оренбургского казачьего войска Петр Андреевич Плешков, известный в преданиях более под фамилией Петров» (Севастьянов, 1999: 196). Почему П.А. Плешков в преданиях превратился в Петрова? Насколько вообще реальный П.А. Плешков был похож на легендарного Петрова? С.Н. Севастьянов не отвечал на эти вопросы, зато без всяких сомнений характеризовал П.А. Плешкова на основании «легендарных сказаний» Угольной станицы о Петрове: «Никто из казаков не мог бывало сравняться с ним в езде верхом, или стащить его с седла. Нередко, укрощая дикую ордынскую лошадь, он схватывал ее прямо за уши и пригибал таким образом к земле. Часто схватываясь с киргизами на кардонах, расположенных в то время между форпостами Елшанским, крепостью Илецкая Защита, станицей Угольной, Мертвецовской, Григорьевской, Куралинской и проч., Плешков до тонкости изучил степные наречия и своеобразную киргизскую военную тактику и прилежавшие к линии места знал, как свои пять пальцев» (Севастьянов, 1999: 196). Героическая гибель П.А. Плешкова также описана на основе легенд о нем, и не только. С.Н. Севастьянов привел такую народную песню, оговаривая в примечании, что она, согласно Н.К. Бухарину, записавшему ее, была посвящена другому убитому «киргизами» казаку, хорунжему А.Д. Алескасову:

«Что это в поле забелелось?

Что в чистом заалелось?

Забелелось в поле его тело белое,

Заалелась его кровь молодецкая...

Никто-то к телу не проискатнется, –

Лишь слетались два черна ворона,

Садилась они на казачью грудь белую,

Зачинали клевать очи ясные...» (Севастьянов, 1999: 201).

2) Рассказы И.В. Чернова. Два крайне комплиментарных для И.В. Подурова фрагмента разбираемого нами очерка написаны на основании устных рассказов некоего И.В. Чернова. Во-первых, это незначительный (мы даже не приводили его в описании сюжета) эпизод, относящийся к перевозке пленных русских офицеров «киргизами»: якобы прапорщик С.А. Медведев не умел держаться в седле и несколько раз падал с лошади, а раненый И.В. Подуров ехал так хорошо, что им восхищались пленители: «Джигит, бик якши джигит!» (Севастьянов, 1999: 193-194). Во-вторых, это пресловутая история с дочерью «хана

Джуламана», которая «передавала Ивану Васильевичу новости, касающиеся пленников, угощала иногда лепешками собственного приготовления или же крутом (киргизский сыр) и старалась вообще разогнать его грусть», а в итоге предложила помочь в побеге (Севастьянов, 1999: 199).

Генерал-майор И.В. Чернов был еще одним оренбургским любителем истории, военным, дослужившимся до высоких чинов, а на старости лет ставшим членом Оренбургской ученой архивной комиссии и составившим жизнеописание целого ряда оренбургских губернаторов (Севастьянов, 1907а: 3-14). Проблема, однако, заключалась в том, что И.В. Чернов родился в 1825 г., то есть через 2 года после истории с пленом И.В. Подурова (Севастьянов, 1907а: 4). Согласно С.Н. Севастьянову, эпизод про перевозку пленных русских офицеров «киргизами» И.В. Чернову сообщил И.В. Подуров лично (Севастьянов, 1999: 194). Тем не менее полученная подобным образом информация подвергалась определенным искажениям как минимум дважды. Сперва И.В. Подуров рассказывал свою историю молодому казаку, причем либо это происходило примерно через два десятилетия после события, либо И.В. Чернов был совсем юношей и мог воспринять полученную им информацию не вполне верно. Затем еще через несколько десятилетий И.В. Чернов пересказал некогда услышанное им С.Н. Севастьянову. Никаких документальных подтверждений рассказам И.В. Чернова в разбираемом нами очерке просто нет, но С.Н. Севастьянов приводит их как несомненную правду.

3) Рукопись Г.В. Генса. Наконец, С.Н. Севастьянов упоминает, что «одним из источников главы о пленении Подурова послужила рукопись Г.Ф. Генса» (Севастьянов, 1999: 192). Речь идет о председателе Оренбургской пограничной комиссии в 1825-1844 гг. Г.Ф. Генсе, который был также востоковедом-любителем и оставил после себя множество рукописей о Средней Азии (Севастьянов, 1907b: 158-167). Известно, что в числе рукописей Г.Ф. Генса действительно была рукопись «Взятие в плен киргизами сотника Подурова и прап. Медведева» (Попов, 1907: 168).

Однако, как это ни странно, как раз использование С.Н. Севастьяновым данной рукописи окончательно запутывает вопрос о документальных источниках его очерка. Дело в том, что рукопись Г.Ф. Генса до сих пор не опубликована, и неизвестно даже, сохранилась ли она до наших дней. В то же время Г.Ф. Генс просто по должности имел доступ ко всем документам о захвате И.В. Подурова. Соответственно, в тех случаях, когда С.Н. Севастьянов цитирует тот или иной документ, мы не знаем, делает он это по первоисточнику или по рукописи Г.Ф. Генса.

При этом трудно однозначно судить о том, насколько научными были работы Г.Ф. Генса. Он, безусловно, прекрасно знал Степь, и до нас дошли комплементарные отзывы о нем таких крупных востоковедов, как В.В. Григорьев и Я.В. Ханыков (Попов, 1907: 174-178). Однако Г.Ф. Генс был еще и русским чиновником, занимавшим весьма специфическую должность: он фактически был руководителем колониальной политики Российской империи на части территории Казахстана в течение двух десятилетий. Дошедшие до нас служебные рукописи генерала демонстрируют явную ксенофобию и имперский дискурс: например, он считал возможным, что в случае угрозы российской армии Хивинскому ханству хивинцы перебьют всех русских рабов исключительно «по известному изуверству Магометан», а неволю этих рабов оценивал как не просто тяжелую, но «непостижимо тяжкую» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 250б-280б.). Соответственно, рукопись Г.Ф. Генса «Взятие в плен киргизами сотника Подурова и прап. Медведева» безусловно являлась важным источником о пленении И.В. Подурова, поскольку была написана современником событий, хорошо разбиравшимся в сюжетах о русских пленниках в Средней Азии. Однако автор этой рукописи в своих известных работах не демонстрирует объективности, но явно сочувствует русским, а мусульман считает изуверами. А приводящееся в разбираемом нами очерке оскорбление, нанесенное И.В. Подурову одним из родственников его пленителей («Что, собака, ты плачешь?.. Я, будучи мусульманином, исповедуя веру истинную, человек вольный, никому неподвластный, должен был просидеть полгода в остроге в кандалах, а ты лежишь в кибитке. Поддай мне пить!»), взято, по словам С.Н. Севастьянова, из рукописи Г.Ф. Генса и не подтверждено никакими другими документами (Севастьянов, 1999: 198).

И мы приходим к важному выводу. Оказываются неверными утверждения некоторых современных исследователей о том, будто бы очерк «Иван Васильевич Подуров»

представляет собой «чисто документальное повествование» или по крайней мере появился в результате «взаимодействия двух сторон, представленных в произведении, – самой действительности, жизни, без которой текст вряд ли возможен, и литературной условности, вымысла». В своем повествовании оренбургский историк-любитель опирался не только на документы и свидетельства участников событий. Целый ряд самых одиозных моментов приводился им по словам третьих лиц: жестокое убийство Ф.К. Гришечкина на глазах у матери описывалось не просто по казачьему преданию, но по преданию, записанному Н.К. Бухариным; влюбленность в И.В. Подурова ханской дочери подтверждалась только рассказом родившегося через 2 года после событий И.В. Чернова; оскорбления, которым подвергался И.В. Подуров в плену, давались по рукописи Г.Ф. Генса. Таким образом, очерк С.Н. Севастьянова описывает не реальную историю И.В. Подурова, а легенду о ней, существовавшую в среде русских офицеров и казаков. После этого неудивительно, что при более детальном анализе в этом очерке обнаруживается ряд принципиальных ошибок и умолчаний. Некоторые из них мы разберем подробно.

Образ И.В. Подурова

При сопоставлении очерка «Иван Васильевич Подуров» с архивными документами о пленении И.В. Подурова разночтения, причем весьма показательные, начинаются с самого начала. Как мы уже упоминали, согласно С.Н. Севастьянову, И.В. Подуров сопротивлялся нападшим на него «киргизам» и был тяжело ранен, причем неравный бой описывается художественно и пафосно: «Он вырвал у киргиза пику и успел ударить его в щеку, проколов ее насквозь. Пика, к несчастью, сломалась и Подуров оборонялся обломком древка. В это время он был вторично ранен в левую ногу. Киргизы не ожидали столь мужественной самозащиты и, не успев сломить его в бою, придумали уловку: обскакав взмыленную тройку, они схватили лошадь под уздцы и моментально опрокинули тарантас» (Севастьянов, 1999: 192-193). Таким образом, И.В. Подуров выводится героем, которого «киргизы» не смогли одолеть в бою, но взяли в плен хитростью. Напротив, С.А. Медведев якобы не сопротивлялся пленителям, в отличие от своего денщика: «Ранен был лишь один денщик Михайлов, вероятно, защищавший своего больного барина» (Севастьянов, 1999: 192-193).

Между тем отец С.А. Медведева подавал прошение Николаю I о выплате его сыну компенсации за ограбленное имущество, в котором описал историю его захвата в плен так: «По причинении копьями ударов бывшему с тем моим сыном отставному солдату Сергею Михайлову, сидевшему на козлах, в шею, а моему сыну, по слабости лежавшему в повозке, в правую ногу, били их топорными обухами без пощады, и, тем отняв у них к действию в отношении обороны всю возможность, взяли их в плен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 370об.).

Показания третьих лиц не только не упоминают серьезных ранений И.В. Подурова и С.А. Медведева, но и содержат утверждение о том, что русские офицеры, по слухам, ходившим в Степи, были «невредимы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 870б.). Во второй половине июля 1823 г. с И.В. Подуровым смог поговорить дружественный России «киргиз» Н. Аргымбаев, и о тяжелом ранении пленника он тоже не сообщал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 1120б.). Наконец, не упоминал о якобы полученном ранении и сам И.В. Подуров в своем прошении Александру I о выплате ему компенсации за разграбленное имущество, описывая историю своего пленения так: «Напали на меня 1-го прошедшего Июля между станцией Переволоцкой и станцией Пловатской пять человек Киргизов, разграбили бывшие при мне деньги и вещи, а самого увлекли в плен, где находился четыре месяца» (это единственное описание истории собственно пленения И.В. Подурова, которое мы нашли в документах) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 255).

В итоге мы наблюдаем крайне забавную ситуацию. Если попытаться рассмотреть ситуацию объективно, то получится, что «киргизам» удалось взять в плен целых двух российских офицеров без серьезного сопротивления (во всяком случае, никаких сведений о ранениях как этих офицеров, так и кого-то из пленителей в документах нет). Но позднее, по утверждениям И.В. Чернова, И.В. Подуров не просто рассказывал о своем ранении, но и описывал, как тяжелораненым ехал верхом, вызывая восхищение «киргиз», в то время как невредимый С.А. Медведев постоянно падал с лошади. Отец С.А. Медведева, напротив, описывал ранение своего сына. Складывается впечатление, что постфактум вокруг каждого

из офицеров пытались создать красивую историю, оправдывающую его плен, причем эти истории противоречили друг другу, поскольку в истории о И.В. Подурове его героизм и сила еще и противопоставлялись слабости и трусости второго пленника. Между тем из документов однозначно следует, что С.А. Медведев «киргизам» фактически не сопротивлялся, поскольку «по слабости лежал в повозке», а И.В. Подуров не упоминал о своем сопротивлении ни в одной официальной бумаге.

Обратим внимание также на то, что никакой награды за якобы проявленный героизм И.В. Подуров не получил. Между тем известны случаи, когда гораздо менее влиятельные пленники награждались за действительно смелые действия в плену. Так, в 1836 г. оренбургские власти обращались к военному министру Российской империи А.И. Чернышеву с просьбой наградить совсем молодого (19 лет) казака В. Затворникова за то, что, будучи взятым в плен на Каспийском море, он, несмотря на угрозы смертью, отказался помогать своим пленителям окликать по-русски встречные суда и, тем самым обманывая их команды, убеждать, что навстречу им идет другое русское судно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 39-39об.). Лично Николай I приказал произвести В. Затворникова в урядники и выплатить ему 200 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4388. Л. 54-54об.).

Напротив, в случае с И.В. Подуровым известно, что, уже находясь в плену, он пошел на сотрудничество с «киргизами». Даже по словам С.Н. Севастьянова, «Джуламан естественно нуждался в письмоводителе, и вот Подурову волей-неволей пришлось по приказанию хана и под его диктовку составлять письма к Его Высочайшему Превосходительству Петру Кирилловичу Эссену» (Севастьянов, 1999: 198). И как раз данное утверждение подтверждается документами: П.К. Эссен прилагал к одному из своих отношений министру иностранных дел К.В. Нессельроде «бумаги от Тархана Юламана Тлянчина, из коих пять писаны по принуждению его рукой Есаула Подурова во время нахождения в плену» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 263). А еще из плена И.В. Подуров написал письмо, в котором просил сделать так, чтобы П.К. Эссен обманул его пленителей: не отклонил поданное ими прошение (о котором мы подробнее напишем далее), но соврал, «что оно прошение представится к Государю, и, что отголь последует, он особо будет уведомлен», поскольку подобные действия облегчили бы освобождение русских пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 272-272об.).

В итоге, как мы видим, самый созданный С.Н. Севастьяновым образ И.В. Подурова, «обобщенный образ идеального казака, представителя казачьего войска, который проявил бесстрашие, любовь к Отечеству, патриотизм, преданность Родине, стойкость духа», по мнению Т.М. Жапловой и А.Ж. Сайбуловой, оказывается несоответствующим реальным архивным материалам. Из них следует, что никакого особенного бесстрашия при взятии в плен И.В. Подуров не проявлял и ранения, судя по всему, не получал; в самом плену он демонстрировал конформизм и согласился исполнять роль письмоводителя у предводителя пленителей; наконец, он настолько хотел вырваться из плена, что призывал русские власти пойти на прямой обман «киргиз». К сожалению, в силу специфики той источниковой базы, на которую опирался С.Н. Севастьянов, сложно сказать, почему история пленения И.В. Подурова постфактум приобрела черты героической легенды: возможно, сам И.В. Подуров позже сильно приукрасил историю своего пленения, возможно, С.Н. Севастьянов несколько вольно интерпретировал имевшуюся у него информацию, а, возможно, интересная история о пребывании в плену атамана, позже участвовавшего в нескольких войнах, обросла живописными подробностями в исторической памяти оренбургских казаков без участия самого И.В. Подурова, но до ее фиксации С.Н. Севастьяновым.

Зачем «киргизы» захватывали И.В. Подурова?

Почти весь очерк «Иван Васильевич Подуров» построен по тому же принципу, что и образ заглавного героя: он не абсолютно ложен, но содержит столько искажений и неточностей, что их детальный разбор потребовал бы целого цикла статей. Поэтому сконцентрируемся на нескольких сюжетах, которые представляются нам показательными.

Похищение И.В. Подурова и С.А. Медведева крайне интересно необычной мотивацией «киргизов». То, что С.Н. Севастьянов называл «неслыханной еще дерзостью киргиз», не было случайностью. Н. Аргымбаев, пытавшийся выкупить пленников во второй половине июля 1823 г. и лично говоривший с И.В. Подуровым, столкнулся с тем, что деньги

«киргизам» не нужны: они требовали отдать за русских пленников «отца хищника Чуки, Киргизца Тюлембая, Который Содержан в Оренбурге» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 112об.). В итоге оба русских офицера были именно выменяны на плененных русскими «киргизов», без выкупа: за И.В. Подурова отдали Т. Кудукова (т. е. как раз Тюлембая – отца Чуки) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 153), а за С.А. Медведева – А. Бутанаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 167-167об.). Таким образом, захватывая русских офицеров в ходе крайне рискованной операции за российскими укрепленными линиями, «киргизы» преследовали совершенно четкую цель: они хотели добиться освобождения отца одного из них.

Что касается покровительствовавшего им Жоламана Тленшиулы, то он сразу выдвинул еще одно неожиданное требование к русским властям. Как докладывал начальник Новоилецкой линии есаул Аржанухин, уже в конце июля 1823 г. Ж. Тленшиулы приказал прекратить все агрессивные действия против русских, рассчитывая «с Русским Правительством иметь переговоры на речке Хобде» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 96об.). Более того, при первой встрече с П.А. Плешковым Ж. Тленшиулы потребовал представить в обмен на И.В. Подурова не просто Т. Кудукова, но «Киргизца Тюленбая при бумаге Вашего Высокопревосходительства (П.К. Эссена – А.П.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 174об.). И.В. Подуров был необходим Ж. Тленшиулы для того, чтобы вступить в переговоры с русскими, не желающими прямо отвечать на послания мятежного тархана (ханом он в документах нигде не назывался, вопреки заявлениям С.Н. Севастьянова).

Ж. Тленшиулы и его сторонники неоднократно посылали русским прошения, включая то, в связи с которым И.В. Подуров просил П.К. Эссена пойти на прямую ложь, сообщив «киргизам», «что оное прошение представится к Государю». Содержание этих прошений было однотипным и сводилось к тому, что Российская империя незаконно захватила земли кочевников. Так, «во время бытности в Меньшой Орде Хана Абдулхайра высшим правительством позволено было оной Орде пользоваться степями со стойбищами на здешней стороне реки Урала и рыбными ловлями в половину оною», но с 1810 г., «как Россией по реке Илеку сделано заселение и учреждены форпосты – то пользоваться теми степями и рыбными ловлями нам воспрещено» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172-172об.). Аналогичная ситуация сложилась «на степях, называемых Рын-пески, около рек Узенья и Самары» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172об.). Ж. Тленшиулы и его сторонники просили вернуть им их земли, обращая внимание на то, что подавали аналогичное ходатайство еще в 1822 г., но просто не получили на него ответа (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172-173). Таким образом, русские власти не просто отобрали землю у «киргиз», но и не сообразовали даже объяснить, почему это было сделано. Более того, П.К. Эссен не торопился отвечать Ж. Тленшиулы, даже когда от этого зависело спасение И.В. Подурова: он подготовил ответ только 25 октября 1823 г., причем в нем не упоминал о прошениях, но только подтверждал, что Т. Кудуков отпущен по его приказу, и в ответ следует освободить И.В. Подурова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 205-206об.). Впрочем, даже этот ответ в итоге не был отправлен, поскольку И.В. Подурова освободили (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 234).

Таким образом, похищение И.В. Подурова было необычно в плане мотивации похитителей. Фактически его следует рассматривать в контексте начинающегося восстания Ж. Тленшиулы, который пытался использовать пленных русских офицеров, чтобы добиться ответов на свои прошения русским властям.

Рассмотрим теперь, как С.Н. Севастьянов интерпретировал данный сюжет. Мотивация «киргизов» к похищениям у него внятно не прописана, но при этом «киргизы» регулярно называются «разбойниками» (Севастьянов, 1999: 192-194). В результате у читателя складывается впечатление, будто, кроме грабежей и денег, пленителей И.В. Подурова ничего не интересовало. Этот эффект усиливает ложное утверждение о том, будто бы «Медведева продержали бы дольше, если бы отец его – инвалидный начальник – не имел собственного скота и не отдал на выкуп 300 баранов» (Севастьянов, 1999: 200). В действительности, однако, 300 баранов похитителям дали другие «киргизы», желавшие освободить своего родственника, находящегося у русских. Вот как это событие описывается в документах со слов дружественного России «киргиза» Т. Чудина: «Прапорщик Медведев от хищников Киргизцев Аккитинского отделения Киргизцем Бутанаем Куплен за триста баранов и непременно чрез него, Чудина, будет возвращен, если пограничное начальство обнадежит его, что по доставлении пленного в Комиссию отпущен будет за него

содержащийся под стражей за угон у султанов Юсупа Нургалиева и прочих лошадей сын Буртаная Киргизец Айчувак» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 152-1520б.). Таким образом, во-первых, русские офицеры интересовали «киргизов» не в плане выкупа, но в плане их обмена на задержанных русскими властями сородичей, а во-вторых, родственники С.А. Медведева за его освобождение ничего не платили, и вообще российской стороной он был не выкуплен, а разменян. Однако С.Н. Севастьянов ни словом не упоминает, что в обмен на С.А. Медведева был отпущен А. Бутанаев, а далее подает информацию так, будто и И.В. Подурова за выкуп отпустили бы быстрее, чем на размен: «Подуров же жил исключительно на офицерское жалование (в то время полковой есаул получал в войске по старому гусарскому окладу 430 р. асс. в год), имея жену, двухлетнего сына и сестру; родных больше не было и помощи ждать кроме высшего начальства не от кого» (Севастьянов, 1999: 200).

Оговорим, что мы не хотим идеализировать пленителей И.В. Подурова. Они действительно занимались работоторговлей, и денщик С.А. Медведева, С. Михайлов, был ими «запродан далеко» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 398). Однако для выкупа и перепродажи в рабство были захвачены только спутники русских офицеров, а сами они, подчеркнем еще раз, осознанно захватывались для размена.

Еще любопытнее ситуация обстоит с Ж. Тленшиулы. С.Н. Севастьянов упоминает его переписку с П.К. Эссеном, и даже характеризует одно из писем тархана так: «В письме этом Джуламан выступает энергичным борцом за интересы киргизского народа, среди которого он, как справедливый и бескорыстный судья, пользовался всеобщим уважением. До сих пор поются киргизами песни, сложенные в честь него, и передаются из рода в род предания про Джуламана-батыря...» (Севастьянов, 1999: 197). Однако, что именно было в письме, С.Н. Севастьянов не сообщает, а далее пишет о «требованиях Джуламана, конечно несовместимых даже с самой уступчивой политикой...» (Севастьянов, 1999: 197). В итоге остается совершенно неясным, за какие «интересы киргизского народа» боролся Ж. Тленшиулы, почему он так желал получить ответ П.К. Эссена, и почему его требования были невыполнимы.

Таким образом, нарратив С.Н. Севастьянова содержит как важные умолчания, так и прямую ложь (утверждение о том, будто бы 300 баранов за С.А. Медведева уплатил его отец). Те зафиксированные в документах детали, которые делали образы «киргизов», пленивших И.В. Подурова, симпатичнее, С.Н. Севастьяновым чаще всего просто опускались. В результате похитители И.В. Подурова из персонажей неоднозначных (разбойников, пытающихся освободить отца, и тархана, защищающего своих подданных от того, что русские власти отобрали часть их владений) в разбираемом нами нарративе превратились в предельно примитивных бандитов. При этом С.Н. Севастьянов пытался быть объективным и признал некоторые достоинства по крайней мере за Ж. Тленшиулы. Однако фактически это не привело ни к каким последствиям в построении текста: отказ русских властей от переговоров с Ж. Тленшиулы С.Н. Севастьяновым не разбирался, но подавался как единственно возможное решение.

Подлог документов

В подобной ситуации принципиально важно понимать, имеем мы дело с ошибочной интерпретацией исторических событий историками-любителями или с сознательной фальсификацией. И мы можем уверенно говорить о том, что очерк С.Н. Севастьянова представляет собой второй вариант.

Дело в том, что в нем приводится документ о выплате «киргизами» компенсации семейству убитого П.А. Плешкова. У С.Н. Севастьянова этот документ выглядит так: «Усматривая из представлений пограничной комиссии от 11 и 30 месяца июня, что казачий урядник Плешков, жертвовавший жизнью для спасения двух офицеров, убит братом известного мятежника Джуламана Исяламаном и другим и что задержанный родственник Джуламана Тайман Туленганов в этом не виновен, то предписываю его выпустить, но войдя в расстроенное положение семейства Плешкова, оставшегося без призрения и тех способов к своему содержанию, какое доставлял отец, лишившийся жизни от рук родственников Тюленбая, признаю, чтобы тому семейству было оказано какое-либо пособие, на сей конец объявить киргизцу Тюленбаю, что до того времени не получит свободы, пока не будет представлено в пользу семейства урядника Плешкова 1000 рублей (тысячи рублей),

по внесению коих будет немедленно отпущен в орду, что и исполнить, и деньги вручить по принадлежности в присутствии пограничной комиссии, донеся мне о последующем» (Севастьянов, 1999: 202).

Нам удалось обнаружить оригинал данного документа, и он выглядел несколько иначе (изъятая в нарративе С.Н. Севастьянова часть текста выделена курсивом): «Усматривая из представлений Пограничной Комиссии от 14 и 30 минувшего Июня, что казачий Урядник Плешков, жертвовавший жизнью для спасения двух офицеров, убит братом известного мятежника Юламана Исянаманом и другими, и что по делу сему задержан на Новоилецкой линии родственник Юламана Тайлян Тюлеганов, для освобождения которого родственники его выкупили в орде и представили на линию пленного нашего крестьянина Ерусланова, находя уважительным заключение Комиссии об освобождении Тюлеганова, как в убийстве Плешкова не участвовавшего; но, входя в расстроенное положение семейства его, оставшегося без призрения и тех способов к своему содержанию, какие уделял отец, лишившийся жизни от рук родственников Тайляна, признаю справедливым, дабы тому семейству было оказано какое-либо пособие. На сей конец объявить киргизцу Тайляну, что до того времени не получит свободы, пока не будет представлено в пользу семейства Урядника Плешкова одной тысячи рублей, по внесении коих немедленно будет отпущен в Орду, что и исполнит, а деньги вручить по принадлежности в присутствии Пограничной Комиссии, донеся мне о последующем» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 340-340об.).

Незначительные разночтения между версиями документа можно объяснить сравнительно невысоким уровнем археографической работы С.Н. Севастьянова. Однако этого нельзя сделать с целой фразой, негативно характеризующей русские власти, которая полностью исчезла в публикации С.Н. Севастьянова. Русские власти потребовали выкуп от Т. Тюлеганова дважды: его родственники уже представили на обмен русского пленника, но П.К. Эссен почему-то счел возможным возложить на них еще и обеспечение семьи П.А. Плешкова, при том что Т. Тюлеганов был признан невиновным в его убийстве. Соответственно, мы можем сделать однозначный вывод: очерк «Иван Васильевич Подуров» не просто недостоверен, но содержит намеренные манипуляции, выставляющие «киргизов» жестокими разбойниками-работорговцами, а русских – их жертвами, только защищающимися от чужой агрессии. Между тем в действительности русская сторона вела себе не менее агрессивно, чем степняки: она захватила часть «киргизских» земель, что подвигло Ж. Тленшиулы поддержать захват русских офицеров, и требовала выплат денег с невинных «киргизов» за чужие преступления.

При этом снова из-за источниковой специфики очерка «Иван Васильевич Подуров» мы не можем однозначно сказать, кто стоял за этими манипуляциями. Неясно, работал ли С.Н. Севастьянов с оригинальным документом или заимствовал его уже в искаженном виде из какого-то источника, например, рукописи Г.Ф. Генса. Но сам факт манипуляции не оставляет сомнений.

Мусульманская дева

В заключение нам кажется уместным чуть подробнее разобрать романтическую линию очерка «Иван Васильевич Подуров». В отличие от Н. Жетписбая, мы считаем, что сама по себе влюбленность мусульманской девушки в русского пленника, несмотря на сходство с известными литературными произведениями, была возможна. Доказательством этому служат известные «Воспоминания кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау – нарратив, признанный историками достоверным, но включающий подробное описание влюбленности в автора, находящегося в плену у горцев, девушки Аслан-Коз, несколько раз помогавшей ему в неудачных побегах. Однако у Ф.Ф. Торнау образ Аслан-Коз предельно конкретен, реалистичен и содержит много связанных с контекстом деталей. Например, Аслан-Коз описывается как правоверная мусульманка, которая, будучи влюбленной в русского, мечтает о том, чтобы он принял ислам и остался жить с ней: «Она уговаривала меня пожалеть свою душу, отказаться от житейских благ, ожидающих меня на русской стороне, и удостоиться вечных радостей, посвятив себя Корану и бедной жизни в горах» (Торнау, 2008: 386). Тем не менее, умной и любопытной («неутолимое любопытство ее было исполнено наивности, но сквозь эту наивность всегда проглядывало много ума») девушке интересна жизнь в России, и некоторые особенности жизни христиан представляются ей предпочтительнее:

«Очень ей нравилось, что мы, христиане, имеем только одну жену, ей верим и ее не запираем» (Торнау, 2008: 384-386). Разумеется, она не предлагает Ф.Ф. Торнау бежать: напротив, сам пленник просит ее о помощи, а Аслан-Коз убеждает его принять ислам и остаться с ней («Опомнись, я предлагаю теперь все счастье, которое способно дать в этом мире, и вечное блаженство для будущей жизни»), но в итоге соглашается помочь («Иди, куда зовет сердце. Я тебя не выдам и даже готова помочь, если только могу») (Торнау, 2008: 388). После неудачного побега Аслан-Коз продолжает помогать пленнику, а когда мужчины-горцы в лицо начинают говорить о том, что она влюблена в него, девушка самостоятельно ставит их на место («Она выпрямилась во весь рост, краска покрыла ее прекрасное лицо, брови нахмурились. “Да! Вы отгадали, я желаю быть его женою, а из вас никого знать не хочу: русский все знает, все понимает, с ним есть о чем поговорить; а вы что? – совершенные невежи”. Они загородили было ей дорогу. Аслан-Коз сделала движение рукою и вышла. Абадзехи расступились, не вымолвив ни слова, так они были озадачены ее гордым видом» (Торнау, 2008: 409). Безусловно, Ф.Ф. Торнау мог несколько олитературить образ Аслан-Коз, а ее прямая речь, записанная через много лет после событий, наверняка искажена в каких-то деталях. Однако в целом его Аслан-Коз реалистична, и, главное, она представляет собой субъект, а не объект повествования, что придает ее образу особую глубину и благородство: она пытается помочь бежать русскому пленнику, хотя это против ее собственных интересов.

Напротив, дочь «хана Джуламана» из очерка С.Н. Севастьянова лишена не только имени и конкретных черт, но и любой субъектности. Вся ее функция в повествовании сводится к тому, чтобы любить русского офицера и «помогать» ему, но ни к каким реальным результатам эта помощь не приводит. Даже влюбляется в русского она исключительно потому, что он «выглядел молодцом» (Севастьянов, 1999: 199).

Особенно показательны в этом отношении сцены прощания. В нарративе Ф.Ф. Торнау сама Аслан-Коз приходит к нему перед очередной попыткой побега, русский офицер открывается ей в том, что снова попытается бежать, после чего «она со своею обыкновенною скромностью, пожав мне руку, пожелала удачи и счастья на русской стороне, которого не могу найти в горах» (Торнау, 2008: 416). Подобное поведение логично и укладывается в сложившийся образ Аслан-Коз, жертвующей своими желаниями ради счастья любимого. В то же время очень показательно скромное пожатие руки на прощанье. Ф.Ф. Торнау и прежде подчеркивал крайнюю целомудренность Аслан-Коз, ее готовность рисковать и помогать русскому пленнику, но при этом неприятие любых действий с эротическим подтекстом с его стороны до согласия на мусульманский брак: «Малейшее увлечение с моей стороны ее тотчас приводило в робость, и она меня отталкивала» (Торнау, 2008: 385). Напротив, С.Н. Севастьянов описывает прощание И.В. Подурова и дочери «хана Джуламана» так: «Незаметно прокрался Иван Васильевич к той, которая так часто облегчала его горе, ухаживала за его ранами. Ханская дочь еще не спала, она предчувствовала, что в эту ночь решится и ее судьба. Отъезд Подурова не был для нее неожиданностью, но ей тяжело было расставаться с любимым человеком. Иван Васильевич успокоил ее, как мог. Было уже за полночь. Оседланные кони стояли у кибитки Джуламана. Крепко поцеловал казак на прощанье молодую киргизку, и поспешил в свою кибитку. Наскоро переодевшись, он отправился к Джуламану» (Севастьянов, 1999: 203). Здесь вообще не ясны эмоции ханской дочери, то, чем «успокоил» ее И.В. Подуров, зато русский офицер выступает единственным субъектом в отношениях: он приходит к «киргизской» девушке, он успокаивает ее и целует.

В итоге при сходстве сюжетов, идейно нарративы о влюбленности мусульманской девушки в русского пленника у Ф.Ф. Торнау и С.Н. Севастьянова расходятся диаметрально. У Ф.Ф. Торнау очевидно романтическая история, многократно описанная писателями, выглядит реалистичной потому, что укоренена в контексте, содержит массу реалистических мелких деталей и психологических мотивировок. У С.Н. Севастьянова аналогичная история конкретики и психологизма предельно лишена и сводится к трансляции хорошо известных из романтической литературы образов. У Ф.Ф. Торнау образ Аслан-Коз не просто не сводится к колониальному нарративу, но и в чем-то разрушает его: подчеркнута мусульманская девушка оказывается чрезвычайно умна, благородна, способна на самостоятельные действия и на споры с мужчинами. У С.Н. Севастьянова образ дочери «хана Джуламана»

идеально вписывается в колониальный нарратив: ее мусульманство и вообще чуждость для русского офицера не подчеркивается, а вся роль в повествовании ограничена желанием помогать русскому, быть его добровольной и беспрекословной служанкой.

Даже в плане сексуализации разбираемые нами нарративы различаются фундаментально. Ф.Ф. Торнау прямо писал о том, что «не касается никаких обстоятельств, естественно порождающихся из ежедневной встречи нестарого мужчины с молодой, хорошенькою женщиной», поскольку не хотел «придавать нашим (с Аслан-Коз – А.П.) отношениям поэтическое значение», а видел в этих отношениях «чистое, безрасчетное участие, данное мне молодой черкесскою девушкой» (Торнау, 2008: 384). Таким образом, в его нарративе важна не влюбленность в него мусульманской девушки, а ее доброта (да и сама влюбленность, как видно из приведенных выше цитат, порождена взаимным сближением двух людей, ценящих друг в друге именно ум). В итоге в сексуальном плане Аслан-Коз остается абсолютно недоступной русскому офицеру. У С.Н. Севастьянова, напротив, о доброте мусульманской девушки не говорится, а ее участие к русскому офицеру порождается влюбленностью. Влюбленность же эта основывается на чисто физическом аспекте, на красоте русского офицера (характерно, что при этом о взаимности женатого русского речи не идет, а внешность дочери хана не описывается). Можно увидеть определенный смысл даже в том, что напоследок И.В. Подуров целует ханскую дочь, тем самым символически овладевая ей. Таким образом, у Ф.Ф. Торнау история влюбленности мусульманской девушки в русского пленника оказывается не только реалистичной, но и раскрывает саму эту девушку как героиню редкого ума и благородства, неожиданно духовно близкую русскому во многих аспектах, а ее безусловная внешняя красота, описанная достаточно подробно (Торнау, 2008: 384), способствует только дальнейшей идеализации образа. А у С.Н. Севастьянова аналогичная история не просто нереалистична, но и раскрывает исключительно русского офицера как воплощение мужества, даже в плену овладевшего дочерью захватившего его хана, личность и внешность которой оказываются совершенно неважны.

4. Заключение

Итак, в действительности очерк С.Н. Севастьянова «Иван Васильевич Подуров» интересен совершенно не в том аспекте, в котором его изучали исследователи, за определенным исключением Е.К. Созиной. Рассматривать этот очерк как документальное исследование нет оснований: фактически С.Н. Севастьянов фиксировал легенду о героическом казаке, попавшем в плен, на основании народных преданий, рассказов И.В. Чернова, родившегося через 2 года после событий, и рукописи негативно относящегося к «киргизам» современника, Г.Ф. Генса. В его нарративе приводятся оригинальные документы эпохи, однако неясно, взяты они из первоисточников или из рукописи Г.Ф. Генса. В любом случае мы выявили важное изъятие из одного документа, сделанное без оговорок, т. е. подлог источника.

В результате история, изначально достаточно неприятная для русских властей и лишенная героического аспекта, в рамках колониального дискурса преобразилась в героический эпос про жестоких «киргизов» и смелых казаков. Исходя из документов, «киргизы» предприняли крайне смелый рейд глубоко в российские владения и почти без сопротивления захватили двух русских офицеров, чтобы обменять их на отца одного из похитителей. И.В. Подуров в плену выполнял пожелания захватчиков, писал для них письма на русском, а документально зафиксированные его попытки освободиться сводились к предложению русским властям обмануть «киргизов». В итоге русские власти освободили двух пленников, но отказались рассматривать прошения предводителя похитителей, Ж. Тленшиулы, в которых он просил вернуть захваченные у него и у его подданных российским правительством земли. В нарративе С.Н. Севастьянова И.В. Подуров сопротивляется «киргизам» так умело и ловко, что его побеждают только хитростью, но даже раненым он так хорошо держится на лошади, что вызывает восхищение пленителей. В плену в красавца-русского влюбляется дочь «хана Джуламана», которая готова ради него на все, а на прощание женатый И.В. Подуров «крепко целует ее» (впрочем, о сюжете с письмами С.Н. Севастьянов все же кратко пишет). «Киргизы» предпочитают получать за пленников выкуп, и второй плененный офицер, С.А. Медведев, освобождается за 300 баранов, а не за

«киргизского пленника», и если И.В. Подурова и обменивают, то только по бедности и неспособности заплатить выкуп. Наконец, требования самого Ж. Тленшиулы не описываются, но указывается, что они «несовместимы даже с самой уступчивой политикой».

Мы касаемся здесь только аспектов, которые разбирали в данной статье. Между тем и многие другие сюжеты, описываемые С.Н. Севастьяновым, заслуживают аналогичного разбора. Так, урядник П.А. Плешков, описанный на основе народных преданий о некоем Петрове, подан подлинно эпическим героем, однако в документах об освобождении И.В. Подурова нам не удалось найти никаких случаев проявления им особенного героизма или выдающихся военных способностей. С учетом жалоб Ж. Тленшиулы заслуживает отдельного исследования и вопрос о том, как соотносятся утверждения С.Н. Севастьянова о снисходительности русских властей к «киргизам» в 1820 гг. с реальностью.

Однако и разобранного нами достаточно, чтобы разрешить проблемы, поставленные нами во вводной части статьи. Нарратив С.Н. Севастьянова не выдерживает даже самой благожелательной исторической критики, и даже приводимые в нем архивные документы следует использовать осторожно, поскольку в них встречаются важные умолчания и определенные искажения. С учетом авторитета С.Н. Севастьянова в Оренбургской ученой архивной комиссии и к изданиям данной организации следует относиться критически. В то же время С.Н. Севастьянов участвовал в создании научного «колониального дискурса» Российской империи, и здесь разобранный нами очерк оказывается уже важным источником. И из него видно, что как раз сюжет о захвате и пребывании И.В. Подурова в рабстве реконструировался С.Н. Севастьяновым с привлечением местных преданий и рассказов И.В. Чернова. Таким образом, историк-любитель фактически легитимизировал историческую память оренбургских казаков, их легенды о жестоких «киргизах» и героических русских пленниках в качестве исторической правды. И современным ученым следует провести обратную реконструкцию: использовать очерк «Иван Васильевич Подуров» как ценнейший источник исторической памяти оренбургских казаков рубежа XIX-XX вв., а не собственно описываемых в нем событий.

Литература

Жаплова, Сайбулова, 2020 – Жаплова Т.М., Сайбулова А.Ж. Особенности поэтики биографического очерка С.Н. Севастьянова «Падуров» // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. № 7-8. С. 35-42.

Жетписбай, 2019 – Жетписбай Н. О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII – первой трети XIX вв. в Западном Казахстане // *Qazaqstan tarihu*. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29540> (дата обращения: 21.08.2023).

Матвиевская и др., 2020 – Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г. и др. Оренбургская ученая архивная комиссия: ее «Труды» и авторы. Оренбург, 2020. 384 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Попов, 1907 – Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168-182.

Севастьянов, 1906 – Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839-1840 гг. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95-148.

Севастьянов, 1907a – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Чернов // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 18. Оренбург, 1907. С. 3-14.

Севастьянов, 1907b – Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 158- 167.

Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк / *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190-205.

Созина, 2011 – Созина Е.К. Степные пленники. Литературная универсалия и ее фактуальная контекстность в отечественной словесности первой трети XIX в. // *Кормановские чтения*. Ижевск, 2011. С. 39.

Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6-15.

Торнау, 2008 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. 457 с.

Труды..., 1906 – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. [Указатель] // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. I-V.

References

Matvievskaia et al., 2020 – *Matvievskaia, G.P., Prokof'eva, A.G. et al. (2020). Orenburgskaya uchenaya arkhivnaya komissiya: ee «Trudy» i avtory [Orenburg Scientific Archival Committee: its “Works” and authors]. Orenburg, 384 p. [in Russian]*

OGAEO – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

Popov, 1907 – *Popov, A. (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vyp. 19. Orenburg, Pp. 174-175. [in Russian]*

Sevast'yanov, 1906 – *Sevast'yanov, S.N. (1906). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiyu v Khivu 1839-1840 gg. [Events in the Orenburg Kraj that preceded the expedition to Khiva of 1839-1840]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Is. 16. Orenburg, pp. 95-148. [in Russian]*

Sevast'yanov, 1907a – *Sevast'yanov, S.N. (1907) Ivan Vasil'evich Chernov [Ivan Vasil'evich Chernov]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii, Is. 18. Orenburg, pp. 3-14. [in Russian]*

Sevast'yanov, 1907b – *Sevast'yanov, S.N. (1907). Grigorii Fedorovich Gens [Grigorii Fedorovich Gens]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii, Is. 19. Orenburg, pp. 158-167. [in Russian]*

Sevast'yanov, 1999 – *Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskiy ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. Gostinyi dvor: Literary-artistic and socio-political almanac, Orenburg, pp. 190-205. [in Russian]*

Sozina, 2011 – *Sozina, E.K. (2011). Stepnye plenniki. Literaturnaya universal'ya i ee faktual'naya kontekstnost' v otechestvennoi slovesnosti pervoi treti XIX v. [Steppe captives. Literary universality and its factual contextuality in Russian literature of the first third of the 19th century]. Kormanovskie chteniya. Izhevsk. P. 39. [in Russian]*

Sozina, 2016 – *Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [«Steppe captives» discourse in Russian literature of 19th century]. Ural'skii istoricheskii vestnik. 1(50): 6-15. [in Russian]*

Tornau, 2008 – *Tornau, F.F. (2008). Vospominaniya kavkazskogo ofitsera [Memoirs of a Caucasian officer]. Moscow. 457 p. [in Russian]*

Trudy..., 1906 – *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. [Ukazatel'] [The Works of the Orenburg Scientific Archival Committee. [Index]. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. 1906. Is. 16. Orenburg. pp. I-V. [in Russian]*

Zhaplova, Saibulova, 2020 – *Zhaplova, T.M., Saibulova, A.Zh. (2020). Osobennosti poetiki biograficheskogo ocherka S.N. Sevast'yanova «Padurov» [Features of the poetics of S.N. Sevast'yanov's biographical essay «Padurov»]. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 7-8: 35-42. [in Russian]*

Zhetpisbai, 2019 – *Zhetpisbai, N. (2019). O nekotorykh momentakh vzaimootnoshenii kazakhov s russkimi prilainymi zhitelyami v XVIII – pervoi treti XIX vv. v Zapadnom Kazakhstane [About some moments of the relationships of the Kazakhs with Russian near-linear dwellers in the 18th – first third of the 19th centuries in the Western Kazakhstan]. Qazaqstan tarihy. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29540> [in Russian]*

Документальное повествование о степном рабстве или колониальный нарратив: очерк «Иван Васильевич Подуров» С.Н. Севастьянова

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Аннотация. Статья посвящена очерку С.Н. Севастьянова «Иван Васильевич Подуров», описывающему плен казачьего офицера в Средней Азии. Этот очерк, переизданный в 1999 г., оценивается различными исследователями по-разному: от «чисто документального повествования» до нарратива с грубыми ошибками, демонизирующего «киргизов» (как в традиции Российской империи именовались казахи). Тем не менее, хотя в XXI в. к нему обращался целый ряд авторов (Н. Жетписбай, Т.М. Жаглова и А.Ж. Сайбулова, Е.К. Созина), ни один из них не произвел системного анализа данного текста. В статье предпринята попытка подобного анализа, важного для понимания, насколько вообще достоверны описания рабства в Средней Азии российских дореволюционных историков-любителей, особенно членов Оренбургской ученой архивной комиссии, в которой С.Н. Севастьянов состоял и пользовался авторитетом.

В статье показано, что С.Н. Севастьянов в своем тексте точно опирается на три категории источников, ни одну из которых нельзя считать надежной: на народные предания оренбургских казаков; на рассказы И.В. Чернова, родившегося через два года после описываемых событий, но якобы слышавшего о них от самого И.В. Подурова; на рукопись Г.Ф. Генса, современника событий, чиновника и востоковеда-любителя, крайне критично настроенного к «киргизам». Неизвестно, работал ли при этом С.Н. Севастьянов с оригиналами документов о пленении И.В. Подурова или приводил их по рукописи Г.Ф. Генса. Но в любом случае нам удалось обнаружить прямой подлог в приводимом в очерке документе, из которого убрана информация, негативно характеризующая русские власти. Таким образом, часть сведений, сообщаемых в очерке, опирается на ненадежные источники, а надежные источники искажались или автором очерка или теми, на чьи описания событий он опирался.

При сопоставлении же нарратива С.Н. Севастьянова с архивными документами видно, что: 1) образ И.В. Подурова крайне героизирован, например, в первоисточниках не упоминается его героическое сопротивление пленителям и тяжелое ранение; 2) «киргизы», напротив, демонизированы, убрана информация, выставляющая их с неоднозначной стороны (например то, что они захватывали русских офицеров не для выкупа, но для освобождения отца одного из пленителей); 3) ничем не подтверждается история, сообщаемая И.В. Черновым, о том, что в И.В. Подурова влюбилась дочь «киргизского» хана, а образ этой мусульманской девы лишен как конкретных черт (даже имени), так и какой-либо субъектности. Все это позволяет уверенно говорить о том, что очерк "Иван Васильевич Подуров" не документально описывает события 1820 г., но транслирует их образ, сложившийся в среде оренбургских казаков к концу XIX в., что делает его ценным источником по исторической памяти оренбургского казачества.

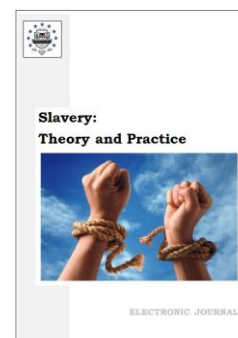
Ключевые слова: рабство, Средняя Азия, колониальный дискурс, историография, источниковедение, И.В. Подуров, С.Н. Севастьянов.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2023. 8(1): 53-62

DOI: 10.13187/slave.2023.1.53
<https://stp.cherkasgu.press>

Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences

Feruza J. Tadjieva ^{a,*}

^a Mamun Private University, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article depicts the system of slavery and the role of the slaves in social and economic life of the Khiva Khanate. Slavery continued in Khiva until the early twentieth century. In the system of the Khiva Khanate, slaves' social status depended on their labor activity and potential rather than their national origin. The article explores documentary evidence of attitudes towards slavery and examines how slavery is treated in Islam. It shows that slavery was developed and perpetuated in the context of the prejudice of certain rulers, their misunderstanding of the essence of Islam, and their desire to amass wealth by any means. It discusses the consequences of the abolition of slavery by Russia in 1873, examining issues that are not covered in other sources about the Khiva Khanate. In particular, there is a focus on the negative social aspects slavery's sudden withdrawal alongside the positive outcomes. The abolition of slavery initially affected the owners and masters of slaves, but negative effects on merchants and artisans soon began to emerge as prices for everything rose. The sudden termination of slavery had a negative impact on the annual income of the owners who used the slave labor to farm. Nevertheless, the existence of slavery is considered one of the main reasons the khanate remained in the swamp of backwardness. After its abolition, the khanate was able to move on from slavery-feudal relations and enter the sphere of advanced market relations.

Keywords: Yavmut, Khiva Khanate, slavery, abolition, sharia law, Islam, Russia, Shia, Sunni, mukataba.

1. Introduction

Slavery was preserved for a long time in the socio-economic life of the Khiva Khanate, albeit at a level that did not meet classical forms of slavery, or farm slavery, as in Greece and Rome. The main feature of these ancient systems was that the slave was not considered a person but an object or a tool of labor. Even Plato and Aristotle, who were considered the most enlightened people of their time, could not abandon that point of view and considered slavery normal (Vallon, 1941: 165-168). For example, Aristotle described the slave as a "speaking instrument of labor" in his work *Politics* (Aristotle [trans. Dovatur], 1983: 381). In ancient Greece, slaves had no rights and slave masters could treat them as they wished. Even for killing a slave there was no punishment for slave owners.

2. Materials and methods

Three groups of sources were involved in the work: archival documents of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russian Federation); materials of personal origin – diaries,

* Corresponding author
 E-mail addresses: ftj85@mail.ru (F.J. Tadjieva)

memoirs of the witnesses who took part in expeditions to Central Asia (Yuldashev, 1959; Zimanov, 2009; Infantev, 1912; Vamberi, 2003; Zamechaniya, 1858); and materials from the pre-revolutionary periodical press, for example, the newspaper (Turkestan Gazette) (Kun, 1873).

The methodology is based on the main principles of historicism, objectivity, and consistency of historical research. The historical-chronological method is also used to arrange events in chronological sequence, taking into account the specific historical situation.

3. Discussion and results

According to historical sources on the Khiva Khanate, slave labor was used in various fields, but primarily in agriculture. A small number of slaves were also used in other spheres, including the military and artisanal industries. The reason for this balance lies in the labor-intensive nature of traditional farming. The general question is, why and for what purpose was the power of slaves used in the khanate? One possible answer is the fact that human trafficking brought a lot of money to a criminal chain which operated between the Turkmen Yavmuts and the khanate officials who supported them.

Khorezm's agriculture relied on artificial irrigation; the future of the nation and its industry depended on irrigation. Irrigation ditches need to be cleaned, which is a very time-consuming task. The most crucial tasks for the people of the Khiva Khanate were to dig canals and ditches and clean them annually. Slaves were also employed in these projects. The construction of canals also involved some Russian captives held by the Khiva Khanate. For instance, Andrey Borodin and Ural Cossack, who were captured in 1717 during the Bekovich–Cherkassky expedition, noted that in the Khiva Khanate slaves were employed to clean the rivers each spring (Poyezdka iz Orska..., 1851: 85).

Russian citizen Peter Maslov reported that he had helped clean the Palvan and Shahabad canals while he was held captive in the Khiva Khanate in the 1830s. (Ivanin, 1950: 269-319).

Including Russian and Persian slaves, about 100,000 people were mobilized in the khanate each year at the start of spring to clean the canals from the Amu Darya, according to the newspaper *Russkii invalid* [The Invalid Russian]. (Ocherki Khivinskogo khanstva [Sketches of the Khiva Khanate], 1873: 004a-005g).

O. Shkapskiy noted that “landowners in the khanate farmed large areas of land with the labor power of slaves until 1873” in his book *Amu-dar'inskie ocherki* [Sketches of Amu-Darya] (Shkapskiy, 1900: 473-483).

J. A. MacGahan noted in his work that Matmurod Divanbegi owned countless lands on both banks of the river, and had 400 slaves (MacGahan, 1875: 304).

Ilya Ilichkov, a Cossack from the Urals who was a slave in the Khanate, recounted his experiences between 1870 and 1873. In the winter, he and three other Russian prisoners dug the ground from dawn until dusk and spread manure on the ground in the Gandimiyan garden of the khan (Rasskazy plennykh..., 1873: 264-268).

Unsurprisingly, there are various sources of information about how slaves were treated. Although the conditions for the slaves were good, they never saw their situation favorably and believed that slavery was an abhorrent condition. The Khanate of Khiva did not, however, exclusively rely on slave labor for farm or agricultural work, as was noted in numerous sources. As an illustration, Andrey Nikitin, a prisoner of the Khiva Khanate, emphasized the prevalence of slavery there as follows:

The Khiva people themselves never performed labor-intensive tasks like land, field, or garden work because those had always been seen as slave labor. I was not sure what it would be like to spread manure on the fields, which was very labor-intensive, to water frequently, to sprinkle and water gardens, and to plant crops if there were no Russian, Iranian, and Kalmyk slaves: To put it simply, the Khiva people typically depended on slaves to survive” (Dal, 1830: 188-211).

To draw such a conclusion from the perspective of a slave who is unfamiliar with the socioeconomics of the khanate is a grave historical error.

The Russian ambassador, N. P. Ignatev, who was in the khanate in 1858, noted that “All the income in this country, all the wealth of the landowners, especially of the influential people, was created due to the labor of Iranian slaves. Slaves are the only farmers in a country based only on land” (Zalesov, 1871: 47).

P.P. Ivanov cites H. Vambery's words in his book *Sketches from the History of Central Asia*, in which the famous Hungarian orientalist states:

Only slaves worked in agriculture in Bukhara, particularly in Khiva, where there are more than 80,000 of them. They saw the plow as an inappropriate tool for their hands and gave it to their slaves because of the rude behavior of the peasant people, who made the sword their indispensable companion (Ivanov, 1958: 164).

Both N. P. Ignatev and H. Vambery had been in Central Asia, but that does not mean that their opinions are accurate. Due to historical evidence, it is known that almost 90 % of the population of the Khiva Khanate were peasants, and a significant percentage of the material wealth that was accumulated by society was produced by peasants rather than slaves during that time.

It should be noted that the sources provide varying details regarding how slaves were treated. Some slave owners mistreated their charges and kept them in appalling conditions. However, despite having better living conditions, some prisoners still tried to flee. Some runaway slaves, like Tikhon Ryazanov, eventually made their way back to Khiva (Dal, 1839: 74-91). Naturally, slaves who attempted to elude would be severely punished (Infantev, 1912: 49).

When compared to information from other sources, the information provided in the memoirs of many Russian prisoners about the appalling conditions in which slaves were kept is not always accurate. A great deal of accurate information about how slaves should work and how they were given money to feed and clothe themselves can be found, in particular, in the archival documents of the Khanate of Khiva (Yuldashev, 1959: 363). Other Russian slave accounts that do not agree with those mentioned above suggest that slaves were not always treated poorly or negatively. The majority of slaves who worked in the military were married to either Khivan women or their fellow slaves, including the married Iranian chief commander Ismail Mirpanji who was once captured.

According to M. Ivanin, Russian slaves were treated very well by the Sarts. Only Uzbeks, especially Turkmen treated Russian slaves badly (Ivanin, 1950: 269).

If we pay attention to the content of interviews with several former Russian slaves, which can be found in Russian sources from this period, we can see that the majority of them were treated well. For example, in N. Mikhailov's article "*Golosa khivinskikh plennikov*" [Voices of the Captives in Khiva] in *Niva* [Niva] magazine, a Russian prisoner discusses the attitude of Khivan people toward slaves is quoted. According to this prisoner, "The people of Khiva treated diligent, hardworking, and reliable captives with compassion and kindness, they appreciated their work and services. No matter what their faith, the slaves were not discriminated against. The Turkmen had treated me very badly: when I was captured, the Turkmen ripped off the cross from my neck and threw it away. Khiva people did not insult our religion and did not prohibit our worship" (quoted in Mikhailov, 1873: 465-470).

Slaves were generally given the opportunity to demonstrate their mental and physical abilities. Talented and diligent slaves were freed, and some even managed to rise to a good position or rank, accumulating considerable wealth, such as Matmurad and Khoja Ali, the Khan's *mahrms* (the khan gave gifts of state lands to the officials who served him impartially, to his close relatives, to servants and religious people who served him faithfully; such individuals were called *mahrms*) who had previously been slaves in the mid-nineteenth century (Yuldashev, 1959: 363). Even Shirinbika, the most beloved wife of the Khivan Khan Firuz-Khan, was brought from Iran by Turkmen Yavmud when she was young and sold to harem members in Khiva's slave market. In addition, there were Sharia laws according to which there could be no prohibitions for the child of a slave woman. For example, Matniyaz Divan Begi's mother was a Russian slave (Khoroshkhin, 1876: 473-483).

Russian slaves were given tasks such as instructing the Khiva soldiers in the rules and regulations of contemporary military art or teaching them how to use the modern cannons required by the Khan's army, primarily because they were military experts. For example, Vasily Lavrentev served as the head of the khan's guards in 1838 (Dal, 1839: 106-108).

Sergey Agha, the Minister of Artillery, was one of the Khivan Khan's most valued slaves, as mentioned in the documents of the P.N. Danilevsky mission that visited Khiva in 1842. He was in charge of the Khan's army's cannoners during Allah Kuli Khan's 1842 march to Bukhara (Semenov-Tyanshansky, Lamansky 1916: 385).

The khan's slaves were fed on schedule so they could work efficiently, were constantly watched, and took care of his lands, primarily the gardens in his field yard. Between 1847 and 1850, the Rapanik yard employed 41 and 53 slaves who had access to 31 horses and 30 oxen. The Gullan

Bagh yard employed 8–10 slaves at that time, along with seven horses and seven oxen. Twenty slaves labored in the Okmachit yard (Yuldashev, 1959: 363).

The *beks* (statesmen), officials, merchants, and priests had access to a large number of slaves. Approximately 400 affluent Khanate citizens employed slave labor in the middle of the nineteenth century (Yuldashev, 1959: 363).

Slaves obeyed only their masters' orders, not those of others; if they proposed a more beneficial idea, the owner would put it into action. Many female slaves worked in the home. Men who were slaves worked in agriculture.

According to the archive, slave farming in the Kyziltakir region produced 6,000 botmon of wheat during the economic year 1849–1850. Slaves worked the land in the Kilich Niyazbay region that year, harvesting 400 botmon of rice, 40 botmon of cotton, 30 botmon of corn, and 150 botmon of legumes (Yuldashev, 1959: 363). A botmon was unit of measurement equal to 20.16 kg to 40.95 kg used in Khorezm in the nineteenth century.

It was culturally accepted that a landowner who had a good harvest of crops would give his slave more than just his grain: he also paid money for the slave's clothing. The archives show that Hasan Divan Begi alone spent 104 gold to outfit 52 slaves. Additionally, it is stated in other documents that in 1866–1867, "5 gold was given to 5 slaves to buy clothes." Two slaves who were in his employ from the month of Muharram to the month of Jumad al-Avval received 16 botmon of wheat from Atajan Tura, according to records kept by the Khans of Khiva (Yuldashev, 1959: 363).

Thus far, we have focused more on Russian and European sources when discussing the issue of attitudes toward slaves. It would be appropriate to examine how slaves were treated from the perspective of Islam at this point. It is evident that during the Khiva Khanate, those Russian and European sources expressed more favorable views on the subject of adhering to Islamic principles. Therefore, examining how the Khiva Khanate's slave-owning class treated slaves and how Islam in general viewed slavery makes it possible to draw broad conclusions.

Slavery continued in the Islamic world for a number of reasons, and it had significant impact on social relations. Slavery was already ingrained in society for a long time before the inception of Islam. Given that it is impossible to completely abolish slavery, Islam made an effort to lessen its effects and alter its fundamental nature. For instance, in the Islamic faith, the concept of a slave changed; all people are treated equally and are only understood as servants or slaves of Allah. For example, the Prophet, peace be upon him, told slave owners, "None of you should call the servants 'my slave or my maid'. But let him say 'my son and my daughter'" (Sheikh Muhammad Sadiq Muhammad Yusuf).

Slave owners were warned by the teachings of Islam that the slaves in their possession were fellow human beings and brothers. For instance, the Prophet Muhammad, peace be upon him, said in the hadith narrated by Imam Bukhari, "Your servants are your brothers. You are in charge of them because of Allah. Therefore, whoever has a brother under his control should feed him and clothe him in the same clothes that he wears" (*Islom va quldorlik. Zikr ahlidan so'rang* [Islam and slavery. Quest the people of Zikr]. URL: <http://www.info.islom.uz/24/08/2016>).

Instructions on how slaves should be treated can be found in many chapters of the hadiths. For instance, the Prophet, peace be upon him, declared, "A slave is given food and clothing, and they are not required to perform labor that they cannot bear" (*Sunani Termiziy*. URL: <https://hadis.uz/hadiths?query=qullar>).

In addition, it was utterly prohibited to enslave Muslims who adhered to Islam. One example of how the Islamic religion fought against slavery is the emphasis placed on the virtue of including the release of slaves as one of the five fundamental Islamic obligations, with divine rewards promised for doing so. For instance, it is stated that whoever releases a slave will be spared from the torment of Hell; therefore, if he does not already own a slave, he should purchase one before releasing it. The practice known as *mukataba* in the Quran expresses this behavior. In the dictionary, the word *mukataba* actually means "writing both from right and left side" and in Islamic law it refers to an agreement between a slave and their master that grants the slave freedom in return for a set sum of money or other services from the purchaser. This was a condition set up to allow slaves to achieve freedom as well as a means of combating slavery in Islam. Indeed, slaves were one of the main recipients of the zakat tax: the Holy Quran forbids using all of the zakat for anything other than freeing slaves (*Islom va quldorlik. Zikr ahlidan so'rang* URL: <http://www.info.islom.uz/24/08/2016>).

Islam raised the emancipation of slaves to the level of the greatest form of worship and the most effective means of generating charity for Allah.

Numerous verses and hadiths demonstrate that in the Islamic faith, liberating a slave or contributing money to their release is the first of the good deeds that will lead a person to heaven. Additionally, it was suggested that the Islamic government set aside money from the Bayt al-mal, the government's treasury, to free slaves (Sheikh Muhammad Sadiq Muhammad Yusuf. *Islomda inson huquqlari. Islom va qulchilik* [Human rights in Islam. Islam and slavery]. URL: <http://www.info.islom.uz/03/30/2016>).

Therefore, just as Islam gradually reduced the occurrence of social diseases that people were accustomed to, such as alcoholism, adultery, and usury, it gradually reduced slavery as well. The systematic and ongoing fight against slavery was started by Islam. Adherents were told that it was bad for them to use one another as slaves. It was then explained using verses and hadiths that freeing a slave is a good deed that guarantees the forgiveness of sins and salvation in the hereafter. Prayers such as zakat and expiation included mention of the emancipation of slaves. The most crucial aspect is that these decisions were made in practice rather than being mere talk (Ali Vecheslav Polosin, Oydin Alizoda. *Islomning quldorlikka munosabati*. URL: <https://islom.uz/maqola/3736/22.04.2017>).

Peace be upon the Prophet Muhammad, who released 63 slaves. The Prophet Muhammad's wife, Aisha, freed 67 slaves while he was alive. The uncle of the Prophet Muhammad, peace be upon him, Abbas Ibn Abdul Muttalib, freed 70 slaves; Hakim Ibn Hizam, may Allah be pleased with him, 100; Abdullah Ibn Umar, may God be pleased with him, 1,000; Zul Kula Humayri, may God be pleased with him, 8,000; and Abd al-Rahman Ibn Awf, may God be pleased with him, 30,000. The number of slaves freed by Hazrat Abu Bakr and Hazrat Uthman, may Allah be pleased with them, is unknown to historians (Ali Vecheslav Polosin, Oydin Alizoda, *Islomning quldorlikka munosabati* [Islam's attitude to slavery]. URL: <https://islom.uz/maqola/3736/22.04.2017>).

Among Muslims, this practice became very widespread. The process of emancipating former slaves began and, at the same time, Islam forbade the enslavement of free people. Only prisoners taken in battle were exempt from this rule and could be made slaves, for which permission was granted in accordance with the circumstances at the time. Thus, slavery was not entirely abolished when we take into account the circumstances of certain people.

Generally speaking, family slavery relationships replaced economic slavery in Islamic society, and Sharia laws do not apply to the presence of obscene forms of slavery in society.

The existence of false beliefs and opinions from external sources that Sharia encouraged the spread of slavery among the people and states of Central Asia raises another delicate issue in this context. Such viewpoints are particularly prevalent in Russian sources. It is completely incorrect to place the blame for this situation on Islam or Sharia. We have already made numerous references to how Islam's perspective on slavery is reflected in its teachings. At this point, it would be accurate to state that the development of slavery resulted from the limited outlook of certain rulers, groups, or individuals: from their failure to comprehend the essence of Islam, or, more precisely, from their deception and desire to amass wealth through any means. Islam, like all other religions, promotes humanity and elevates basic human values. It is up to each individual's conscience whether or not to abide by Sharia law and whether to believe in religion in general.

Slavery in the Khiva Khanate was conducted strictly in accordance with Sharia law, as can be seen from the evidence presented above. First and foremost, it was forbidden to enslave Sunni Muslims. There is hardly any evidence in the available sources, not even in Russian ones, that this rule was broken. In his essay *Shajara-i Khorezmshahi*, Bayani condemns the fact that not only Muslims but also Russians from Khorezm's neighboring villages were kidnapped and sold as slaves in Khiva (Bayoniy, 1994: 23).

There were cases where parents sold their children to escape debt, poverty, or famine. We must stress, however, that they did not sell their children into slavery. This situation was particularly prevalent among the nomadic tribes and, more specifically, among the tribes known in Russian sources as Khiva Kyrgyz (Kazakhs and Kyrgyz). According to purchase and sale documents that have survived, the children were sold to work for a set period of time but were not referred to as slaves (Zimanov, 2009: 279-285).

In the Khiva Khanate, the power of slaves was widely utilized in virtually all areas of social and economic life, but particularly in agriculture. The treatment of slaves is regarded as a relatively complex issue, and written sources reflect conflicting information.

After the capture of the city of Khiva by Russia, the commander of the Russian troops, General Konstantin Petrovich von Kaufmann, announced that he would find Muhammad Rakhim Khan II and establish a treaty only with him. As a result, Muhammad Rakhim Khan II returned to Khiva and started negotiations with the Russian command. According to Bayani, “The people of Khorezm were a valiant and combative group. Some national traitors used our country as a front for international unrest in order to further their goals. The Russian army would not be able to prevail if the entire population of Khorezm joined forces and attacked the Russian soldiers, just as they were unable to do so when they previously attacked five times” (Bayaniy, 1994: 222).

During their treaty, General von Kaufman declared that he was still in charge of the nation. Muhammad Rahim Khan II took some time to rest in the place designated for him in Gandimyan Garden, and it was not until June 6 that he entered Khiva and took his seat on the throne. Von Kaufman unveiled a new rule regarding the running of the khanate. As a result, the Khivan Khan was acknowledged as the nation’s ruler. The “Kengash” board was established as the khanate’s ruling body. The army was led by the khan and, on General von Kaufman’s advice, it also included Artillery Lieutenant Colonel Ivanov, General Staff Lieutenant Colonel Pozharov, Lieutenant Colonel Khoroshkhin, and a Tashkent merchant called Oltinboev.

Matniyoz Divan Begi, Eltuzar Inaq, and Mihtar Abdulla Bey joined the Khiva Khanate’s administration. Divan only kept working until the month of August. The council voted on matters pertaining to the administration of the khanate, including the provision of food, fuel, and fodder for the Russian government’s troops. Von Kaufman urged the khan of Khiva to free the Iranian detainees in Khorezm on that condition.

On June 12, Sayeed Muhammad Rahim Khan issued a special decree addressing the fulfillment of that demand and directed its prompt distribution to the khanate’s towns and cities. Iranians in the oasis received the decree’s details from messengers. As a result, Khorezm’s Iranian residents were freed from slavery. As was previously mentioned, the permanent abolition of slavery was stipulated in the 17th article of the Gandumyan Agreement, which was signed with the Khanate of Khiva on August 12, 1873. When Russian troops occupied Khiva in June 1873, the decree issued by Muhammad Rahim Khan Firuz on that date served as the basis for the content of this article of the contract:

Sayeed Muhammad Bahadir Khan’s order, which was made public on June 12 of this year, to free all slaves in the khanate and put an end to slavery and human trafficking there permanently is still in effect. The government of the Khan will take action to complete this task as strictly and diligently as possible.

At the time this decree was issued, it generated a range of responses from different groups of people. For instance, Iranian slaves rose up and riots broke out in the city of Khiva when the city was occupied by Russian forces and slavery was declared to be illegal. The uprising and other disturbances in the city were only put down under the pressure of the Russian troops (MacGahan, 1875: 227-228). The Russian military asserted that the local slavers’ actions in this instance contributed to the Iranian slaves’ uprising. Many slave owners started tormenting their slaves in various ways or employing various forms of punishment to frighten them because they did not want to be separated from them. The Iranian slaves heard about their release and attacked their owners, seizing their property. Due to the strict measures imposed by the tsar’s government, the slave riots were eliminated. In addition, two of the main slave abusers were hanged.

The fate of Iranian slaves after slavery was abolished is another topic covered by Bayani.

All of the Iranian citizens were set free, totaling 27,000 individuals. All expressed satisfaction and gratitude to Russia. They also sewed red cloths and rags on their crops after noticing China in Russia’s crops. The captives were temporarily set free. One group of slaves was led by Ibrahim Basmachi, also known as Sultan, who had been known to slander and assault his masters. All of the prisoners immediately began rioting, sedition, and pillaging the populace. The local inhabitants visited Kaufman and announced their complaints. With Kaufman’s gesture, His Majesty the Khan dispatched two Iranians to make their requests. The conspiracy felt relieved after that. All the prisoners were to assemble in Katta-bagh, one farsah northwest of the

city, according to Kaufman's order. The prisoners then left for Katta-bagh, where there was silence" (Bayoniy, 1994: 36).

An important aspect of this source is that it mentions the number of Iranian captives. There are still various opinions regarding the total number of slaves prior to the abolition of slavery, and the number of slaves cited by Komyob below is also there. In general, the number of Iranian slaves recorded by Bayani, Kamyab and Laffasi is important in solving this problem. A conclusion can only be reached based via a comparative analysis between these numbers and the numbers given in Russian and foreign sources (below).

At the end of Bayani's work, he wrote that some of the slaves who went to Iran arrived safely, but later it is mentioned that they were robbed by the Yavmuts of Avazgeldi-khan, and most of them were killed on the way (Bayoniy, 1994: 41). For example:

More than 5,000 Iranian prisoners who had survived and were headed for their provinces perished in the year 1292 of the Hijra. In Kattabagh, some of them gathered and strolled around. While gathered in Tashhavuz, some of them kept quiet. The majority of them obtained many things from their masters by defaming them, stealing numerous items, looting various locations, and assembling numerous items. As a result, they all amassed substantial wealth. They hope to bring this wealth and travel to Iran in good health.

A man named Avazkeldi-khan came and made friends with some of the Iranian nobles and said: "I will become a captain and take you to Iran." Everyone was happy and promised to give him a lot of things and moved with him to Tash-khavuz. The captives of Tash-khavuz were also happy and named Ali Mohammad as their Iranian. After that, they set off on the road and went towards Kuhna Urgench. Avazgeldi-khan sent a message to the Yavmuts with one of his men and wrote: "I will lead the captives as a captain." They have a lot of goods and dinar coins. Of course, young men who are in need should show themselves and enjoy this wealth.

After hearing that news, more than twelve thousand Yavmuts set out on their way. At that time, Ali Muhammad Khan led Avazgeldi-khan on his way, gathered in Kukhna Urganch, stayed for a few days, washed and took food supplies, went on their way over Manggir and came to Qattigogar. The captives tried to fetch water.

Avazgeldi Khan forbade it and said: "Do not take water here. You can take the water at the banks of the Yagan-kilich ditch and then go on your way." So they went on without water and he stopped them in the desert, not at Yagan-kilich ditch. This time, the troops of the Yavmut tribe came and attacked and surrounded the captives. After being surrounded and trapped for two days, the captives dug springs, as they were suffering from thirst. But no water came out them. After that, the captives dispersed and set off for the waterside. At that time, the Yavmuts attacked them and killed them on horseback. The captives were killed there, and not one of them escaped. The Yavmuts returned to their homeland with a lot of booty, gladness and joy (Bayoniy, 1994: 42).

This story was only mentioned in full by Bayani and in the manuscript *Azadnama* by Laffasi, discussed below.

The specifics of the conquest of the Khanate of Khiva and the city of Khiva are discussed on pages 41–46 of Laffasi's *Azadnama*. Pages 45-47 are crucial to the subject of this study, because they discuss how Iranian slaves rebelled against their owners and severely injured them during the Russian occupation of Khiva. As a result, von Kaufman took extreme action and gave the order to hang two of the rebellion's most active participants. Even though they stopped fighting, these slaves occasionally went to von Kaufman to vent their frustrations with their owners. Laffasi evaluated the slave uprising from the perspective of the court officials, recording no instances in which the local people punished the slaves by beating or killing them in groups, fomenting uprisings and quarrels, and causing disturbances, as described in Kamyob (Laffasi. UzR ASIO. Inv. No.12581: 92-95).

Laffasi wrote that as the slaves' unpredictable behavior increased, Kaufman asked the khan to free every slave in the khanate and issue a proclamation stating that from that point forward no one would be subjected to slavery. Muhammad Rahim Khan II complied with the request and, through announcers distributed throughout the khanate, he issued a decree on the subject. The slaves, who rejoiced at the decision, showed their gratitude to the Russians by donning red garters that matched their military uniforms. Even Murad Ali and Muhammad Ali, two loyal khan officials with considerable clout in the khanate, did so (Lafassiy. UzR ASIO. Inv. No.12581: 48-50).

Laffasi elaborates on the 17th article in the Treaty of Gandumyan, signed August 12, 1873, which calls for the abolition of slavery in the khanate. However, the manuscript the treaty contains no information regarding it (Laffasi. UzR ASIO. Inv. No.12581: 51).

Laffasi provides information that is not mentioned in other Khivan sources about the consequence of the abolition of slavery in the Khanate in 1873. In particular, he noted that the abolishment of slavery had a negative impact on slave owners and masters first, followed by merchants and artisans. He cites the application from leather coat makers led by Nur Muhammad Makhsun to Muhammad Rahimkhan II in 1877. He notes that the market price increased as a result of slaves being freed from their masters, going from 16 gold to 29 gold and even 32 gold (Laffasi. UzR ASIO. Inv. No.12581: 8-11). Based on this, Laffasi writes with regret that even after the abolition of slavery, slave owners continued to torture their former slaves for some time under various pretexts.

Even though many European nations condemned Russia's occupation of the Khanate of Khiva, only those from these nations' upper classes thought that slavery had been abolished in this region. For instance, in an article published by *The Times* newspaper, which at that time represented the interests of the Liberal Party of Great Britain, it was emphasized that Russia's occupation of the Khiva Khanate had a humanitarian component. The article expressed "wholehearted" support for Russia's complete abolition of slavery, particularly in the region.

Around the same time, an article in *The Standard*, which served the interests of Britain's Conservative Party, then in opposition, stated that Russia's policy of ending slavery was an excuse, but acknowledged that the end of slavery was nevertheless a positive development (Unichtojeniye rabstva v Xive, 1873: 169-172).

The newspapers of the Slavic countries neighboring Russia overestimated Russia's efforts to abolish slavery and pointed out that Russia was considered a great country with humanitarian ideals, not an uncivilized or wild country in the sight of the countries of Germany, France, and England. In particular, pro-Russian ideas were reflected in the Polish newspaper "*Politik*" [Politician] published in Poland and the Czech newspaper "*Narodnye Listy*" [Public Pages], both of which praised the abolition of slavery in the Khiva Khanate by Russia (Unichtojeniye rabstva v Xive, 1873: 173).

After slavery was permanently abolished in the Khiva Khanate, it continued in practice for a while, albeit to a lesser extent. This can be ascertained archival manuscripts. In particular, in the 27th document in file inventory number 125, list 2 of the office, the Head of the Amu Darya Department No. 2633 dated August 22, 1883, and No. 2769 dated September 4 1833 were both sent to the head of the Amu Darya Department, Colonel V. Bulgavitinov, on behalf of the former slave Mustafa Muhammad Niyaz. According to the content of the letter, he appealed for help in freeing his sister, who was kept as a slave by Iskandarbay in Khanka. V. Bulgavitinov acknowledged the appeal and sent a letter to the khan of Khiva, asking him to send her to Turtkul. However, according to the evidence given by a slave boy, she remained a slave in the presence of Iskandarbay. She denied this, but it appears that her owner may have forced her to give such instructions. Although it is not known how this event ended, this document clearly shows that slavery continued even after 1873 in Khiva Khanate. According to the slave boy's testimony, they forced, threatened, or deceived him into testifying that she was not a slave (CSARU. F. I-125. Op. 2. D. 591. L. 1).

Another document confirming the existence of slavery long after its abolition was taken from the private manuscript fund of Mulla Ahmadjan Turdiokhunov from Khiva. This is the first time this document has been covered in the literature. It says, "On the twenty-fifth of the month of Jumad al-Sani in 1320 AH [September 27, 1902], Ghaybuli Ghulamkul Jumaniyaz doyen, with the confession of his master, received from him the birth certificate of 1320. A letter was written this month saying that he should not be offended by the fact that he paid birth tax. 20 Salghut [gold] was taken."

4. Conclusion

This article has explored the consequences of the abolition of slavery on the socio-economic life of the Khiva Khanate, examining both the positive and negative sides of the abolition of slavery.

On the positive side, slavery was a great obstacle to the socio-economic development of the khanate. Its existence was is one of the main reasons the khanate remained in the swamp of

backwardness. On the negative side, the sudden end of slavery greatly affected the annual income of the class of owners who had relied on slave labor for farming.

As an important conclusion, it should be noted that although slavery officially ended in the 1870s in the Khiva Khanate, in practice it continued until the 1920s, based on information from various sources. The actions of Russia and Great Britain, which tried to end slavery, and the eventual abolition of this practice were of great importance. As a result of the abolition of slavery, the region was drawn into the relations of the market economy, and the elements of a modern economic state began to form.

References

- Bayoniy, 1994** – *Bayoniy, Muhammad Yusuf* (1994). Shajarayi xorazmshohiy [Family-tree of Khwarezm-shakhs]. T.: Literature and Art. [in Uzbek]
- CSARU** – Central State Archive of Republic of Uzbekistan.
- Dal, 1838** – *Dal, V.I.* (1838). Rasskaz nevolnika, xivinskogo urojensa Andreyta Nikitina. 1830 [The story of a slave, Khiva native Andrei Nikitin. 1830]. Morning rays: Almanac for 1838. Ed. V. Vladislavlev. St. Petersburg: Military. pub. [in Russian]
- Dal, 1839** – *Dal, V.I.* (1839). Rasskaz ruskogo plennika iz Xivi, Yakova Zinoveva. 1838. [The story of a Russian prisoner from Khiva, Yakov Zinoviev. 1838]. St. Petersburg Gazette. 1839. [in Russian]
- Dal, 1839** – *Dal, V.I.* (1839). Rasskaz vishedshego iz xivinskogo plena astraxanskogo meshanina Tixona Ivanova Ryazanova [The story of the Astrakhan mish-mash Tikhon Ivanov Ryazanov, who emerged from Khiva captivity] *Rusin*. Morning rays: Almanac for 1839. Ed. V. Vladislavlev. St. Petersburg. [in Russian]
- Infantev, 1912** – *Infantev, P.* (1912). Tamir. Rasskaz iz jizni sredi turkmen i xivinsev [Lifestories of the Turkmens and Khivian]. St. Petersburg: Edition of the bookstore. P.V. Lukovnikova, “Energy” Publishing House. [in Russian]
- Ivanin, 1950** – *Ivanin, M.* (1950). Khiva i reka Amu-Darya [Khiva and the Amu Darya River] Turkestan Collection. T. 1950. St. Petersburg: Moscow collection. [in Russian]
- Ivanov, 1958** – *Ivanov, P.P.* (1958). Ocherki po istorii Sredney Azii (XVI – seredina XIX v.). [Essays on the history of Central Asia (16th – mid-20th century)]. M.-L.: Publishing House of Eastern Literature. [in Russian]
- Khoroshkhin** – *Khoroshkhin, A.P.* Vospominaniye o Khive. (Beglie zametki). Sbornik statey kasayushikhsya do Turkestanskogo kraya [Memories of Khiva. (Brief notes) Collection of articles related to the Turkestan region]. St. Petersburg: A. Transhelya. [in Russian]
- Laffasiy** – Laffasiy. Ozodnoma [Letter of Freedom]. Uzbin. O’zRFASHI inv. № 12581. [in Uzbek]
- Mak Gaxan, 1875** – *Mak Gaxan, A.Ya.* (1875). Voyennie deystviya na Oksuse i padeniye Xivi (perevod s angl. yazika) [Military actions on Uksus and the fall of Khiva (translation from English)]. M. [in Russian]
- Mikhailov, 1873** – *Mikhailov, N.* (1873). Golos xivinskix plennix. [Voice of the Prisoners in Khiva]. *Rusin*. Niva. 30: 465-470. [in Russian]
- Poyezdka iz Orska..., 1851** – Poyezdka iz Orska v Xivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godax Gladishevim i Muravinim. Izdana s priobsheniyem sovremennoy karti Millerova puti ot Orska do Zyungorskix vladeniy i obratno Ya. V. Xanikovim [A trip from Orsk to Khiva and back, made in 1740–1741 by Gladishev and Muravin. Published with the addition of a modern map of Miller’s route from Orsk to the Zungorsky possessions and back by Y. V. Khanikov]. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1851. [in Russian]
- Rasskazy plennykh..., 1873** – Rasskazy plennykh iz Xivi [Stories of prisoners from Khiva] *Rusin*. Turkestan Collection. T.046. St. Petersburg: Exchange statements, 1873. [in Russian]
- Semenov-Tyanshansky, Lamansky, 1916** – *Semenov-Tyanshansky, V.P., Lamansky, V.I.* (1916). Rossiya: Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. Nastolnaya i dorojnaya kniga: (V 11 T). [Russia: Complete geographical description of our country. Desk and travel book: (11 Vol.)]. St. Petersburg: A. F. Devriena [in Russian]
- Shkapskiy, 1900** – *Shkapskiy, O.* (1900). Amu-darinskiye ocherki. K agrarnomu voprosu na nijney Amu-darye [Amu Darya essays. On the agrarian question on the lower Amu Darya]. M. [in Russian]

[Unichtojeniye rabstva v Xive, 1873](#) – Unichtojeniye rabstva v Xive. Angliyskaya i slavyanskaya gazeti po povodu unichtojeniya rabstva v Xive. St. Peterburg. 20-go iyulya 1873 godal [Abolition of slavery in Khiva. English and Slavic newspapers on the abolition of slavery in Khiva. St. Petersburg. July 20th, 1873]. Turkestan collection [in Russian]

[Yoldashev](#) – *Yoldashev, M.I.* Khiva Khonligida feodal yer egaligi va davlat tuzilishi [Feudal land ownership and state structure in Khiva Khanate]. Tashkent: UzDavnashr, 195+9. [in Uzbek]

[Zalesov, 1871](#) – *Zalesov, N.G.* (1871). Posolstvo v Xivu i Buxaru polkovnika Ignateva [Embassy to Khiva and Bukhara to Colonel Ignatiev]. *Rup. Vestn.* 3. [in Russian]

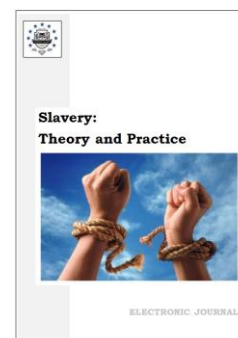
[Zimanov, 2009](#) – *Zimanov, S.* (2009). Obshestvenniy stroy kazaxov pervoy polovini XIX veka i Bukeyevskoye xanstvo [The Social System of the Kazakhs in the First Half of the Twentieth Century and the Bukeyev Khanate]. Alma-ata, PO 'Aris'. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2023. 8(1): 63-74

DOI: 10.13187/slave.2023.1.63
<https://stp.cherkasgu.press>

Conceptualization and Juridicalization of Contemporary Forms of Slavery and Practices Similar to it in the System of International Human Rights Guarantees

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Sumy State University, Sumy, Ukraine

Abstract

The article attempts to conceptualize the concept of «slavery» and its recurrences in the context of two stages of human rights legalization: national and international. The author notes a fairly broad semantic field of this concept, which includes practices similar to slavery: forced labour, forms of extreme labour exploitation, servitude, forced labour, compulsory labour, etc. The author analyses the formation of the semantic meaning of the concept of slavery in international human rights documents.

It is argued that slavery has never been fully eradicated, although it has been condemned by the international community. The author outlines the main modern forms of slavery: bonded labour, debt slavery, child labour, human trafficking, forced marriage, and others. All these forms of slavery still exist in the modern world. The most vulnerable categories of the population suffer the most from it.

It is noted that the international community has set an ambitious goal to eradicate child slavery by 2025, and by 2030 – everywhere on a global scale. This ambitious goal correlates with the UN Sustainable Development Goals by 2030. However, the COVID-19 pandemic, armed conflicts, hybrid confrontations, climate change and other global challenges impede the final elimination of all forms of slavery. All of this defines new opportunities and challenges for the international community in the fight against all manifestations of slavery and the prospects for overcoming it.

Keywords: slavery, bonded labour, exploitation of child labour, United Nations, Sustainable Development Goals.

1. Введение

Рабство как узаконенная подневольная система труда, хотя и было отменено, искоренено не было. Рабство все еще имеет рецидивы в форме торговли людьми, кабального труда, эксплуатации детского труда, детской порнографии, проституции и проч.

Современное рабство в его формах и рецидивах противоречит принципам социальной справедливости и устойчивого развития общества. Согласно глобальным оценкам 2021 года, в рабстве находятся 50 миллионов человек либо вынужденных работать против своей воли, либо состоящих в браке по принуждению ([Global Estimates, 2022: 1](#)). Мировое сообщество взяло на себя амбициозную задачу покончить с современным рабством среди детей к 2025 г., а к 2030 году – повсеместно.

Кризисы современности, связанные с пандемией и постпандемическими процессами, вооруженными противостояниями и конфликтами, климатической повесткой

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

минимизировали реализацию этих задач. Глобальные трансформации в этом спектре привели к беспрецедентным изменениям в сфере занятости и образования населения, росту крайней бедности, вынужденной миграции, увеличению гендерно обусловленного насилия и др.

В наибольшей степени от этого страдают те группы населения, которые и так находились в «зоне риска», в наиболее уязвимом положении: люди в сложных жизненных обстоятельствах, бедные слои населения, работники неформального сектора экономики, нелегальные или незащищенные трудовые мигранты, люди, подвергающиеся различным формам дискриминации и др.

Для преодоления глобальных вызовов и рисков необходим консолидированный подход всего международного сообщества, национальных правительств, бизнеса и гражданского общества. Сотрудничество и взаимопомощь со стороны многосторонних и двусторонних правительственных и неправительственных организаций и институций будет иметь решающее значение для достижения прогресса. Социальный диалог является важнейшей основой для выработки долгосрочных консенсусных решений проблемы современного рабства.

2. Материалы и методы

При подготовке рукописи были использованы различные методологические уровни и приемы, верифицирующие феномен рабства в его формализованной и содержательной динамике. На динамическом методологическом уровне производится социально-историческая интерпретация результатов научных исследований рабства, анализ универсальных форм и методов его изучения.

Методология междисциплинарного комплексного исследования обозначила контуры и перспективы взаимодействия различных наук (истории, правоведения, философии права, филологии и др.) для концептуализации и юридизации рабства и практик, ему подобных, когда можно получить эвристический результат комплексного знания о сущности рабства.

Основными методологическими компонентами исследования рабства и практик, подобных рабству, выступают теоретико-методологическая часть, на основе которой структурирована методика исследования; историко-теоретическая часть, предусматривающая исследование рабства с учетом связей и взаимозависимостей явлений и процессов, в частности, при формировании международной системы гарантий прав человека с последующей юридической концептуализацией рабства и его современных форм; практическая часть предполагает изучение конкретных кейсов и практик аргументации и интерпретации рабства в его приложении к конкретным социально-историческим условиям.

Метод концептуального анализа способствовал описанию способов категоризации концепта «рабство» в правовом поле юридического дискурса.

В качестве материалов при подготовке рукописи были использованы международные нормативно-правовые акты: декларации ([Universal Declaration, 1948](#)), конвенции ([Convention 105, 1959](#); [Convention against Trafficking, 2005](#); [Convention for the Suppression..., 1949](#); [CPHRFF, 1950](#); [International Convention, 1976](#); [CCFCL, 1930](#)), протоколы ([Protocol to Prevent, 2000](#)), решения судов ([Siliadin v. France, 2005](#)) и др. ([Abolition act, 1976](#); [International Covenant, 1966](#)), – позволившие всесторонне проанализировать концепт «рабство» и его рецидивы в семантическом, юридическом и социально-историческом аспектах.

3. Обсуждение

На сегодняшний день рабство остается серьезной проблемой в системе гарантий прав и свобод человека, повсеместно вызывая международную обеспокоенность. Необходимость концептуализации рабства обусловлена тем, что семантика данного понятия достаточно насыщена, под нее подпадает целый ряд нарушений в сфере прав человека. Рабство актуализируется в различных его формах, как-то: торговля людьми и органами, детская порнография и проституция, детский кабальный труд, практики апартеида и неокOLONIALИЗМА.

Термин «современное рабство» вошел в обиход в последние несколько лет, что во многом объясняется принятием Закона о современном рабстве ([MSA, 2015](#)) и его аналогов. В этих законах определение современного рабства дается на основе конкретных категорий уголовных преступлений. Однако на самом деле этот термин уходит корнями в адвокатию и органично развивается, охватывая целый ряд вопросов, которые на практике оказалось трудно определить.

Многие специалисты считают, что провести жесткие границы невозможно: динамичность и подвижность термина в адвокатуре противоречит той точности, которая требуется от определений в законодательстве. До сих пор мало кто задавался вопросом о том, как этот термин функционирует в правовом контексте, однако есть важные вопросы, которые необходимо задать. Каковы противоречия между строгими правовыми категориями, закрепленными в законах, и динамичной природой современного рабства? Как можно разрешить эти противоречия? Существует ли лучший способ понимания современного рабства, который позволил бы не только эффективно функционировать законодательству, но и признать неформальность, бедность и эксплуатацию, лежащие в основе современного рабства? (Hsin, 2020: 165-175).

Концепт «Современное рабство» представлен и в научных исследованиях группы ученых, по мнению которых он «включает в себя формы крайней трудовой эксплуатации», бросая вызов основам либерального общества (Machura et al., 2019: 201). По мнению исследователей, для эффективной работы необходимо, чтобы представители общественности и государственных органов умели распознавать ситуации как современное рабство. А сама идентификация ситуаций как современного рабства должна быть связана с моральным осуждением, что приведет к предпочтению более сурового наказания (Machura et al., 2019).

Как отмечают некоторые исследователи, в последнее время возрос интерес к таким проблемам, как контрабанда людей, принудительный труд и, в особенности, сексуальное рабство (Quirk, 2007: 181). Эти проблемы представляются как разновидность рабства, а торговля людьми – как форма работорговли, но при этом сравнительно мало обсуждалось, как устанавливается эта связь, и как современные проблемы соотносятся с более широкой историей организованной борьбы с рабством. В некоторых своих исследованиях, опираясь на концепцию «Антирабовладельческого проекта», Квирк Дж. использует макроисторическую перспективу, которая стремится интегрировать современные дискуссии о торговле людьми в более широкий исторический контекст (Quirk, 2007).

Достаточно сложная процедура верификации современных форм рабства и практик, подобных рабству, была отмечена в работах Кеннингтон К. (Kennington, 2019: 225-239). Ею были проанализированы апелляционные судебные заключения по более чем 800 искам о свободе. Исследовательницей отмечено, что судьи использовали аргументы, отражавшие более широкие дебаты между аболиционистами и сторонниками рабства, и в то же время отстаивали значение верховенства закона. Тем самым они пытались защитить судебную систему от многочисленных вызовов со стороны афроамериканцев и других борцов против рабства. Как отмечает ученая, независимо от своих личных убеждений относительно рабства, судьи часто предпочитали строить свои письменные заключения на апелляции к морали, что позволяло им предугадать позицию афроамериканцев и их сторонников, а затем сделать эти идеи неактуальными перед лицом позитивных законов, поддерживающих рабство (Kennington, 2019: 238-239).

Юридическая позиция Европейского суда по правам человека по делу «Сильядин против Франции» (Siliadin v. France, 2005) анализируется Николсон А. (Nicholson, 2010: 705-720). Исследовательница отмечает, что интерпретация судом понятия рабства происходит в соответствии со статьей 1 Конвенции о рабстве 1926 г. в свете международного права о рабстве. Автор анализирует дефиниции рабства и подневольного состояния, выявляет смешение или подмену терминологии в сфере борьбы с рабством и возможное снижение уровня защиты в случае принудительного труда. Также производится оценка некоторых последствий «постоянной и непоследовательной переклассификации» для национального и международного законодательства (Nicholson, 2010).

Глобальное неравенство сохраняется, несмотря на достигнутые к настоящему времени успехи в области прав человека. Пытаясь найти опору в международном праве, в частности в международном праве прав человека, некоторые исследователи предлагают переосмыслить международную систему прав человека, чтобы найти законное место для возмещения ущерба за рабство и, таким образом, создать условия для эффективного противостояния такой насущной несправедливости, как расовая дискриминация и ее последствия (Biholar, 2022: 64). Опираясь на подходы третьего мира к международному праву (TWAIL), они утверждают, что неспособность международных правовых систем отреагировать на историческую несправедливость свидетельствует о том, что колониальное сознание по-прежнему является основой международного права прав человека и современных

постколониальных обществ (Anghie, 2023: 1-106). А посему актуальна деколонизация международного права прав человека с целью создания более инклюзивного будущего для прав человека (Biholar, 2022: 64-95; Haynes, 2022).

В этом контексте МакГихен Н. выдвигает теорию, согласно которой коллективное непризнание способности рабства проявляться в иных формах, нежели рабство движимого имущества, подрывает попытки его отмены правовыми средствами и вносит путаницу в юридический дискурс. По его мнению, система права прав человека на рабство, в которой принудительный труд и подневольное состояние классифицируются как виды практики, связанные с рабством, но по существу отличные от него, была некритично принята правоведами. Рассмотрение вопроса о включении рабства, принудительного труда и подневольного состояния в международное право показывает, что следствием, если не целью, законотворческого процесса, приведшего к глобальной отмене рабства, стало сохранение рабства в более приемлемой форме (McGeehan, 2012: 436-460).

Отдельно следует упомянуть о совместном отчете «Глобальные оценки современного рабства: Принудительный труд и принудительный брак», который был подготовлен в рамках сотрудничества между Международной организацией труда, Международной организацией по миграции и Международной правозащитной организацией «Walk Free», деятельность которой направлена на искоренение современного рабства во всех его формах (Global Estimates, 2022).

Глобальные и региональные оценки, представленные в данном отчете, были разработаны Международной организацией труда (МОТ), организацией Walk Free и Международной организацией по миграции (МОМ). Оценки основаны на совместно разработанной методологии: как и в случае с глобальными оценками 2016 года, расчеты на 2021 год получены из нескольких источников данных, поскольку ни один из них не был достаточно надежным. Основными источниками являются данные национальных репрезентативных исследований домохозяйств, совместно проведенных МОТ и Walk Free, а также анонимный набор данных о жертвах торговли людьми, собранный МОМ и ее партнерами в процессе предоставления услуг по защите и помощи жертвам торговли людьми в рамках сотрудничества по противодействию торговле людьми (СТДС).

Как показывают результаты, представленные в отчете, современное рабство является полной противоположностью социальной справедливости и устойчивого развития. Согласно Глобальным оценкам 2021 года, в современном рабстве находятся 50 млн человек, либо вынужденных работать против своей воли, либо состоящих в браке по принуждению (Global Estimates, 2022: 1). Это число составляет почти один из каждых 150 человек в мире. Приведенные оценки также свидетельствуют о том, что ситуации современного рабства отнюдь не являются скоротечными: попадание в ловушку принудительного труда может длиться годами, а принудительный брак в большинстве случаев является пожизненным заключением. И, как отмечается в отчете, ситуация не улучшается. Глобальные оценки 2021 года показывают, что за период, прошедший после выхода предыдущих оценок в 2017 году, миллионы мужчин, женщин и детей были принуждены к труду или вступлению в брак (Global Estimates, 2022: 12).

4. Результаты

На сегодняшний день сформирована достаточно действенная система декларирования, гарантирования, защиты и охраны прав человека, в том числе в контексте запрета всех видов рабства и работорговли, как это обозначено во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: «Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах» (Universal Declaration, 1948: 4).

Такая же норма содержится и в Международном пакте о гражданских и политических правах, где обозначено, что «Никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах. Никто не должен содержаться в подневольном состоянии. Никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду» (International Covenant, 1966: 8).

Помимо «базовых» международных документов, регламентирующих вопросы, связанные с рабством во всех его формах, включая практики, подобные рабству, следует выделить и «специальные» документы, таргетированные на регулирование вопросов рабства. В частности, это Конвенция о рабстве 1926 г., страны-участницы которой «подтвердили свою решимость добиться полной отмены рабства во всех его формах и

работоторговли на суше и на море» (SC, 1926).

Международная обеспокоенность по поводу рабства и его рецидивов, а также политическая воля к его искоренению стали основополагающими в контексте ратификации и имплементации договоров, деклараций и конвенций. Государства, ратифицировавшие международные антирабские документы, взяли на себя обязательства противодействовать рабству во всех его проявлениях.

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами ([Convention for the Suppression..., 1949](#)), принятая в 1949 г., объединила другие международные договоренности, начиная с 1904 г., требуя от сторон-подписантов противодействовать проституции как специфической форме рабства, социализируя и реинтегрируя жертв проституции, в том числе детской.

Дополнительная конвенция 1956 г. об отмене рабства, работоторговли, институций и обычаев, подобных рабству, расширила дефиницию рабства в Конвенции 1926 г. через практику кабального труда и подневольного брака, а также через эксплуатацию детей и проч. ([Supplementary Convention, 1956](#)).

Конвенция о принудительном или обязательном труде 1930 г. обязует «каждого члена Международной Организации Труда, который ратифицирует настоящую Конвенцию, обязуется упразднить применение принудительного или обязательного труда во всех его формах в возможно кратчайший срок» ([CCFCL, 1930: 1](#)).

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, принимая во внимание, что «проституция и сопровождающее ее зло, каковым является торговля людьми, преследующая цели проституции, несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности и угрожают благосостоянию человека, семьи и общества» ([Convention for the Suppression..., 1949](#)), расширяет и дополняет другие нормативные документы в сфере регулирования практик, подобных рабству, а именно: Международный Договор о борьбе с торговлей белыми рабынями ([International Agreement, 1904](#)); Международная Конвенция о борьбе с торговлей белыми рабынями ([International Convention, 1910](#)); Международная Конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми ([International Convention, 1921](#)); Международная Конвенция о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами ([International Convention, 1933](#)).

Конференция полномочных представителей, созванных в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета, «считая, что свобода есть прирожденное право каждого человека..., учитывая, однако, что рабство, работоторговля и институты и обычаи, сходные с рабством, ликвидированы еще не во всех частях мира», постановила, что каждое государство принимает все возможные и необходимые законодательные и иные меры к тому, чтобы осуществить постепенно и в кратчайший срок полную отмену или упразднение таких институтов и обычаев ([Supplementary Convention, 1956](#)).

В ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод определена принципиальная ценность гарантированного на уровне международных документов права, а именно: «Никого нельзя держать в рабстве или в подневольном состоянии. Никто не может быть принужден к выполнению принудительного или обязательного труда» ([CPHRFF, 1950: 4](#)).

В этом контексте следует семантически обозначить значение употребляемых в документе понятий. Так, значение термина «принудительный или обязательный труд» не распространяется на любую работу, выполнение которой требуется во время назначенного содержания в условиях лишения свободы или во время условного освобождения ([CPHRFF, 1950: 4](#)). Также «принудительный или обязательный труд» не распространяется «на любую службу военного характера или... службу, которая требуется вместо обязательной военной службы» и др. ([CPHRFF, 1950: 4](#)).

Статья 4 Конвенции, как и предыдущие две (право на жизнь и запрещение пыток), охраняет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Часть 1 статьи 4 Конвенции говорит, что «никого нельзя держать в рабстве или в подневольном состоянии» ([CPHRFF, 1950: 4](#)). Она не предусматривает исключений, чем отличается от большинства правовых норм Конвенции и не может быть предметом каких-либо отступлений, даже в случае общественной опасности, угрожающей жизни нации. Часть 2 запрещает принудительный или обязательный труд, а часть 3 имеет целью не «ограничить» реализацию гарантированного права, а «снять ограничения» с его содержания, поскольку оно является одним целым и перечисляет то, что не считается «принудительным или

обязательным трудом» (CPHRFF, 1950: 4).

Особый контекст имеет торговля людьми. О ней совсем не упоминается в статье 4, которая запрещает «рабство», «подневольное состояние» и «принудительный или обязательный труд». Уже по своему характеру и цели, которая заключается в эксплуатации других лиц, торговля людьми опирается на осуществление атрибутов права собственности. В ее системе люди считаются товаром, который можно покупать и продавать, а также принуждать к труду, часто малооплачиваемому или неоплачиваемому. Такая торговля предполагает строгий надзор за деятельностью потерпевших, которые часто имеют ограниченную свободу передвижения, страдают от насилия и угроз, живут и работают в ужасных условиях.

Ввиду этого торговля людьми может быть определена как современное выражение мировой работорговли. Вне всякого сомнения, торговля людьми угрожает человеческому достоинству и основополагающим свободам лиц, являющихся ее жертвами, и ее нельзя считать совместимой ни с демократическим обществом, ни с защищаемыми Конвенцией ценностями.

Учитывая особый контекст торговли людьми, нет необходимости устанавливать, является ли подобное обращение «рабством», «подневольным состоянием» или же «принудительным или обязательным трудом». Торговля людьми как таковая, в понимании ст. 3 Палермского протокола ([Protocol to Prevent, 2000](#)) и ст. 4 Конвенции о мерах по противодействию торговле людьми ([Convention against Trafficking, 2005](#)), относится к сфере действия ст. 4 анализируемой нами Конвенции (CPHRFF, 1950).

Изучая объем понятия «рабство» (CPHRFF, 1950: 4), можем сослаться на «классическое» его определение как «состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них» (SC, 1926: 1).

Одной из форм рабства является подневольное состояние как обязанность предоставлять свои услуги под принуждением и должно связываться с понятием «рабство». Само понятие «подневольное состояние» составляет особо тяжкую форму лишения свободы. Оно включает, кроме обязанности предоставлять другим свои услуги, еще и обязанность для «невольника» жить в помещении, принадлежащем другим, а также невозможность изменить свое состояние.

В этом аспекте подневольное состояние составляет особенную форму принудительного и обязательного труда. Действительно, основным элементом, который отличает подневольное состояние от принудительного и обязательного труда, является чувство потерпевших, что их состояние невозможно изменить, и что положение тоже не может быть изменено.

Как уже нами было указано, ч. 2 ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод запрещает принудительный или обязательный труд (CPHRFF, 1950: 4). В то же время это положение не уточняет, что следует понимать под «принудительным или обязательным трудом», а различные документы Совета Европы относительно подготовительных работ к Европейской конвенции также не дают разъяснений по этому поводу.

С этой точки зрения «принудительный или обязательный труд» может означать любую работу или службу, которую требуют под угрозой наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг. Действительно, часто английское понятие «труд» («labour») используется исключительно для обозначения физического труда, но оно имеет такое же широкое значение, как и французское «travail», и именно это широкое значение следует применять при концептуализации труда. В качестве доказательства можем привести определение, которое содержится в ст. 2 §1 Конвенции №29 Международной организации труда: «любая работа или служба» – «tout travail ou service», «all work or service» (CCFCL, 1930). Также и само название Международной организации труда (International Labour Organization) отсылает нас к более широкому пониманию концепта «труд», когда определенная деятельность никоим образом не ограничивается сферой физического труда.

Чтобы уточнить понятие «труд», подчеркнем, что не каждый труд, который требуют от лица под угрозой «наказания», обязательно составляет запрещенный «принудительный или обязательный труд». Действительно, следует учесть, в частности характер, и объем данной деятельности. Эти обстоятельства позволяют отличить «принудительный труд» от работы, которой можно разумно требовать в рамках, например, соседской взаимопомощи. В этом случае уместно использовать понятие «непропорциональное бремя».

Слово «принудительный» вызывает мысль о физическом или моральном принуждении. Тогда как слово «обязательный» не может касаться каждого юридического

обязательства. Например, работа, выполняемая на основе свободно заключенного соглашения, не может подпадать под действие ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещает принудительный или обязательный труд только потому, что одна из сторон обязалась в пользу другой выполнить такую работу, и в случае несоблюдения обязательств может подвергнуться взысканиям.

Вместо этого речь должна идти о работе, которую требуют под угрозой любого наказания и, кроме того, вопреки воле заинтересованного лица, для которого оно не предложило добровольно своих услуг. Хотя «наказание» может доходить до насилия или физического принуждения, оно может иметь и более скрытый вид психологического принуждения, например, угрозы выдать полиции или миграционной службе нелегальных работников.

Практика, подобная рабству, может быть достаточно проблематичной для верификации, что затрудняет получение четкой картины относительно масштабов современного рабства, а также выявления такой практики, наказания за нее или ее искоренения (Kennington, 2019: 225-239). Проблема обостряется в связи с тем, что жертвами рабства во всех его проявлениях являются представители наиболее уязвимых групп, что не отменяет глобальный контекст и характер практик, подобных рабству, являющихся достаточно распространенным явлением в современном мире.

Одной из практик, подобной рабству, является детский труд, который достаточно «востребован», ввиду своей дешевизны, а также в связи с высокой психосоциальной уязвимостью детей. Принудительный труд детей определяется как работа, выполняемая ребенком в течение определенного учетного периода и подпадающая под одну из следующих категорий:

- работа, выполняемая на третью сторону под угрозой или страхом;
- работа, выполняемая на третью сторону под угрозой или страхом какого-либо наказания, применяемого третьей стороной (не родителями ребенка) либо непосредственно к ребенку, либо к его родителям;
- работа, выполняемая с родителями ребенка или для них, под угрозой применения какого-либо наказания, применяемого третьей стороной (не родителями ребенка) либо непосредственно к ребенку, либо к его родителям и т.д. (Global Estimates, 2022: 119).

Дети в качестве домашней прислуги не только незаконно работают, но и становятся жертвами насилия, широка практика насильственной вербовки детей на военную службу – все это приобретает характер торговли детьми как одной из форм рабства (International Agreement, 1904; International Convention, 1910; International Convention, 1921; International Convention, 1933).

Кабальный труд мало отличим от рабства. Так, например, Закон об отмене кабального труда 1976 г. определяет «систему кабального труда» как систему принудительного труда, при которой должник вступает в соглашение с кредитором о том, что он будет оказывать ему услуги либо сам, либо через любого члена своей семьи или любое лицо, зависящее от него, за определенное или неопределенное время (Abolition act, 1976).

Кабальный труд возникает, когда люди отдают себя в рабство под залог кредита или наследуют долг родственника. Это может выглядеть как трудовой договор, но при этом работник начинает выплачивать долг (как правило, в жестких условиях), а затем обнаруживает, что погашение кредита невозможно. Тогда рабство становится постоянным.

Кабальный труд предназначен для эксплуатации работников. Циклический процесс начинается с того, что работник получает долг, приобретенный или унаследованный, который не может быть выплачен немедленно. Затем, пока работник трудится, чтобы погасить долг, работодатель продолжает добавлять дополнительные расходы. Таким образом, продолжая работать на своего должника, работник только увеличивает свой долг, а погасить его невозможно.

Зачастую такой долг передается из поколения в поколение, что напоминает рабство в XVIII-XIX веках. По всему миру можно наблюдать, как работодатели заставляют детей работников трудиться в той же ситуации, что и их родители, чтобы помочь выплатить родительский долг, или когда родители или члены семьи уходят из жизни, и работодатели требуют другого человека для выполнения утраченной роли, и все это под предлогом наличия долга.

Еще одной формой рабства является апартеид как коллективное рабство – проявление дискриминации по расовому признаку (International Convention, 1976).

Международным органом в рамках деятельности ООН, который консолидирует и обобщает информацию о выполнении государствами конвенций и соглашений по рабству, является Рабочая группа по современным формам рабства. Международная организация труда также осуществляет контроль в рамках антирабской политики и стратегии. В состав рабочей группы входят 5 независимых экспертов, которые избираются на основе географического представительства из числа членов подкомиссии по вопросам предотвращения дискриминации и защиты меньшинств. Эта группа ежегодно проводит заседания и представляет доклады подкомиссии.

Комитеты, созданные в рамках каждого пакта и конвенции (Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.; Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.; Конвенции о правах ребенка 1989 г. и др.), осуществляют контроль за их выполнением государствами-участниками.

Кроме контроля за выполнением конвенций по проблемам рабства и мониторинга ситуации в мире, группа ежегодно прорабатывает резонансную тему, связанную с рабством и его формами: торговля детьми, проституция среди детей, использование детей в порнографии; искоренение детского труда и кабального труда и проч. Рабочей группой были разработаны программы действий по решению проблем, связанных с различными формами рабства.

При изучении проблем рабства рабочая группа руководствуется информацией из разных источников: информирование со стороны национальных правительств, органов ООН, межправительственных и неправительственных организаций и др. Правительства заинтересованы в реализации проектов, поддерживающих жертв рабства, и выступают против практик, подобных ему. Они инициируют изменения в национальных законодательствах по вопросам противодействия рабству и информируют о них. Другие инициативы могут касаться консультативной и координационной поддержки в рамках ООН с целью борьбы со всеми проявлениями рабства.

Значительный вклад в работу этой группы приносят неправительственные организации: информационная поддержка, консультационная поддержка по вопросам правовой помощи; организация различных кампаний; участие в разработке законопроектов и другие активности.

Над ликвидацией различных форм рабства работают и международные организации, сотрудничая с рабочей группой. Так, Международная организация труда проработала конвенции по отмене принудительного и обязательного труда в различных его формах: Конвенция 29 ([CCFCL, 1930](#)) и Конвенция 105 ([Convention 105, 1959](#)).

ВОЗ также подчёркивает серьезную опасность различных форм рабства для развития детей и других групп, которые часто выступают его жертвами.

Рабство и его рецидивы являются важнейшим направлением в деятельности ЮНЕСКО, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Так, организация, в частности, поддерживает инициативы по вопросам защиты детей от порнографии, от влияния на детей вооруженных конфликтов и др.

ЮНИСЕФ, Интерпол, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев и другие организации и институты активно сотрудничают по вопросам противодействия рабству во всех его проявлениях в интересах различных групп бенефициаров: детей, женщин, мигрантов, беженцев, бездомных, сирот и др.

5. Заключение

Хотя международные нормы, регулирующие вопросы рабства и практик, подобных рабству, достаточно четкие, все еще можем констатировать определенные пробелы в их имплементации. Международные инициативы, призывающие ко всеобъемлющему и системному противостоянию торговле людьми, так и не были полностью реализованы. Зачастую такое противостояние на государственном уровне происходит исключительно в контексте решения вопросов миграции или борьбы с организованной преступностью. В то время как для успешного противостояния рабству и его рецидивам на государственном уровне должны быть не только признаны, но и выполнены все международные договоры и соглашения, должны быть приложены все усилия для борьбы с этой глобальной проблемой.

Обращение к широкому историческому контексту видится вполне уместным ввиду

тесного взаимодействия системы международных гарантий прав человека в решении проблем рабства, подневольного состояния и принудительного труда. Этот контекст важен с той точки зрения, что указанные проблемы появились задолго до появления системы международного права прав человека на этапе их вторичной юридикации.

Важно также прояснить возможную преемственность в понимании и регулировании различных аспектов и форм рабства на этапе первичной и вторичной юридикации прав человека, в частности в контексте и практике интерпретации норм статьи 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Важно в вопросе о рабстве и практиках, подобных рабству, проанализировать современное понимание данного термина. Примечательно, что семантические различия понятий «рабство» и «принудительный труд» возникли еще до появления права прав человека, что также требует некоторого обращения к истории, дабы лучше объяснить особенности концептуализации этих терминов.

С появлением ООН и началом эпохи вторичной юридикации прав человека, то есть формированием международной системы гарантий, можно выделить два ключевых события. Во-первых, это принятие в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, в которой было четко декларировано право не подвергаться рабству и подневольному состоянию (статья 4). Во-вторых, ввиду того, что Декларация ООН 1948 г. есть юридически необязательный документ, возникла неопределенность перспектив принятия обязательного правового документа по правам человека, что побудило ООН принять в 1956 г. отдельный договор, посвященный «институтам и практике, сходным с рабством». Это снова-таки привело к дополнительной концептуальной фрагментации понятия «рабство» и др.

К тому же следует отметить, что механизмы контроля за усилиями государств по борьбе с рабством были достаточно слабыми. Этот недостаток так и не был устранен даже с созданием и функционированием Рабочей группы ООН по современным формам рабства. Ситуация улучшилась с получением в 2007 г. мандата Специального докладчика ООН по современным формам рабства. Его работа улучшила понимание ООН и международным сообществом проблем рабства и практик, подобных ему.

Литература

- [Abolition act, 1976](#) – The bonded labour system (Abolition) act, 1976
- [Anghie, 2023](#) – Anghie A. Rethinking International Law: A TWAIL Retrospective // *The European Journal of International Law*. 2023. 34(1): 1-106.
- [Biholar, 2022](#) – Biholar R. Reparations for Chattel Slavery: A Call From the ‘Periphery’ to Decolonise International (Human Rights) Law // *Nordic Journal of Human Rights*. 2022. 40(1): 64-95.
- [CCFCL, 1930](#) – Convention concerning Forced or Compulsory Labour (ILO №29), 39 U.N.T.S. 55. ILO, 1930
- [Convention 105, 1959](#) – Abolition of Forced Labour Convention (ILO. №105), 320 U.N.T.S. 291. 1959.
- [Convention against Trafficking, 2005](#) – Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings (CETS №197). Warsaw, 2005.
- [Convention for the Suppression..., 1949](#) – Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others. General Assembly resolution 317(IV), 1949.
- [CPHRFF, 1950](#) – Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 1950.
- [Global Estimates, 2022](#) – Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage / ILO, Walk Free, IOM. Geneva, 2022. 143 p.
- [Haynes, 2022](#) – Haynes J. The Confluence of National and International Law in Response to Multinational Corporations’ Commission of Modern Slavery: Nevsun Resources Ltd. V. Araya // *Journal of Human Trafficking*. 2022. 8(4): 441-450.
- [Hsin, 2020](#) – Hsin L.K.E. Modern slavery in law: towards continuums of exploitation // *Australian Journal of Human Rights*. 2020. 26(1): 165-175.
- [International Agreement, 1904](#) – International Agreement for the suppression of the «White Slave Traffic». Paris, 1904.
- [International Convention, 1910](#) – International Convention for the Suppression of the White Slave Traffic. Paris, 1910.

[International Convention, 1921](#) – International Convention for the Suppression of the Traffic in Women and Children. Geneva, 1921.

[International Convention, 1933](#) – International Convention for the Suppression of the Traffic in Women of Full Age. Geneva, 1933.

[International Convention, 1976](#) – International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid. G.A. res. 3068 (XXVIII), 28 U.N. GAOR Supp. (Nº30) at 75, U.N. Doc. A/9030 (1974), 1015 U.N.T.S. 243, 1976.

[International Covenant, 1966](#) – International Covenant on Civil and Political Rights, G.A. res. 2200A (XXI), 21 U.N. GAOR Supp. (No. 16) at 52, U.N. Doc. A/6316 (1966), 999 U.N.T.S. 171. G.A.U.N. 1966

[Kennington, 2019](#) – *Kennington K.* To favor the side of freedom’: judicial opinions and the law of slavery // *Slavery & Abolition. A Journal of Slave and Post-Slave Studies.* 2019. 40(2): 225-239.

[Machura et al., 2019](#) – *Machura S., Short F., Margaret Hill V.M et al.* Recognizing Modern Slavery // *Journal of Human Trafficking.* 2019. 5(3): 201-219.

[McGeehan, 2012](#) – *McGeehan N.L.* Misunderstood and neglected: the marginalisation of slavery in international law // *The International Journal of Human Rights.* 2012. 16(3): 436-460.

[MSA, 2015](#) – Modern Slavery Act 2015. UK Public General Acts, 2015.

[Nicholson, 2010](#) – *Nicholson A.* Reflections on Siliadin v. France: slavery and legal definition // *The International Journal of Human Rights.* 2010. 14(5): 705-720.

[Protocol to Prevent, 2000](#) – Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. General Assembly resolution 55/25. 2000.

[Quirk, 2007](#) – *Quirk J.* Trafficked into Slavery // *Journal of Human Rights.* 2007. 6(2): 181-207.

[SC, 1926](#) – Slavery Convention. Geneva, 1926.

[Siliadin v. France, 2005](#) – Case of Siliadin v. France (Application Nº73316/01). The European Court of Human Rights, 2005.

[Supplementary Convention, 1956](#) – Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery. Conference of Plenipotentiaries convened by Economic and Social Council resolution 608(XXI). Geneva, 1956.

[Universal Declaration, 1948](#) – Universal Declaration of Human Rights, G.A. res. 217A (III), U.N. Doc A/810 at 71. G.A.U.N. 1948.

References

[Abolition act, 1976](#) – The bonded labour system (Abolition) act, 1976

[Anghie, 2023](#) – *Anghie, A.* (2023). Rethinking International Law: A TWAIL Retrospective. *The European Journal of International Law.* 34(1): 1-106

[Biholar, 2022](#) – *Biholar, R.* (2022). Reparations for Chattel Slavery: A Call From the ‘Periphery’ to Decolonise International (Human Rights) Law. *Nordic Journal of Human Rights.* 40(1): 64-95

[CCFCL, 1930](#) – Convention concerning Forced or Compulsory Labour (ILO Nº29), 39 U.N.T.S. 55. ILO, 1930

[Convention 105, 1959](#) – Abolition of Forced Labour Convention (ILO. Nº105), 320 U.N.T.S. 291. 1959.

[Convention against Trafficking, 2005](#) – Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings (CETS Nº197). Warsaw, 2005

[Convention for the Suppression..., 1949](#) – Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others. General Assembly resolution 317(IV), 1949

[CPHRFF, 1950](#) – Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 1950

[Global Estimates, 2022](#) – Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage / ILO, Walk Free, IOM. Geneva, 2022. 143 p.

[Haynes, 2022](#) – *Haynes, J.* (2022). The Confluence of National and International Law in Response to Multinational Corporations’ Commission of Modern Slavery: Nevsun Resources Ltd. V. Araya. *Journal of Human Trafficking.* 8(4): 441-450

[Hsin, 2020](#) – *Hsin, L.K.E.* (2020). Modern slavery in law: towards continuums of exploitation. *Australian Journal of Human Rights.* 26(1): 165-175.

- [International Agreement, 1904](#) – International Agreement for the suppression of the «White Slave Traffic». Paris, 1904
- [International Convention, 1910](#) – International Convention for the Suppression of the White Slave Traffic. Paris, 1910
- [International Convention, 1921](#) – International Convention for the Suppression of the Traffic in Women and Children. Geneva, 1921
- [International Convention, 1933](#) – International Convention for the Suppression of the Traffic in Women of Full Age. Geneva, 1933
- [International Convention, 1976](#) – International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid. G.A. res. 3068 (XXVIII), 28 U.N. GAOR Supp. (№30) at 75, U.N. Doc. A/9030 (1974), 1015 U.N.T.S. 243, 1976.
- [International Covenant, 1966](#) – International Covenant on Civil and Political Rights, G.A. res. 2200A (XXI), 21 U.N. GAOR Supp. (No. 16) at 52, U.N. Doc. A/6316 (1966), 999 U.N.T.S. 171. G.A.U.N. 1966
- [Kennington, 2019](#) – *Kennington, K.* (2019). To favor the side of freedom': judicial opinions and the law of slavery. *Slavery & Abolition. A Journal of Slave and Post-Slave Studies.* 40(2): 225-239.
- [Machura et al., 2019](#) – *Machura, S., Short, F., Margaret Hill, V.M et al.* (2019). Recognizing Modern Slavery. *Journal of Human Trafficking.* 5(3): 201-219
- [McGeehan, 2012](#) – *McGeehan, N.L.* (2012). Misunderstood and neglected: the marginalisation of slavery in international law. *The International Journal of Human Rights.* 16(3): 436-460.
- [MSA, 2015](#) – Modern Slavery Act 2015. UK Public General Acts, 2015
- [Nicholson, 2010](#) – *Nicholson, A.* (2010). Reflections on Siliadin v. France: slavery and legal definition. *The International Journal of Human Rights.* 14(5): 705-720
- [Protocol to Prevent, 2000](#) – Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. General Assembly resolution 55/25. 2000
- [Quirk, 2007](#) – *Quirk, J.* (2007). Trafficked into Slavery. *Journal of Human Rights.* 6(2): 181-207.
- [SC, 1926](#) – Slavery Convention. Geneva, 1926.
- [Siliadin v. France, 2005](#) – Case of Siliadin v. France (Application №73316/01). The European Court of Human Rights, 2005.
- [Supplementary Convention, 1956](#) – Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery. Conference of Plenipotentiaries convened by Economic and Social Council resolution 608(XXI). Geneva, 1956.
- [Universal Declaration, 1948](#) – Universal Declaration of Human Rights, G.A. res. 217A (III), U.N. Doc A/810 at 71. G.A.U.N. 1948.

Концептуализация и юридизация современных форм рабства и практик, ему подобных, в системе международных гарантий прав человека

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}

^a Сумской государственный университет, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В статье предпринята попытка концептуализации понятия «рабство» и его рецидивов в контексте двух этапов юридизации прав человека: национальной и международной. Отмечается достаточно широкое семантическое поле данного понятия, включающего практики, подобные рабству: принудительный труд, формы крайней трудовой эксплуатации, подневольный труд, принудительный труд, обязательный труд и др. Проанализировано формирование смыслового значения понятия «рабство» в международных документах по правам человека.

Утверждается, что рабство так и не было до конца искоренено, хотя и было осуждено мировым сообществом. Обозначены основные современные формы рабства: кабальный

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

труд, долговое рабство, эксплуатация детского труда, торговля людьми, принуждение к браку и другие. Все эти формы рабства до сих пор встречаются в современном мире. Более всего страдают от него самые уязвимые категории населения.

Отмечено, что на уровне мирового сообщества поставлена амбициозная цель – искоренить рабство детей до 2025 года, а до 2030 года – повсеместно в глобальном масштабе. Эта амбициозная цель коррелирует с целями устойчивого развития ООН до 2030 г. Однако, пандемия COVID-19, вооруженные конфликты, гибридные противостояния, изменение климата и другие глобальные вызовы препятствуют окончательной ликвидации всех форм рабства. Все это определяет новые возможности и задачи мирового сообщества в борьбе со всеми проявлениями рабства и перспективами его преодоления.

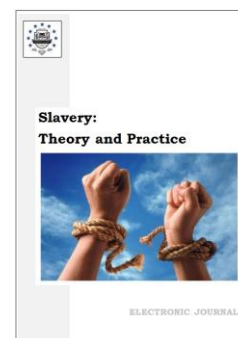
Ключевые слова: рабство, практики, подобные рабству, подневольный труд, эксплуатация детского труда, Организация объединенных наций, Цели устойчивого развития.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2023. 8(1): 75-86

DOI: 10.13187/slave.2023.1.75
<https://stp.cherkasgu.press>

Modern Slavery: The Concept and Evolving Challenges for International Law

Vladyslava M. Zavhorodnia ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

Slavery in the fact of reality, as modern forms of slavery exist in our time, such as sexual exploitation, human trafficking, bride selling, forced marriages, many forms of child labor, forced recruitment of children for use in armed conflicts, the enslavement of other groups of vulnerable populations, debt bondage, etc. Modern slavery (or neo-slavery) is a grave and pervasive human rights violation characterized by the exploitation and abuse of individuals. The purpose of the study is to characterize the concept and forms of modern slavery, analyze the theoretical background of the issue and international courts' jurisprudence concerning slavery, and identify problems facing the international community and legal systems in this context.

The author sums up the characteristics of slavery as a social phenomenon involving the exercising by one person of control and actual possession of another; treating as a property, in some cases transferability and inheritance; deprivation of freedom; forced labor or services; coercion, threats, violence, or other forms of intimidation. In a legal sense, the main features of modern slavery can be designated: 1) deprivation or significant limitation of legal personality, 2) artificially created, as a rule, with the help of violence or psychological pressure, the inability to exercise human rights at the same level as other members of society; 3) the duration of the state and the inability for the victim to change the situation in principle. In cases where these signs are not observed (for example, when a person realizes that he is being exploited and violated, he can stop this condition but does not do this for economic reasons), other offenses could be identified, but not slavery or servitude in legal terms. The primary task of international law at the present stage is the prevention of local and global wars, the termination of armed conflicts that have already arisen, and, apparently, the construction of a new system of international immunity. Only the achievement of this goal can ensure the sustainable development of humanity, which means that slavery in its various manifestations will be eradicated.

Keywords: modern slavery, forced labour, forced marriage, human trafficking, servitude, ECtHR.

1. Introduction

Slavery in the present is not a myth, as modern forms of slavery exist in our time, such as sexual exploitation, human trafficking, bride selling, forced marriages, many forms of child labor, forced recruitment of children for use in armed conflicts, the enslavement of other groups of vulnerable populations, debt bondage, etc. Modern slavery (or neo-slavery) is a grave and pervasive human rights violation characterized by the exploitation and abuse of individuals.

* Corresponding author

E-mail addresses: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (V.M. Zavhorodnia)

Modern slavery exists in various forms, including forced labor, human trafficking, debt bondage, and the enslavement of vulnerable populations, often involving physical and psychological coercion, restrictions on movement, and the deprivation of basic human needs, all to extract labor or services without fair compensation or consent. It represents a significant challenge to the principles of freedom, equality, and human rights, and it remains a global concern that necessitates concerted efforts to eradicate it.

Despite the efforts of many international organizations and national law enforcement systems, the global situation in the context of modern slavery tends to worsen. As per the most recent *Global Estimates of Modern Slavery (2022)* released by Walk Free, the International Labor Organization (ILO), and the International Organization for Migration (IOM), 49.6 million individuals worldwide are enduring modern slavery, encompassing forced labor and forced marriage. Approximately one-fourth of all modern slavery victims are children. Forced marriages affect 22 million people, with two out of five being children. Out of the 27.6 million individuals trapped in forced labor, 17.3 million are subjected to forced labor in the private economy, 6.3 million experience commercial sexual exploitation, and nearly 4 million face forced labor imposed by public authorities. The Covid-19 pandemic and the increase in the number of forced and labor migrants in different parts of the world have also exacerbated modern slavery ([Global Estimates, 2022: 2-5](#)). The study provides estimates as of 2021. That is, it does not take into account the consequences of a full-scale invasion of Ukraine and the displacement of millions of people forced to flee the war. But even without taking into account the war factor, in the five years that have passed since the previous study, the number of victims of modern slavery has grown noticeably. In 2021, there were 10 million more of them than according to global estimates in 2016. Women and children remain disproportionately vulnerable in this respect. Modern slavery is found in almost all countries of the world, affecting the most diverse ethnic, cultural, and religious groups. More than half (52 percent) of cases of forced labor and a quarter of all forced marriages occur in countries with an income level above the middle or high income level.

Unfortunately, we can find many examples of modern slavery, both in traditional and modified forms. For instance, Mauritania has a deeply entrenched system of traditional slavery, where some communities practice hereditary slavery. In this system, individuals from marginalized ethnic groups, such as Haratins (also called “Black Moors” make up approximately 40 % of the Mauritanian population but are mostly slaves or descendants of slaves) and Afro-Mauritanians (can be born into servitude and are considered the property of their masters). This traditional form of slavery, rooted in social and economic factors, has been a long-standing issue in the country. Mostly, we know about these practices from the testimonies of people who were enslaved but managed to escape from the country ([Harter, 2004](#)).

Slavery in Mauritania was officially abolished in 1981, but till 2007, there was no law to provide the liability for slave-owning practices. Mauritania criminalized slavery only in 2007 and passed legislation aimed at eradicating slavery. These legal reforms made slavery and related practices illegal, including forced labor and human trafficking. Nevertheless, there was no real progress in combating slavery for years. In 2010, the UN’s official mission to Mauritania, headed by Gulnara Shahinian, fixed that ‘de facto slavery in Mauritania continues to be a slow, invisible process which results in the “social death” of many thousands of women and men’ ([Report..., 2010: 2](#)). Despite the following legal reforms in 2012-2015, the enforcement of anti-slavery laws remains a challenge. Social norms, limited resources, and the reluctance of some authorities to prosecute cases have hindered efforts to eradicate the practice ([Ghazal, 2022](#)).

It is essential to understand that practices associated with enslaving people and treating them as things are not exclusively inherent in traditional societies. They can also be observed in Europe and other parts of the Western world. Outbreaks of exploitation of enslaved people occur in conditions of war, natural disasters, mass migration, etc. In such situations, the vulnerability and insecurity, especially of women and children, increase significantly. In 2022-2023, due to a full-scale invasion, thousands of Ukrainians (mostly forced migrants) found themselves in situations related to human trafficking. Labor and sexual exploitation led to the fact that Ukrainians ended up in modern slavery in Poland, Ukraine, and Russia, as well as in many other countries of the world ([Chygryn, 2023](#)).

The International Organization for Migration conducted a study of the vulnerability of Ukrainians to situations of human trafficking in the conditions of the war in Ukraine. According to

it, every fourth Ukrainian is ready to accept a risky job offer abroad or in another settlement. 27 % of respondents would agree to accept at least one dangerous offer to work abroad, including:

17 % are ready to work without formal employment;

13 % abroad and 9 % in Ukraine are ready to work in closed rooms without being able to leave the workplace freely;

2 % abroad and 2 % in Ukraine are ready to give the employer a mobile phone or other personal items for the period of employment;

1 % abroad and 3 % in Ukraine are ready to give their passport to the employer for the period of employment ([National study, 2022](#)). Therefore, the risks of falling into labor or sexual slavery for such people are very high.

It became clear that it is currently impossible to reveal the exact scale and specific forms of enslavement of Ukrainians who were forced to leave their places of permanent residence due to the war. However, specific facts are already becoming known. There is a recorded story of a Ukrainian migrant woman with a child who escaped from the occupied territories to a European country. There, she was offered shelter by a local couple - the woman had housing and food. However, the owner of the house issued the documents of the Ukrainian woman himself and kept them. Instead, the couple asked the woman to do the housework, not to go out too often, not to take the child for a walk, etc. After some time, the woman turned to the local authorities, realizing she was being exploited and her rights were limited. Other examples are even more severe, as they involve physical and sexual violence ([Chygryn, 2023](#)).

The deterioration of the economic situation and the increase in poverty due to the war created risks not only for refugees abroad but also for vulnerable categories of the population inside the country. In May 2022, the Dnipropetrovsk police detained four people, including the owner of the farm. The perpetrators kept 60 homeless people, who were forced to work without pay. Victims were sought out at railway stations and bazaars in various regional centers. They were brought to a state of alcoholic intoxication and taken to agricultural fields, where they ended up in de facto slavery ([Kitral, 2022](#)).

Slavery has evolved over time, taking on new and complex forms, integrating into the social systems of different societies, and having hidden or, on the contrary, apparent manifestations. The fight against slavery must address these modern manifestations and adapt legal frameworks to combat contemporary challenges. The recognition and prohibition of these practices in national and international law are vital steps in ensuring comprehensive protection against all forms of exploitation. The purpose of this study is to characterize the concept and forms of modern slavery, analyze the theoretical background of the issue, and international courts' jurisprudence concerning slavery, identify problems facing the international community and legal systems in this context, to identify potential opportunities and ways to solve them.

2. Materials and methods

The study involves a multidisciplinary approach, combining historical retrospectives, modern contextual analysis, and comparative legal methodology. The theoretical basis for it embraces the works devoted to the historical and contemporary forms of slavery ([Allain, 2012](#); [Bales, Robbins, 2001](#); [Gekker, 2014](#); [Graig, 2010](#); [Quirk, 2006](#); [Martineau, 2021](#); [Miers, 2003](#); [Plant, 2014](#); [Scarpa, 2019](#); [Welch, 2009](#)).

In pursuit of the study's goal, the author investigated pertinent international treaties, resolutions, and recommendations put forth by international intergovernmental organizations, reports, and developments of international non-governmental organizations. To assess the current state of the spread of modern slavery and its individual forms, statistics and data generalizations, in particular, made public by international institutions, as well as media materials that illustrated specific cases of enslavement, were used. The analysis of the case law of the European Court of Human Rights (ECtHR), International Court of Justice, and International criminal tribunals revealed the approaches formulated within universal and regional international justice for combating slavery.

3. Discussion

The history of combating slavery under international law is a complex and ongoing process that spans several centuries. Studying this process is essential for understanding the roots of

modern problems and the inability, in many cases, of international legal instruments to combat slavery in its current manifestations.

Efforts to address and eradicate slavery have evolved through various international agreements, conventions, and organizations. Early abolitionist movements in the 18th and 19th centuries, particularly in the United Kingdom and the United States, played a pivotal role in advocating for the abolition of the transatlantic slave trade and slavery itself. The 1807 Abolition of the Slave Trade Act in the UK ([Act, 1807](#)) and the Emancipation Proclamation in the United States ([Proclamation, 1863](#)) were significant steps in this direction. These acts belonged to national legal systems. However, their focus on eradicating slavery in the international legal space is obvious.

The 1807 Act for the Abolition of the Slave Trade (officially known as the Slave Trade Act 1807) was a landmark piece of legislation in the United Kingdom aiming at the abolition of the transatlantic slave trade involved the transportation of enslaved Africans to the Americas for forced labor on plantations. It was a brutal and inhumane practice that had been ongoing for centuries. The late 18th century saw the rise of the abolitionist movement in Britain, with individuals and groups advocating for the end of the slave trade and slavery itself. Prominent abolitionists, such as William Wilberforce, Thomas Clarkson, and Granville Sharp, played vital roles in raising awareness about the atrocities of the trade. The Act prohibited the capture and transportation of enslaved individuals from Africa to the colonies. It imposed significant penalties for individuals involved in the slave trade. Ships that violate the law could be seized, and those convicted of participating in the trade could face fines or imprisonment. The Royal Navy was empowered to enforce the provisions of the Act. Naval vessels were deployed to patrol the seas and intercept slave ships. The captured vessels were then taken to Vice-Admiralty courts for adjudication. There were, however, exceptions in the Act for the East India Company, allowing it to continue trading in slaves between India and the East Indies. This exception was later addressed in subsequent legislation ([Act, 1807](#)).

The Slave Trade Act of 1807 had a significant impact on the international slave trade. While it directly addressed British ships and traders, its moral and legal influence extended beyond Britain, contributing to the global movement against the transatlantic slave trade. The Act reflected a shift in public opinion against the slave trade. Abolitionist campaigns had successfully garnered support, and the Act represented a legislative response to growing humanitarian concerns. It laid the groundwork for subsequent legislation that aimed at the complete abolition of slavery. It set a precedent for the eventual abolition of slavery in the British Empire with the passage of the Slavery Abolition Act in 1833. Following Britain's lead, other nations began enacting legislation to abolish the slave trade. The British Navy actively participated in international efforts to suppress the trade, contributing to a decline in the overall practice.

The Emancipation Proclamation was a historic executive order issued by President Abraham Lincoln during the American Civil War. It was a pivotal moment in U.S. history, as it declared the freedom of all enslaved individuals in Confederate-held territory. Initially, the primary goal of the Civil War was to restore the Union, and Lincoln was cautious about taking radical steps against slavery. However, as the war intensified, he recognized the strategic and moral importance of addressing the issue of slavery. Issued on January 1, 1863: The Emancipation Proclamation was issued by President Lincoln on January 1, 1863, and it came into force immediately. The Proclamation did not immediately free all slaves; rather, it applied to areas in rebellion against the United States. It did not apply to border states loyal to the Union, such as Maryland, Kentucky, Delaware, and Missouri. In these states, slavery persisted until the ratification of the 13th Amendment in 1865 ([Proclamation, 1863](#)).

While the immediate impact of the Proclamation was limited, it held immense symbolic significance. It shifted the Union's focus from solely preserving the Union to a broader goal of ensuring freedom and justice. The Proclamation paved the way for the enlistment of African-American soldiers into the Union Army. Approximately 180,000 African Americans served, contributing significantly to the Union's military efforts ([Nazarian, 2019](#)). The Proclamation also had diplomatic implications. By aligning the Union with the cause of emancipation, it discouraged European powers, particularly Britain and France, from supporting the Confederacy. The Proclamation made it politically challenging for these European nations to support a cause associated with the preservation of slavery openly. It also served as an inspiration for anti-slavery movements worldwide. Its issuance highlighted the moral and ethical dimensions of the conflict,

resonating with individuals and groups advocating for the abolition of slavery in other parts of the world. Finally, the Emancipation Proclamation laid the groundwork for the eventual abolition of slavery throughout the United States with the ratification of the 13th Amendment in December 1865 ([Amendment, 1865](#)).

In 1814, European powers convened the Congress of Vienna to establish a post-Napoleonic peace order. During the Congress (1814–1815), the Vienna Declaration Relative to Universal Abolition of the Slave Trade (the Eight Power Declaration, 1815), marked a global humanitarian milestone. It became the first international instrument against slavery ([Handbook, 2012: 131](#)). Led by British Foreign Minister Lord Castlereagh, the Declaration condemned the Atlantic slave trade as contrary to humanity and morality. Castlereagh, influenced by British abolitionists, sought international abolition but only secured a vague commitment from “Eight Powers” (Great Britain, France, Russia, Austria, Prussia, Sweden, Spain, Portugal). The Declaration proclaimed the slave trade’s repugnance but lacked immediate prohibition, leaving implementation to individual states. Spain, Portugal, and France influenced the Declaration’s weakness due to their colonial interests. Nevertheless, the Vienna Declaration, while initially ineffective in curbing the slave trade, established a binding international principle and laid the foundation for future humanitarian and legal developments.

The International Agreement for the Suppression of the White Slave Traffic, signed in Paris on May 18, 1904, refers to international efforts to combat human trafficking, particularly the trafficking of women and girls for forced prostitution. The term “white slave traffic” was commonly used in the early 20th century to describe the trafficking of women for sexual exploitation. The agreement defined and criminalized various offenses related to the trafficking of women and girls for immoral purposes. It aimed to combat the recruitment, transport, and exploitation of individuals for prostitution. The Agreement recognized the need to protect and assist victims of trafficking. It called for measures to ensure the well-being and rehabilitation of individuals who had been subjected to exploitation. It also encouraged Signatory States to enact and enforce domestic legislation to prosecute and punish offenders ([International Agreement, 1904](#)).

The Brussels General Act (Convention Relative to the Slave Trade and Importation into Africa of Firearms, Ammunition, and Spiritous Liquors) was signed in Brussels on 2 July 1890 to, as the act itself puts it, “put an end to Negro Slave Trade by land as well as by sea, and to improve the moral and material conditions of existence of the native races” ([General Act, 1909](#)). It is important to note that the language and terminology used in historical documents may reflect the prevailing attitudes and norms of the time and today; efforts to combat human trafficking use more inclusive and non-stigmatizing language.

The Slavery Convention of 1926 ([Convention, 1926](#)), adopted under the auspices of the League of Nations, was a pivotal international agreement aimed at suppressing and preventing the practice of slavery worldwide. The primary goal of the Convention was to bring about the complete abolition of slavery in all its forms and manifestations. The Convention provided a comprehensive definition of slavery, encompassing practices where one person exercises powers akin to the rights of ownership over another. Researchers analyze the debate about this definition, the flaws in its universality, and the need to consider modern forms of slavery ([Allain, 2012: 29](#); [Martineau, 2021: 286-288](#)). However, this definition was critical to further international law-making and the jurisprudence of international courts.

The Convention sought to prohibit and criminalize various forms of slavery, including slave trading, forced labor, debt bondage, and servile marriage. Signatory States are committed to taking measures to prevent practices related to slavery, enforce laws against it, and ensure the punishment of offenders. It laid the groundwork for subsequent international agreements and contributed significantly to developing norms and efforts against slavery globally. Nevertheless, the Convention lacked robust mechanisms for enforcement. While it called for Signatory States to criminalize and prosecute slavery, there were no specific monitoring or enforcement bodies established to ensure compliance. Initially, not all States ratified or acceded to the Convention. This lack of universal participation weakened its impact, as not all states were bound by its provisions.

A new stage in the fight against slavery is associated with creating the United Nations. It was founded in 1945 with the principles of promoting human rights and fundamental freedoms for all. The UN Charter ([Charter, 1945](#)) laid the foundation for future international efforts to combat slavery. The 1948 Universal Declaration of Human Rights states, “No one shall be held in slavery or

servitude” ([Declaration, 1948](#)). A similar provision is found in Art. 4 of the European Convention on Human Rights (ECHR) “Prohibition of slavery and forced labour” ([Convention, 1950](#)).

The UN adopted the Supplementary Convention on the Abolition of Slavery in 1956 ([Supplementary Convention, 1956](#)), which extended and supplemented the 1926 Slavery Convention. It specifically addressed practices like debt bondage, serfdom, and forced labor. That is why the Supplementary Convention prompted the shift in terminology from “servitudes” to “institutions and practices similar to slavery.” Some Negotiating Parties aimed to apply the same obligations outlined in the 1926 Slavery Convention, specifically, the progressive abolition of slavery as soon as possible. Others referenced the 1948 Universal Declaration of Human Rights, which proclaimed that “no one shall be held in slavery or servitude.” Despite maintaining the language of “progressive and as soon as possible” for addressing servitude, a collective effort led to removing the term “servitude” from the final draft of the Supplementary Convention. Instead, it introduced the term “institutions and practices similar to slavery,” often abbreviated as “practices similar to slavery.” ([Allain, 2012](#)).

Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women, 1979 ([Convention, 1979](#)) is an international treaty that addresses gender-based discrimination and includes provisions against the trafficking and exploitation of women, which are often related to modern forms of slavery.

Today, one of the primary international agreements in force addressing contemporary forms of slavery is the United Nations Protocol to Prevent, Suppress, and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, also known as the Palermo Protocol ([Palermo Protocol, 2000](#)). It supplements the United Nations Convention against Transnational Organized Crime ([Convention, 2000](#)). The Palermo Protocol comprehensively defines human trafficking, encompassing various forms of exploitation for labor, servitude, or slavery-like practices. It obligates the Signatory States to criminalize trafficking, protect victims, and prevent the offense through prosecution, victim protection, and international cooperation. Unlike earlier agreements, the Palermo Protocol emphasizes prevention, protection, and assistance to victims, recognizing the need for a holistic approach beyond prosecution. It has garnered widespread support, with many countries becoming parties to it, reflecting a more universal acceptance than earlier conventions. While challenges remain in fully eradicating modern slavery, the Palermo Protocol is a primary international instrument shaping efforts to combat trafficking in persons, forced labor, and other contemporary forms of exploitation. Its comprehensive approach and broader acceptance among States (more than 180 Parties) contribute to its relevance in addressing modern slavery globally.

The International Labour Organization (ILO) has adopted conventions and recommendations for labor rights and eliminating forced labor, including Convention N° 29 ([Convention, 1930](#)) and Convention N° 105 ([Convention, 1957](#)).

The 2007 UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples ([Declaration, 2007](#)) is worth mentioning in terms of combating slavery. The Declaration recognizes the rights of indigenous peoples and emphasizes the prohibition of forced labor and slavery in the context of indigenous rights.

Efforts to combat slavery under international law have continued to evolve, with various treaties addressing specific aspects of slavery and related practices and legally non-binding instruments. While significant progress has been made, challenges persist, and addressing contemporary forms of slavery remains a global priority for the international community.

4. Results

As we have already noted, the 1926 Convention (Art. 1) defines slavery as “the status or condition of a person over whom any or all of the powers attaching to the right of ownership are exercised” ([Convention, 1926](#)). A similar definition can be found in the Rome Statute of the International Criminal Court. According to Art. 7 “Enslavement” means the exercise of any or all of the powers attaching to the right of ownership over a person and includes the exercise of such power in the course of trafficking in persons, in particular women and children ([Rome Statute, 1998](#)).

Several international human rights organizations characterizing modern slavery define its signs and forms. For instance, Walk Free points out that “modern slavery refers to situations of exploitation that a person cannot refuse or leave because of threats, violence, coercion, deception, and/or abuse of power ([Walk Free](#)). UN’s Special Rapporteur on contemporary forms of slavery,

including its causes and consequences (UN`s Working Group on Contemporary Forms of Slavery before 2007) ([Special Rapporteur](#)), International Justice Mission ([IJM](#)), Anti-Slavery International ([Anti-Slavery](#)), and other human rights organizations generally identify specific characteristics of modern slavery: 1) a person and his/her activity are controlled with the help of violence or the threat of violence; 2) a person is forced to be in a specific place, engage in a specific type of activity, and cannot change the situation at his/her own will; 3) a person receives little or no pay for his/her work.

In the legislation of many states, as well as in international legal instruments documents, specific signs of the form of slavery depend on the legal structures aimed at combating it (human trafficking, forced labour, forced marriage, etc.). However, the general concept of slavery has its distinctive characteristics. These, in our opinion, are:

Control and Ownership. Slavery involves one person exercising control, ownership, or the right to control another person's life, freedom, and labour. The enslaved individual is often treated as property and lacks autonomy over their choices and actions.

Deprivation of Freedom. Slavery involves the complete loss of freedom for the enslaved person. They are subject to coercion, physical confinement, or restrictions on movement, unable to leave or escape their situation.

Forced Labor or Services. Enslaved individuals are compelled to work or provide services against their will, often without compensation or under duress. The work is typically exploitative, and the individual has no say in the type or conditions of labor.

Legal and Social Status. Slavery deprives individuals of legal rights and recognition as equal members of society. They lack legal protections and are often marginalized or excluded from basic human rights and freedoms.

Transferability and Inheritance. In some cases, persons can be bought, sold, inherited, or transferred as property, reinforcing their status as commodities rather than persons.

Coercion, Threats, and Violence. Enslaved individuals are subject to coercion, threats, violence, or other forms of intimidation to maintain their subjugation and compliance with their enslavers' demands.

The forms of modern slavery vary in their manifestations and contexts but share the commonality of exploiting vulnerable individuals, denying them basic human rights, and subjecting them to conditions of exploitation, coercion, and control.

Global estimates of modern slavery provided by the International Labour Organisation, Walk Free, and the International Organisation for Migration identify two principal components of modern slavery: forced labour and forced marriage ([Global Estimates, 2022](#)). This approach can be accepted because almost all other forms identified by researchers and human rights organizations fit into these two components. For instance, in determining the most typical forms of modern slavery Anti-Slavery International lists human trafficking (the use of violence, threats or coercion to transport, recruit or harbour people in order to exploit them for purposes such as forced prostitution, labour, criminality, marriage or organ removal); forced labour; debt bondage/bonded labour; descent-based slavery (where people are born into slavery); child slavery (include child trafficking, child soldiers, child marriage and child domestic slavery); forced and early marriage; domestic servitude ([Anti-Slavery](#)). Specialists of the Centre for Human Rights United Nations Office at Geneva classify several human rights violations as “slavery.” They note that in addition to slavery in its traditional sense and the slave trade, these abuses include child trafficking, child prostitution, child pornography, exploitation of child labor, sexual mutilation of girls, use of children in armed conflicts, debt bondage, trafficking in human beings and human organs, exploitation of prostitution and some practices used under apartheid and colonial regimes ([Fact Sheet, 1991](#)). Forced labour exacted by the State is also identified as a specific form of modern slavery. Highlighting such a form, Plant gives examples of “privatized prisons” in industrialized countries, transferring of convicts to private companies for labour exploitation of China's “re-education through labor” system, which, though reformed by law in late 2013, formerly coerced individuals detained under administrative detention to forced work ([Plant, 2014: 12](#)).

Some researchers argue that the concept of modern slavery is “frequently used as a non-legal umbrella term comprising multiple forms of exploitation” ([Scarpa, 2019](#)). However, the contours of the international regime on contemporary forms of slavery remain undefined. As a result, the ambiguity surrounding the definition and limits of this concept has adverse effects on several

crucial aspects. It hampers the coordinated efforts of global governance actors in combating various contemporary forms of exploitation that constitute modern slavery. It impedes the collection of pertinent data and the accurate calculation of meaningful estimates regarding the prevalence and scope of modern slavery. Identifying and establishing priorities for future actions to address and combat modern slavery in its diverse forms is also complicated (Scarpa, 2019).

Even though modern international legal instruments are mainly focused on defining specific forms of slavery and combating them, international judicial institutions consider the general concept of modern slavery important and often state its manifestations in their decisions.

International Court of Justice has recognized that protection from slavery is an *erga omnes* obligation. According to §34 of Judgment in *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v Spain)* “such obligations derive, for example, in contemporary international law, from the outlawing of acts of aggression, and genocide, as also from the principles and rules concerning the basic rights of the human person, including protection from slavery and racial discrimination” (*Barcelona Traction, 1970*).

Considering the scope of “slavery” under Article 4 of ECHR, the European Court of Human Rights (ECtHR) refers to the classic definition of slavery given in the Slavery Convention of 1926, corresponding to the “classical” meaning of slavery as it was practiced for centuries. This definition “required the exercise of a genuine right of ownership and reduction of the status of the individual concerned to an “object” (Siliadin, 2005; M. and Others, 2012). Therefore, according to the ECtHR’s jurisprudence, a sign of slavery is the real right of the ownership exercised over a person and the reduction of his status to the status of a thing. The concept of “servitude” entails an obligation, under coercion, to provide one’s services, and is linked with the concept of “slavery” (Siliadin, 2005; M. and Others, 2012). Based on the statements described above, the Court notes that the state of servitude corresponds to a special type of coercion, compulsory labour or, in other words, forced or compulsory labour “under aggravating circumstances.” It highlights a fundamental difference between a state of slavery and forced or compulsory labour within the meaning of Art. 4 of the ECHR in terms of the suffering of the victim. Being enslaved individual feels that his/her condition is permanent and that the situation is unlikely to change. It is enough that this feeling is based on the above-mentioned objective criteria or was caused or supported by those responsible for the situation (C.N., 2012; Kasko, 2020: 13).

Therefore, the practice of the ECtHR clearly distinguishes slavery in its classical sense, as well as servitude from forced labor, forced marriages, debt bondage, etc. It is also worth paying attention to the fact that in several cases, the Court recognized as the violations of Art. 4 of the ECHR Convention situations when states failed to adequately protect people who became objects of human trafficking, victims of sexual exploitation, or were involved in forced labor (Chowdury, 2017, Rantsev, 2010).

On the other hand, the jurisprudence of International criminal tribunals tends to recognize a broad concept of slavery. Thus, the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY) considered “that the traditional concept of slavery, as defined in the 1926 Slavery Convention ... has evolved to encompass various contemporary forms of slavery which are also based on the exercise of any or all of the powers attaching to the right of ownership. In the case of these various contemporary forms of slavery, the victim is not subject to the exercise of the more extreme rights of ownership associated with “chattel slavery,” but in all cases, as a result of the exercise of any or all of the powers attaching to the right of ownership, there is some destruction of the juridical personality” (Kunarac, 2002). ICTY was the first international court to issue sentences for rape and enslavement as war crimes against humanity.

5. Conclusion

The concept of “slavery” has evolved significantly over the centuries. Historically, slavery referred to the ownership and control of individuals as property, often involving forced labor and a denial of basic rights. It was legally recognized and widespread across ancient civilizations and colonial eras. The abolitionist movements of the 18th and 19th centuries challenged and led to the formal abolition of transatlantic slavery in many countries. International legal instruments, like the 1926 Slavery Convention, aimed to prohibit and suppress traditional forms of slavery.

However, the concept of “modern slavery” emerged to address contemporary forms of exploitation that resemble historical slavery but exist in new manifestations. The characteristics of

slavery as a social phenomenon involve the exercising by one person of control and actual possession of another; treating as a property, in some cases transferability and inheritance; deprivation of freedom; forced labor or services; coercion, threats, violence, or other forms of intimidation.

In a legal sense, the main features of modern slavery can be designated: 1) deprivation or significant limitation of legal personality, 2) artificially created, as a rule, with the help of violence or psychological pressure, the inability to exercise human rights at the same level as other members of society; 3) the duration of the state and the inability for the victim to change the situation in principle. In cases where these signs are not observed (for example, when a person realizes that he is being exploited and violated, he can stop this condition but does not do this for economic reasons), other offenses could be identified, but not slavery or servitude in legal terms.

Several complex factors contribute to the existence and perpetuation of slavery. The most critical are inequality, discrimination, and social exclusion; social norms and cultural practices normalizing servitude or exploitation; poverty, lack of economic opportunities; and global demand for cheap labour, goods, and services. Armed conflicts and political instability create environments where exploitation thrives. Displacement and disruption of social structures make populations vulnerable to trafficking and forced labour. Inadequate legal systems or lack of enforcement also allow slavery-like practices to persist.

The task of international law at the present stage is, first of all, the prevention of local and global wars, the termination of armed conflicts that have already arisen, and, apparently, the construction of a new system of international immunity. Only the achievement of this goal can ensure the sustainable development of humanity, which means that slavery in its various manifestations will be eradicated.

References

Act, 1807 – An Act for the Abolition of the Slave Trade. 47° GEORGII III, SESSION 1, CAP. XXXVI. [25th March 1807.] [Electronic resource]. URL: <http://www.esp.org/foundations/freedom/holdings/slave-trade-act-1807.pdf>

Allain, 2012 – Allain, J. (2012). The International Legal Regime of Slavery and Human Exploitation and its Obfuscation by the Term of Art: “Slavery-like Practice”. *Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux* [Enligne]. 10: 27-42. DOI: <https://doi.org/10.4000/crdf.5236>

Amendment, 1865 – 13th Amendment to the U.S. Constitution: Abolition of Slavery (1865). National Archive. Milestone Documents. [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/13th-amendment#:~:text=The%2013th%20Amendment%20to%20the%20United%20States%20Constitution%20provides%20that,place%20subject%20to%20their%20jurisdiction.%22>

Bales, Robbins, 2001 – Bales, K., Robbins, P. (2001). No One Shall Be Held in Slavery or Servitude: A critical analysis of international slavery conventions. *Human Rights Review*. 2(2): 18-45.

Barcelona Traction, 1970 – Judgment in Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v Spain). International Court of Justice. Judgement of 5 February, 1970. [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf>

C.N., 2012 – C.N. and V. v. France. ECtHR. Judgement of 11 October 2012. [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22002-7230%22>

Charter, 1945 – United Nations Charter (full text). Signed on 26 June 1945, San Francisco. [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>

Chowdury, 2017 – Chowdury and Others v. Greece. ECtHR. Judgement of 30 March 2017. [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/?library=ECHR&id=001-172701&filename=CASE%20OF%20CHOWDURY%20AND%20OTHERS%20v.%20GREECE.docx&logEvent=False>

Chyryn, 2023 – Chyryn, O. (2023). Suchasne rabstvo: yak povnomasshtabna viina vplynula na torhivliu liudmy v Ukraini. [Modern Slavery: How Full-Scale Invasion Influenced Human Trafficking in Ukraine] *Ukrainska Pravda*. 4 of June. [Electronic resource]. URL: <https://life.pravda.com.ua/society/2023/04/4/253645/> [in Ukrainian]

Convention, 1926 – Slavery Convention. Signed at Geneva on 25 September 1926. United Nations. The Office of the High Commissioner for Human Rights. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/slavery-convention>

Convention, 1930 – Forced Labour Convention (No. 29). Geneva, 14th ILO session (28 Jun 1930) [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:Co29#A1

Convention, 1950 – European Convention on Human Rights Rome, November, 4, 1950. Council of Europe. 67075 Strasbourg cedex. France. [Electronic resource]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_ENG

Convention, 1957 – Abolition of Forced Labour Convention. (No. 105) Geneva, 40th ILO session (5 Jun 1957) [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:55:0::55:P55_TYPE,P55_LANG,P55_DOCUMENT,P55_NODE:CON,en,C105,/Document#A9

Convention, 1979 – Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women New York, 18 December 1979. Entry into force: 3 September 1981. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women>

Convention, 2000 – United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, 15 November 2000. [Electronic resource]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-12&chapter=18&clang=_en

Declaration, 1948 – The Universal Declaration of Human Rights. Proclaimed by the United Nations General Assembly in Paris on 10 December 1948 (General Assembly resolution 217 A). [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>

Declaration, 2007 – 61/295. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. Resolution adopted by the General Assembly on 13 September 2007. [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/wp-content/uploads/sites/19/2018/11/UNDRIP_E_web.pdf

Fact Sheet, 1991 – Fact Sheet N^o14, Contemporary Forms of Slavery. Jenewa: United Nations, 1991. [Electronic resource]. URL: <https://ecommons.cornell.edu/server/api/core/bitstreams/80ff2b08-ee36-47a6-8f38-376bba9f8170/content>

Gekker, 2014 – Gekker, E. (2014) Rape, Sexual Slavery, and Forced Marriage at the International Criminal Court: How Katanga Utilizes a Ten-Year-Old Rule but Overlooks New Jurisprudence. *Hastings Women's L.J.* 25(1). [Electronic resource]. URL: <https://repository.uchastings.edu/hwlj/vol25/iss1/7>

General Act, 1909 – General Act between the United States of America and Other Powers for the Repression of the African Slave Trade and the Restriction of the Importation into, and Sale in, a Certain Defined Zone of the African Continent, of Firearms, Ammunition and Spirituous Liquors. (1909) *The American Journal of International Law*. 3(1): 29-61. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/jstor-2212026>

Ghazal, 2022 – Ghazal, A. (2022) Slavery in Mauritania: The Long Road to Real Emancipation. Arab Center Washington DC. August 16. [Electronic resource]. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/slavery-in-mauritania-the-long-road-to-real-emancipation/>

Global Estimates, 2022 – Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage. International Labor Organization (ILO), Walk Free, and the International Organization for Migration (IOM), Geneva, 2022.

Graig, 2010 – Craig, G. (Ed.). (2010). Child slavery now: A contemporary reader. Bristol University Press. 341 p.

Handbook, 2012 – The Oxford Handbook of the History of International Law. Edited by Bardo Fassbender, Anne Peters, Simone Peter, and Assistant editor Daniel Högger. Oxford University Press, 2012. 1280 p.

Harter, 2004 – Harter, P. (2004). Slavery: Mauritania's best kept secret. *BBC*. 13 December 2004. [Electronic resource]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4091579.stm>

IJM – International Justice Mission. Official Website. [Electronic resource]. URL: <https://www.ijm.org/our-work>

International Agreement, 1904 – International Agreement for the Suppression of the “White Slave Traffic”. Paris, 18 May 1904. [Electronic resource]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=VII-8&chapter=7&clang=_en

Kasko, 2020 – Kasko, V.V. (2020). Praktyka Yevropeiskoho sudu z prav liudyny za statteiu 4 Konventsii pro zakhyst prav liudyny i osnovopolozhnykh svobod [Practice of the European Court of

Human Rights under Article 4 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. Kyiv, Phenix, 48 p. [In Ukrainian]

Kitral, 2022 – *Kitral, O.* (2022). Bezoplatna pratsia. Viina zahostryla problemu rabstva v Ukraini. [Unpaid work. The war exacerbated the problem of slavery in Ukraine.] Dzerkalo tyzhnia. 7 of June. [Electronic resource]. URL: <https://zn.ua/ukr/SOCIUM/bezoplatna-pratsja-vijna-zahostryla-problemu-rabstva-v-ukrajini.html> [In Ukrainian]

Kunarac, 2002 – Prosecutor v Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovich. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. Appeal Judgment of 12 June 2002. [Electronic resource]. URL: <https://www.icty.org/x/cases/kunarac/acjug/en/>

M. and Others, 2012 – M. and Others v. Italy and Bulgaria. ECtHR. Judgement of 31 July 2012 [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-112576%22%5D%7D>

Martineau, 2021 – *Martineau, A.-Ch.* (2021). Contested Histories: Revisiting the Relationship Between International Law and Slavery. Shane Chalmers; Sundhya Pahuja. *Routledge Handbook of International Law and the Humanities*, Routledge. Pp. 279-289. [Electronic resource]. URL: <https://hal.science/hal-03325609/document>

Miers, 2003 – *Miers, S.* (2003). Slavery in the Twentieth Century: Evolution of a Global Problem, New York, Altamira Press, 505 p.

National study, 2022 – Natsionalne doslidzhennia urazlyvosti naseleennia do torhivli liudmy ta ekspluatatsii v umovakh viiny. [National study of the vulnerability of the population to human trafficking and exploitation in conditions of war] Zhovten 2022 r. Info Sapiens na zamovlennia Predstavnytstva Mizhnarodnoi orhanizatsii z mihratsii (MOM) za finansovoi pidtrymky Ahentstva SShA z mizhnarodnoho rozvytku (USAID). [Electronic resource]. URL: https://ukraine.iom.int/sites/g/files/tmzbd1861/files/documents/Survey%20results_UKR_web.pdf [in Ukrainian]

Nazarian, 2019 – *Nazarian, S.* (2019). Civil War: African Americans in the Civil War Veterans Legacy Program. The University of Central Florida & the National Cemetery Administration. [Electronic resource]. URL: <https://vlp.cah.ucf.edu/aa/aacw.html#:~:text=This%20order%20included%20a%20passage,experienced%20harsh%20treatment%20as%20soldiers>

Palermo Protocol, 2000 – Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, 15 November 2000. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-prevent-suppress-and-punish-trafficking-persons>

Plant, 2014 – *Plant, R.* (2014). Modern slavery the concepts and their practical implications / International Labour Office. Geneva: ILO. 2014. 30 p. [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/declaration/documents/publication/wcms_355052.pdf

Proclamation, 1963 – Emancipation Proclamation, January 1, 1863. National Archive. Record Group 11: General Records of the United States Government Series: Presidential Proclamations. [Electronic resource]. URL: <https://catalog.archives.gov/id/299998?objectPage=3>

Quirk, 2006 – *Quirk, J.* (2006). The Anti-Slavery Project: Linking the Historical and Contemporary. *Human Rights Quarterly*. 28(3): 565-598. [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/20072754>

Rantsev, 2010 – Rantsev v. Cyprus and Russia. ECtHR. Judgement of 7 January 2010. [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%5B%22002-1142%22%5D%7D>

Report..., 2010 – Report of the Special Rapporteur on contemporary forms of slavery, including its causes and consequences, Gulnara Shahinian. Mission to Mauritania. 2010. [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/newsitem/wcms_146482.pdf

Rome Statute, 1998 – Rome Statute of the International Criminal Court. Done at Rome on 17 July 1998, in force on 1 July 2002, United Nations, Treaty Series. Vol. 2187. No. 38544. [Electronic resource]. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/RS-Eng.pdf>

Scarpa, 2019 – *Scarpa, S.* (2019). The Nebulous Definition of Slavery: Legal Versus Sociological Definitions of Slavery. Pp. 131-144. In: The Palgrave International Handbook of

Human Trafficking / Winterdyk J., Jones J. (eds). Palgrave Macmillan [Electronic resource]. eBook ISBN 978-3-319-63058-8. Published: 30 October 2019.

[Siliadin, 2005](#) – *Siliadin, v. France*. ECtHR. Judgement of 26 October 2005. [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?library=ECHR&id=001-185678&filename=CASE%20OF%20SILIADIN%20v.%20FRANCE%20%E2%80%93%20%5BRussian%20translation%5D%20summary%20by%20Development%20of%20Legal%20Systems%20Publ.%20C0%20.pdf&logEvent=False>

[Special Rapporteur](#) – Special Rapporteur on contemporary forms of slavery, including its causes and consequences. The Office of the High Commissioner for Human Rights is the leading United Nations. Official Website. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-slavery>

[Supplementary Convention, 1956](#) – Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery. Adopted on 07 September 1956 by Conference of Plenipotentiaries convened by Economic and Social Council resolution 608(XXI) of 30 April 1956 and done at Geneva. [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/supplementary-convention-abolition-slavery-slave-trade-and>

[Walk Free](#) – Walk Free, an international human rights group. Official Website. [Electronic resource]. URL: <https://www.walkfree.org/what-is-modern-slavery/#:~:text=Modern%20slavery%20covers%20a%20set,like%20practices%2C%20and%20human%20trafficking>

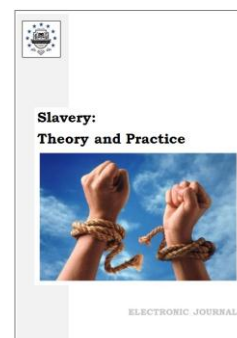
[Welch, 2009](#) – *Welch, C.E.* (2009). Defining Contemporary Forms of Slavery: Updating a Venerable NGO. *Human Rights Quarterly*. 31(1): 70-128. [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/20486738>

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Slavery: Theory and Practice
Issued since 2016.
E-ISSN: 2500-3755
2023. 8(1): 87-88

DOI: 10.13187/slave.2023.1.87
<https://stp.cherkasgu.press>

Letters to the Editorial Office

About the Results of the 4th International Competition “Slavery in the Past and Present”

Aleksandr A. Cherkasov ^{a,*}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

On July 10, 2020, the annual international competition for the best research work “Slavery in the past and present” was established. The founders of the competition were the East European Historical Society, Cherkas Global University (Washington, USA), as well as KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana). In 2021–2022, the 2nd and 3rd similar competitions were held, and on February 17, 2023, the 4th International Competition was announced. On December 2, 2023, on the international day for abolition of slavery, the expert commission of the competition summed up its work and selected the 5 best works. The winners represented countries such as the USA, Russian Federation, Ukraine, Slovakia and Uzbekistan. The works of the winners are published in the journal “Slavery: Theory and Practice” for 2023.

Keywords: 4th International Competition, the best research work, the history of slavery, “Slavery in the past and present”, 2023.

The international competition “Slavery in the past and present” was established on July 10, 2020 and was held for the first time in the same year (Cherkas Global..., 2022: 164). The purpose of this competition was an attempt to attract the attention of the world scientific and pedagogical community to the history of slavery in the world, and on the African and Eurasian continents, in particular.

So, on July 10, 2020, the First (annual) competition “Slavery in the past and present” was announced. The prize fund of the competition would be 2,250 USD. Initially, the organizing committee of the competition was supposed to award three winners: first place – 100 USD, second place – 750 USD and third place – 500 USD (Cherkas Global..., 2022: 166). However, by the end of the competition on November 15, 2020, a significant number of works highly appreciated by the expert commission had been submitted. As a result, it was decided to divide the prize fund of the Competition in equal parts among the five best works. The same principle was applied when evaluating the works of the 2nd Competition, which took place between February 14 and October 23, 2021 (Cherkas Global..., 2022: 167), as well as the 3d Annual Competition.

On February 17, 2023, the 4th (annual) international scientific research competition “Slavery in the past and present” was announced. The founders, as in the last time (2020), were the East

* Corresponding author
E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

European Historical Society, the Cherkas Global University (Washington, USA), as well as KAD International (Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana).

The prize fund of the contest remained unchanged – 2,250 USD.

Summing up the results of the competition was timed to December 2, 2023 (this day is the international day for the abolition of slavery and has been celebrated since 1949).

So, according to protocol, the works from the following countries were submitted to the competition: USA, Uzbekistan, Ukraine, Slovakia and Russian Federation.

The commission for summing up the results of the competition selected the five best works, with a cash prize of 450 USD each. The following works were selected among the best:

– F.J. Tadjieva (Uzbekistan). Slavery in the Khiva Khanate: the use of slave power. Abolition of slavery and its socio-economic consequences;

– M. Smigel (Slovakia). To the Issue of International Aspects of the Prohibition of the Slave Trade and Slavery in the 19th century;

– V.M. Zavhorodnia (Ukraine). Modern Slavery: The Concept and Evolving Challenges for International Law;

– S.N. Nikitin (Russian Federation). To the Issue of the Evolution of Checklists of Prisoners and Slaves from Circassia who Fled to Russia in 1810–1857 (Using the Example of the “Circassian Slave Narratives”);

– A.E. Lebid (Ukraine, USA). Conceptualization and Juridicalization of Contemporary Forms of Slavery and Practices Similar to it in the System of International Human Rights Guarantees.

References

[Cherkas Global..., 2022](#) – Cherkas Global University (1992–2022): Collection of Documents. Los Angeles, Washington DC, 2022.